

Роман Шмыков

18+

Вилка Еретика

Будущее наступило, ура... Новая эра человечества, переселившегося на Плутон и положившего миллионы жизней, лишь бы фиолетовая планета поддалась и позволила жить на своей поверхности. Но так ли одиноки люди в космосе?

Город — символ величия, накрытый Тетром как щитом от коренных жителей Плутона — Анухе — огромных гусениц, никак не собирающихся отдавать планету двуногим. Борьба видов из разных миров, которой не видно конца и края.

Бывший военный узнает, каково это — забыть истинный лик войны и поплатиться за глупость, наивность. Как быстро треснут заржавелые мировоззрения и устои в условиях, которые совершенно выпали за грани реальности?

Часть первая. Блуждающий нерв. Глава 1

Я боялся, что больше никогда не получу такого удовольствия, как в этот самый момент. Она поддавалась каждому моему движению, двигалась в такт любому телесному порыву того, кто ласкал её последние пятнадцать минут. Так, как я, больше никто не умеет на Плутоне. Я упёрся руками о ковёр, повернул её к себе, чтоб дырочка оказалась ровно под моими бёдрами. Пришлось помочь себе, чтоб вхождение никому не принесло дискомфорта. Мы одновременно провалились в такое блаженство, что её покров ощущался в равной степени моим. Я чувствовал её, а она чувствовала меня, слегка пульсирующая под потным животом.

Она немного волновалась, постанывала не как обычно, но быстро осознала, что я не принесу вреда. Наоборот, это сплошное удовольствие. Я смазывал пальцами её слизь со своего члена и пробовал на вкус. Столь знакомый, столь желанный. Мы не виделись уже неделю, между моих ног всё это время назревал настоящий бунт. Вот наконец я в ней, набираю темп, шлепки становятся громче, от чего хочется только сильнее вдавливаясь в неё, лишь бы она навсегда меня запомнила, от природы никогда не отличавшаяся хорошей памятью на человеческие лица.

Отлично чувствую — её дырочка принимает меня, работает как насос. Мой оргазм стал приближаться с молниеносной скоростью, и я стиснул зубы, начал вспоминать свой нудный Отсчёт на заводе, лишь бы отдалить момент и не сползть с любимой как можно дальше. Отлично знаю, что и она терпит, ждёт, пока кончу первым. Непреложное правило проституток — сперва клиент, потом уже личное удовольствие. Но мне же хотелось играть, немного глумиться и откровенно вредничать. Я изловчился и подсунул руку к бёдрам, нащупал её клитор, закрытый несколькими слоями покровов, и принялся его тереть. Сначала мягко, затем круговыми движениями усилил нажим. Она начала так сильно извиваться, что моё нахождение сверху превратилось в настоящее испытание. Я стал обильнее потеть, даже язык случайно прикусил, слишком сконцентрированный на чужом удовольствии вместо того, чтоб кончить уже да отправиться домой к супруге.

Мысль подобного толка всегда приходит с лёгким опозданием. Я ведь давно к ней хожу, а тут явно стал ломать грань, когда наслаждение становится пыткой, и самый сладкий оргазм теряет силу, добытый словно в соревновании. В приступе стыда я вынул из неё член и чуть спустился, головой припал к дырочке, слегка солоноватой на вкус. Я чавкал, ловя какое-то совершенно неуловимое и необъяснимое чувство. Хочется очутиться в ней, залезть полностью и никогда больше не покидать её тела. Даже пустив скупую слезу, я, всё ещё утопающий в ненависти к себе из-за собственного варварства, решил, что пусть уж сначала она кончит, а я уж как-нибудь потом. В *следующий* раз или же в *душе*, пока толстый слой машинного масла и каменной пыли будет понемногу сходить, засоряя слив.

Клитор набух достаточно, чтоб мой рот наполнился. Она текла так обильно, что приходилось глотать слюну вперемешку с её соками, всё ещё вкусными для влюблённого заводчанина, слегка потерявшегося по пути домой. Она же веселилась, радостно пищала. Лишь бы не ударила случайно ножкой, а то и синяк оставит. Такое не смогу внятно объяснить жене, да и врать не хочу. Просто промолчу, как раньше. Всегда работало, и сработает в этот раз.

Хочу, чтоб она узнала, как я люблю её. Я еле отпал своими губами от её дырочки,

приподнялся и вернулся в прежнее положение. Набухший член так легко скользнул внутрь, что я кончил практически сразу, застывший на целую минуту. Неподвижный, трясущийся, и каждое мышечное волокно проглядывает под уставшей морщинистой кожей. Почему-то вместо приятных воспоминаний перед закрытыми глазами промелькнуло заспанное лицо пятидесятилетнего мужчины, которое я всё ещё не привык встречать в зеркале каждое утро.

Я свалился с неё. Она, всё ещё брыкающаяся в радости, пищала и болтала всеми восемью лапками, пока складки пульсировали, принявшие мою сперму и отправившие её на переваривание в огромный организм. До сих пор удивляюсь, как люди и огромные гусеницы Плутона смогли так полюбить друг друга. Оттого проигранные войны на Марсе и Венере выглядят совершенно нелепо. Насекомые нас любят, а мы любим их в ответ. Так это работает на фиолетовой планете. Так было до меня, так происходит при мне и так продолжится, когда я умру. Зацикленный круговорот жидкости и любви, давно утратившей границу между двумя совершенно разными формами жизни. Как же я люблю свою Диту, самую нежную Анухе в Городе.

Достал сигарету с наполненным фильтром. Красноватый, слишком явно выдающийся содержащийся в себе Экс. Но он как ничто другое нужен сейчас. Чтоб продлить сладость момента, чтоб он запечатался в памяти так сильно, что никакой грохот металла на производстве не выбьет его из головы. Первая затяжка, и стопы онемели, постепенно забирая с собой голени. Такое же происходит с лицом, оно словно чужое, и я трогаю другого человека, не себя. *В паху* только жар сохранился, всё ещё напоминающий, что произошло — жаркий секс с Анухе, огромной гусеницей. Моя Дита приятного бирюзового цвета. В слабом освещении её личной комнаты она переливается так красиво, что у меня слёзы на глазах выступают. Как же я обожаю её. Если б мы знали языки друг друга, то я бы всё ей рассказал. А она призналась бы в любви *мне*. Это было бы так прекрасно. Но увы, мы всё ещё можем общаться одним лишь языком прикосновений.

— Дита, можно я приду к тебе через пару Отсчётов? Не уверен, что протяну больше... Дита?

А она молчала, повернувшись ко мне боком. Её огромные складки всё ещё пульсировали, оранжевые пятна на них постепенно меняли свой цвет. Она злилась или боялась. И я корил себя за то, что вызвал одно из этих чувств. Или оба сразу. Как же хочу доказать ей, что не представляю опасности, и...

— Дита? — я приложил ладонь к её покрову, отодвинув подальше папиросу с Эксом. — Ты меня слышишь?

Дита грузно поднялась, еле шевеля лапками, и уползла в темноту своей личной комнаты, куда для посетителей доступ закрыт. От моей возлюбленной осталась лишь полоса слизи, смесь наших жидкостей. Я припал к ней лицом, забыл о сигарете. Пепел попал мне в ладонь, я машинально скинул вместе с недешёвым куревом на ковёр. Чтоб не попортить его, тут же всё смахнул онемевшими пальцами и задавил пепел, только бы не разгорелся.

В зудящей обиде спешно оделся, предварительно вытершись специальными полотенцами у входа, и выскочил в коридор. Еле удерживаю слёзы под плотно сомкнутыми веками. Что я сделал сегодня не так? Как обычно был нежен и ласков, а она откровенно вредничала всё время, словно ей не нравилось, словно я самый мерзкий человек на планете. Будто она не принимает мне подобных по десять штук за Отсчёт...

По длинному узкому проходу выбрался к кассе. Мой давний знакомый, Хоп, как обычно дежурил в вечерние смены, еле дотягивающий до их конца. Задремал, работяга, аж храп

поднял на половину борделя. Я сначала приготовил деньги, — наличность, как в совсем позабытые времена на Земле, — затем стуком в стекло разбудил Хопа.

— Здравия тебе. Вот, держи за час. — Проверив электронный остаток на НОТ-СОУ. СМАРТ, я просунул смятые купюры в узкую щель между мной и кассиром. Удобно, что он же являлся и главным сутенёром. От него можно лично узнать все подробности о местных Анухе, чтоб точно получить лучший на Плутоне оргазм с гусеницей.

— Здравия, Нис. Как всё прошло?

— Сложно сказать, — я специально показательно вздохнул и пожал плечами, — Дита сегодня какая-то неотзывчивая.

— Может, это потому что ты был с Мити?

Я буквально опешил, ощутив что-то вроде предательства. Причём что с моей стороны, что со стороны Хопа.

— Почему не сказал? Я же только к Дите ездить люблю!

— Тогда ты бы сразу заметил, что это не она... — Хоп на секунду усмехнулся. Однако, заметив мой озлобленный взгляд, быстро вернул серьёзный тон. В какой-то мере даже извиняющийся, — Дита с недавнего времени не на смене.

— Что случилось?

Я прижался лбом к стеклу между нами — единственной перегородке. Иначе сдавил бы горло Хопа так сильно, что он перестал бы произносить имя моей любимой гусеницы с такой пренебрежительной интонацией.

— Я продал её...

Слов во мне не нашлось. Да, всем известно, что умелых Анухе отправляют в частные коллекции богачам Города, тем не менее я от чего-то был уверен, что мою Диту никогда не отдадут. Сладкий секрет превратился во всеобщее достояние, и теперь мерзкое чувство утраты ударило меня по животу. Я буквально согнулся пополам, удерживаясь на месте непонятно как. Опёрся о стекло, Хоп даже с места подскочил.

— Нис... я прошу тебя... по старой дружбе... — его жалкий голос отлично доходил до меня, и я жалел, что имею прекрасный слух, который когда-то помогал при службе в Пурпурной армии. — Иди домой, пожалуйста. Тебе нужно отдохнуть. Как там кстати поживает...?

Я не дал ему договорить. Он хотел спросить о Пим, но я ни в коем виде не хотел вспоминать о ней до прихода домой. Хоп сел обратно, стул под ним даже скрипнул, приняв на себя тяжёлое тело лысеющего толстяка. Сейчас он словно стал более отвратительным, и другом его сложно назвать. Мерзко, таким не место среди моего ближайшего круга общения. Тем более именно этот человек продал мою любимую Анухе, чтоб набить себе карман. Я молча махнул рукой в сторону Хопа и поспешил выйти на улицу, ощущая, что эффект Экса покидает меня. Как и тепло, что подарили последние минуты в этом борделе. Не хочу больше сюда возвращаться, смысла отныне в этом буквально нет никакого.

Город под полимерным Тетром постепенно затихал. Дневная смена закончилась несколько часов назад, а ночная наступит нескоро, пусть и Солнце в самом разгаре. В летний период вращения Плутона верхушка власти решила, что рабочее время можно сократить, вот только при этом повысить интенсивность каждой минуты. Да, по воле Совета у меня больше свободного времени, а какой в этом толк, если я без ног возвращаюсь домой, и всё, на что у меня есть силы, это на скорую руку поесть да свалиться спать перед экраном, который запрещено выключать даже в ночное время? И каждые полчаса обязательные

лекции о силе Троебожия. Тошнит уже от этих фанатиков. Стыдно признаться пред предками с Марса и Венеры, что в наш 4516 год от рождества Христова власть удерживается на две трети религиозными деятелями. Их голоса важнее, и слово обычного Горожанина куда слабее по сравнению с их словом. Думать хотя бы не запретили, и на том спасибо.

Я медленно вышагивал подальше от борделя по пути к центру Города. Там мой любимый бар, спрятанный в подвале под одним из самых высоких небоскрёбов. Хочу выпить, чтоб выбить из ушей свои же настырные мысли. И вспоминать смешно, что люди терраформировали столь далёкую от звезды планету, но отдали все лавры несуществующим богам, якобы те благословенно позволили сотворить подобное, а наша заслуга лишь в том, что нам удалось попросту дожить до этого момента.

Одновременно с этим до боли обидно, что нет тихого места ни в одном из пяти Городов на Плутоне. Везде эти баннеры, электронные щиты размером со здание. Бесконечный поток религиозной пропаганды. Как бы ты ни хотел, но не забудешь три заповеди. Сформулированы они при первой высадке на фиолетовой планете, тогда ещё бывшей оранжевым неприветливым шаром, намного меньшим по сравнению с первым домом людей в этой системе. И тесно как-то даже, хотя население куда реже прежнего. Нас словно выгоняют отсюда, хотят изжить нас, выставить как вредителей, лишь бы мы все передохли как насекомые других планет, не заслужившие сделать и малейший вдох.

Центр ближе — баннеров всё больше. Их невозможно игнорировать, слишком яркие, слишком огромные. Такие громкие, хоть уши затыкай, но всё равно услышишь. А я не могу не слышать, так что каждая проповедь со стороны Совета и его религиозной ветви превращается в откровенную физическую пытку.

«Троебожие — единственный объект поклонения, и ни одно другое существо не может быть предметом столь сильного восхищения. Помни своих создателей и своих стражей. Помни Троебожие»

Самая глупая заповедь, и почему-то первая. Встречает меня потоком отвращения, аж мурашки по спине. Я ускорил шаг.

«Поклоняться Троебожию и проводить обряд Верности — важная обязанность каждого Гражданина. Держи мысли в чистоте, а поступки — в верности Городу и его правлению»

Да, помню. Иначе тебе присуждается постыдное клеймо Еретика. С ним невозможно найти достойную работу, не на что будет обеспечивать семью как итог. Никакой государственной службы, и даже самый верный воин Пурпурной армии может вмиг превратиться в изгоя, не вовремя решивший открыть рот против непоколебимой власти и авторитета Троебожия. Твой голос лишается полноценной силы при выборе новых членов Совета. Лишь десять Еретиков составляют один цельный голос стандартного Гражданина. Таких отщепенцев, практически бесполезных для Города, выгоняют или насильно, или под любыми другими предлогами выселяют на окраины, где воздух даже имеет меньше степеней очистки. Боюсь к старости начать вслух говорить с самим собой, и подобные мысли станут вполне слышимыми словами. Так не хочется после бравой службы в армии и работе на производстве вдруг стать никому не нужным стариком, лишённым любой почести.

«Служба Городу и Троебожию является главным приоритетом жизни любого Гражданина. Посвящай каждую минуту мыслям о Троебожии, пока тело занято работой во благо всего общества Плутона»

И сложно это назвать заповедями, хотя в главной книге нашей планеты, Своде, они прописаны отдельно от основных очевидных правил, вроде убийств, воровства и

дезертирства. Как по мне — это та же пропаганда, только ещё Троебожие привязали, чтоб люди боялись. А кто на самом деле его страшится? У кого ни спрошу, так хоть шёпотом, да поведают, что не верят во всё это. Изжитые рассказы о всемогущих существах, когда-то создавших людей. Словно это сложно — поднять документы и узнать точные имена своих родителей. Да в наше время даже сперму своего отца можно добыть из архивов. И клянусь своим браком — в этой жидкости нет никаких богов.

Проповеди начали сливаться в одну неприятную какофонию. Благо, всё это по большей части осталось за спиной. Пропаганда придумана для бедных, пока богатые верстают новые формулировки, и им необязательно каждый раз слушать собственное творчество. Покрытый пылью и жидкостью другой Анухе, не моей родной, я заступил за черту центра — круга, на пятьдесят метров выше предыдущего яруса. Длинный эскалатор поднял меня сюда, и поставлю на кон что угодно, но воздух тут слаще, чище. Лёгким легче дышать, в груди уже не так ломит. Мышцам проще двигаться, а мысль о том, что жизнь всё-таки прекрасна, только крепнет.

По знакомым металлическим путям вдоль магистралей воздушных подушек я добрался до бара. Дошагаю сюда хоть с закрытыми глазами, за долгое время в отставке выучивший наизусть один и тот же маршрут, повторяемый после каждой второй смены. Приятный запах этилового спирта, более безопасного, нежели на более отдалённых участках Города, поманил скорее заскочить внутрь. Музыка обволакивала как мать, заботящаяся о своём единственном ребёнке. Окрылённый, я открыл двери и ввалился в бар. Местные Анухе, выполняющие роль диванов и личных спутниц посетителей, мерно подрагивали в такт оркестру. Он играл что-то тягучее, такое чарующее и вводящее в транс, что разница между насекомыми и людьми совершенно стёрлась. Я прошёл к барной стойке, на ходу погладив одну из гусениц, проползших мимо. На её спинке поднос с напитками, поблескивает в зеленоватом свете с потолка.

— Страут и виски.

Я устроился за стойкой, в бессилии еле влезший на высокий стул. Вокруг больше мужчин, нежели женщин. Четверть из них знаю лично. Это мои коллеги на производстве. Каждое утро на построении и лекции по технике безопасности мы киваем друг другу, потом мерно разбредаемся по своим рабочим местам под играющий по всей территории завода гимн Города. Он практически не отличается от гимна Пурпурной армии, разве что добавлены несколько куплетов про Троебожие, но к этому моменту, благо, я уже за своим станком приношу реальную пользу обществу. В отличие от тех, кто только и умеет, что стишки под музыку сочинять.

Мне поставили чёрную бутылку и стакан. Бармен сегодня нарасхват. Конец смены для обычных рабочих означал для него начало полной загрузки. Тонна посетителей, и ещё попутно надо следить за Анухе, чтоб какой-нибудь особо игривый заводчанин не утащил её с собой в туалет. Помню, как несколько бригадиров, особо распоясавшиеся после повышения и последующей пьянки, сначала изнасиловали одну из гусениц, а потом сожрали половину бедняжки. Их тут же выставили за пределы Города, где тоже есть воздух, но шанс выжить от этого совершенно не повышается. Дурачье, нет чтоб просто выпустить пар да оставить Анухе в покое. Отлежалась бы и вернулась на смену, так нет, пустили в ход свои зубы...

Я сделал плоток виски и запил страутом. Горячая смесь быстро провалилась в желудок. Тепло, столь желанное в этот момент, распределилось равномерно по телу. Схожее с приёмом Экса, хоть и слегка иного воздействия. Чувствую, как щёки загорелись, улыбка

сама по себе растянула лицо. Я вспомнил Диту. Внезапная волна тоски навалилась грузом на позвоночник, меня пригнуло к стойке, а там недопитый стакан. Тут же я одним плотком прикончил остатки виски и пригубил страута из бутылки. Подозвал бармена.

— Что вам? Повторить?

— Нет, спасибо, — я ощутил собственный шлейф перегара изо рта, — у вас случайно не будет Анухе для уединения?

— Нет, извините.

Тон его был резким, но правила общения с клиентами не позволяют общаться иначе. Каким бы ни был посетитель, он остаётся главным приоритетом. Я не хотел этим воспользоваться, точно нет. Просто решил, что могу сегодня попросить у других людей немного сожаления. Не думаю, якобы это так сложно — войти в моё положение. Уверен, у большинства есть своя любимая гусеница — в борделе, в баре или же прямо дома. И не поверю, что кто-то не считает их членами своей семьи. Я же часть семьи сегодня потерял...

В кислой обиде допил страут и тут же выскочил на улицу, специально избегая взглядом любую Анухе, что могла попасться по пути. Слишком уж все они напоминают Диту. Не хватало ещё утонуть в ребячьих чувствах и забыть, что я вообще-то бывший военный, с наградами окончивший службу и заступивший в ряды работников производства. Если бы не мы, то Пурпурная армия в руках носила бы обычные камни, а не новейшие автоматы серии FP142. Так-то! Лично я собрал таких и несколько предыдущих моделей своими руками. Никто не посмеет попрекнуть, что я сделал для этого общества слишком мало. Ха, какое Троебожие? Вот же я, тот, кто творит...

Машина Стражей прокатила мимо, на беззвучных магнитных подушках подкравшись, словно воры. Заметил их исключительно по красным и синим всполохам на стенах двора, в котором очутился. Вроде бы знакомый, но стоит найти правильную дорогу. Высветил себе светом экрана НОТ-СОУ-СМАРТ с запястья путь во тьме. Кажется, грусть, залита алкоголем, лишила меня способности отлично ориентироваться в Городе. Надо бы осторожнее, сегодня я не планировал проводить ночь в специальной камере для особо пьяных. Да и надеюсь, что всё прежде скользившее в уме я всё-таки оставил за зубами, а не выкрикивал что есть сил. Стыдно даже. Но только совсем чуть-чуть.

Третий ярус, на сотню метров ниже центра. Мой родной. Здесь я появился на свет и умру среди этих же домов. Они расположены почти вплотную к друг другу, и практически цельное кольцо строений служит экватором между двумя совершенно разными мирами — привилегированное общество Совета с его приближёнными и отребье четвёртого и пятого ярусов. В какой-то степени я рад, что полностью никому из них не принадлежу, оставшийся словно от этого чистым, незапятнанным ни алчностью, ни ленью. Порадовавшись в очередной раз за самого себя, я скользнул к своему дому, заранее достав пропуск и ключи. Лишь бы не как в прошлый раз, когда в зубках какой-то Анухе из подворотни оставил карточку Гражданина и жильца... тьфу, и вспоминать противно.

Лифт как обычно не работал. Подъём на тринадцатый этаж выжал из меня последние соки. Чтобы не задыхаться прямо перед Пим в прихожей, я сначала отдышался, и потом только принялся открывать дверь. Не попал в скважину с первого раза, скрежеща металлом о металл. Приглушённые шаги с той стороны остановились у порога, я аккуратно отворил дверь, чтоб не ударить супругу. И кто вообще придумал двери устанавливать с внутренним открыванием? Её лицо мелькнуло в свете слабой лампочки на этаже, пока в самой квартире главенствовал мрак. Пим в ночнушке, с заспанными глазами. Обнимает сама себя, только

что вырванная из тёплой постели моим поздним приходом. Я закрыл за собой, погружившись в телесный запах супруги и голоса с экрана в большой комнате. Они в миллионный раз просили меня воздать почести Совету и поблагодарить Троебожие за рабочий Отсчёт.

— Почему так поздно?

Она шептала. Её странная привычка — шептать даже тогда, когда некого будить в целой округе. Дворы ещё шумели, автобусы и поезда скрежетали, развозившие рабочих по своим ярусам. А кроме нас в квартире и нет никого.

— На смене задержался сначала. Новую партию чертежей привезли, надо было разобраться. Потом в баре посидел с Яри. Немного выпил.

Пим не стала выяснять ничего, как бывает порой, и молча отправилась на кухню. Зажгла свет, достала что-то из холодильника, принялась звенеть посудой. Я спешно скинул обувь, тонкая вонючая нить запаха поднялась к моим ноздрям.

— Пим, я в душ сначала, потом поем. Хорошо?

— Ладно, я разогрею и сразу спать лягу. Водой залей, утром помою. Завтра у меня долгая смена. Взяла дополнительное время, так что надо выспаться. Ты тоже не тяни.

— Ага.

Шатаюсь и одной рукой держась за стены, я завалился в ванную, далеко не сразу найдя переключатель света. Словно в чужой квартире, неловко как-то. Резкие лучи ударили по глазам, шум собирался с ушей и концентрировался во лбу, по итогу формируясь во вполне осязаемую боль. Я заткнул раковину, набрал холодной воды и погрузил туда лицо. Задержал дыхание насколько смог, вылез уже более трезвым, словно обновлённым. Затем помылся, тихо напевая случайные мелодии, и босой, ещё мокрый, выбрался на кухню.

На столе остывал суп, ложка лежала рядом с тарелкой. Злаковых батончиков не было, в этом я сам виноват, забыл купить по пути домой. Внутри всё урчало от вкусности супа и его приятного тепла. Я мысленно поблагодарил Пим и поставил пустую тарелку в раковину. Залил водой, как она просила, и отправился спать.

Моя холодная сторона постели сначала обожгла, я накрылся одеялом и прижался поближе к спине супруги. Она застонала в сонной неге, потянулась и снова захрапела в своей милой манере. Я накрылся мурашками, резко испытал любовь в этой женщине.

— Люблю тебя.

Шепнул я на ушко Пим. И пусть не услышит, не узнает, но может так ей приснятся хорошие сны, в отличие от моих еженощных кошмаров. Там я всё ещё несу службу и убиваю давно сдавшихся Анухе. Геноцид, который иначе невозможно воспринимать. На руках каждого воина Пурпурной армии огромное количество крови ни в чём не повинных гусениц. Они сразу сдали нам планету, но Совет решил, что лишь полное подчинение принесёт достаточное уважение Троебожия. Интересно, как люди выяснили, что богам угодно такое количество убийств?

Попытки отвлечься долго ни к чему не приводили. Я начал погружаться в сон только когда звук с экрана слился в одну полосу человеческого голоса. Уже не так важно, *что* они пытаются донести. Я же всё самое ценное сказал и себе и Пим. На этом вечер пусть завершится, он и так был слишком долгим.

Пим умывалась, первая соскочившая с постели. Утро нового Отсчёта встретило нас обязательной проповедью с экрана, так что остатки моих поверхностных снов смешались с повтором трёх заповедей. Я заткнул уши подушкой и попытался подремать ещё, но тут включилось автоматическое освещение. Пришлось подняться и доковылять до кухни. Пятки болят в последнее время особенно сильно. Был бы умнее, так вместо бара сходил бы к Лекарям.

Завтрак представлял из себя тот же ужин, только по кухонным каналам дополнительно передали обязательный подарок от Совета — витаминные трубочки. Одну я растворил прямо в супе. Другую захватил с собой в душ. Пим уже вышла оттуда, за ней плотной стеной последовал пар. Она всегда мылась практически в кипятке, вот только сегодня у меня нет сил и желания ждать, пока зеркала отпотеют. Я зашёл в эту газовую камеру и сразу прыгнул в ванну. Холодная вода привела в порядок сонную голову, витаминная палочка, которую жевал после завтрака, взбудоражила мускулы.

С еле заметной улыбкой вышел в коридор, отлично осознавая, что это палочки так действуют. Их цель — помочь с выработкой гормона счастья. Возможно, это не так уж плохо — искусственная радость, ведь к концу рабочей недели я всегда без сил, еле уговаривающий себя отправиться на завод. Как бы ни любил своё призвание, а нести его бремя крайне затруднительно для моего возраста. О пенсии не грежу, но вот пару дополнительных выходных стоит попросить у Совета, иначе рискую однажды просто не встать с постели, как бы настырно с экранов не вещали про долг перед обществом.

— Вернусь позже обычного, — Пим в прихожей собиралась на скорую руку, словно опаздывала. Хотя её смена начнётся нескоро.

— Да, помню. Ты вчера говорила.

Она молча выскочила на лестничную площадку и пропала в топоте других таких же работяг, решивших сегодня поехать пораньше. Ощущение, что я что-то забыл, и мне тоже стоило бы поторопиться. По HOT-COУ-SMART я сверил время. В запасе около тридцати минут. Я не спеша оделся и сел в прихожей, уставился в стену. Белая, ни единой шероховатости. Словно продолжение сна, только не такого мучительного, как обычно. Я дышал размеренно, ощущая в груди неприятное давление. Холод по сердцу заставляет сжиматься пополам, стигаться грудью к коленям. В висках стучит, и глупые, страшные мысли выгоняют всё из головы. Не хочу на них концентрироваться, поэтому смотрю на стену. Она белая, ни единой шероховатости...

Как обычно, понадобилось десять минут от силы, чтобы прийти в себя. Сила в ногах подросла чуть позже, с приподнятым настроением я вышел из дома. Суета Города постепенно набирала обороты. Рабочие смены перемежались друг с другом, и ближайшие несколько часов всё вокруг будет наполнено до краёв цокотом каблучков. Каждый разбредётся по своим местам. Я уверял себя, что сегодняшней Отсчёт пройдёт быстро. Окончание недели, когда график вполне щадящий, и не придётся молиться кому бы то ни было из богов, чтоб они сократили моё нахождение на заводе. Сегодня как никогда хочу побыстрее освободиться. У меня есть неоконченные дела.

По проспекту Папирова, вдоль кольца своего яруса, на попутных автобусах и трамваях я добрался до поезда. Он увезёт меня в недра Города, где и находится завод. Очередь

желающих поскорее очутиться на работе растянулась на пару десятков человек. Вагон за вагоном состав заполнялся. Я скользнул последним, чтоб первым же и выйти на остановке. Поезд тронулся, мягкий разгон слегка разбередил желудок, и меня лбом прижало к стеклу. Там мелькали огни Города, пока все мы постепенно прятались в его нутре. Света всё меньше, только искусственные Солнца, вызывающие тошноту. Я закашлялся, успев прикрыться рукой. На пальцах остались маленькие капли крови, на зубах плёнка с привкусом железа. Вытер всё об штанину и приготовился выходить.

Станция первых Воздвиженцев. Традиционно главная в Городе, как бы глубоко и неприметно она ни находилась. Чувствую спиной жар голодных до работы Граждан. Дышат мне в спину, взглядом жгут затылок. Даже так определяют бывшего военного, решившего по наивности, что после службы ему рады на производстве. Знали бы они, что я ничем от них не отличаюсь по своей сути, так не вели бы себя столь мерзко. Я же их не корю за то, что они трусились когда-то пройти срочную службу и всю жизнь провели на заводе! Сколько бы лет ни прошло, а общество как было разделено, так таковым и осталось. Совет до сих пор считает, что все преданы Троебожию, пока сами Граждане искренне ненавидят каждого, кто когда-то в руки взял автомат, чтоб истреблять Анухе на изгибах Плутона. Ведь каждый солдат тоже человек! И ему не чужды обычные человеческие чувства. Сострадание, любовь. А ещё огромный стыд за то, каким был раньше...

Так и вышло, что после остановки поезда и открытия скрипучих дверей я первым добрался до пропускного пункта. Пересёк его и тут же рванул в рубку бригадиров. Мне нужен был один конкретный, с его помощью начнётся цепочка событий, обязательных для прохождения сегодня. Не смогу нормально спать, если не верну должок Хопу за продажу моей Диты. Ему стоило подумать, что у меня, как у бывшего военного, есть разрешение на ношение личного оружия в любой ситуации и даже в пределах Тетра. Глупый Хоп так же не принял в расчёт, что квота на убийства у Пурпурной армии расширена. Да, служба оставлена с десятков лет назад, но документы всё ещё при мне. Придётся скрепя сердце воспользоваться старым способом возвращать себе гордость.

— Дол?

— Да, Нис? Что хотел?

Давний знакомый. Учились вместе в военной Академии, он не прошёл итоговый экзамен, от чего сначала впал в запой, а потом переучился на бригадира. Вполне неплохо по итогу, только в промежутке я испытывал жалость к его скромным заслугам. Посмеялись бы вдвоём много лет назад, узнав наперёд, что я после службы буду работать под его пристальным, но справедливым надзором.

— Мне сегодня нужно пораньше уйти. Крайне срочные семейные дела.

Высокий худощавый Дол поднялся со стула, оглядываясь по сторонам. К началу смены его кабинет ещё не заполнили другие бригадиры, однако уши есть везде, и даже там, куда не дотянется ни один любопытный глаз. Если не Совет, так Троебожие обо всём узнает.

— Прямо срочно надо? — он перешёл на шёпот. — Я-то не против, только план увеличили, и итоговую документацию надо сдать не позже окончания Отсчёта.

— Я отработаю сегодня двойную норму и на следующей неделе возьму пару дополнительных часов. Само собой оплату с тебя не возьму за переработку. Что скажешь?

Дол понял, что я не произнесу точной причины дать мне отгул, и одновременно с этим явно поверил, что его не обманут. Да, так и есть, тем не менее не стоит на его совесть взваливать дополнительную ношу. Что я буду делать за пределами завода — это

исключительно моё личное дело, и Дол это отлично понимает.

— Составь заявление на всякий случай, что ты добровольно покинул смену раньше. Пусть повисит в черновиках моего НОТ-СОУ-СМАРТ. — Он нервно сглотнул, ощутив себя обязанным объяснить. — Нис, это для моей подстраховки. Зачем бы тебе ни пришлось уходить пораньше, это в любом случае не должно меня коснуться. И если всё обойдётся, я просто его удалю.

— Договорились.

Я покинул кабинет, на ходу скидывая куртку. Быстро переоденусь, составлю документ и как можно скорее закрою на сегодня план. Руки буквально горят со всем закончить, тем более люди вокруг словно поняли, что я задумал. Постоянно косятся на меня, неслышно осуждают. Потрескавшиеся губы хулят, готовые чуть что так сразу составить донос. Надеюсь утренняя проповедь слегка поубавит их предательский пыл, для этого она и создана — насильно сплотить даже кровных врагов ради безопасности на производстве, а потом я займусь делом. Один, без напарников. Что на заводе, что на личном фронте.

Как обычно в начале смены время тянулось тягуче. До скрипа в зубах медленно, затем разогналось, и я даже впал в свой любимый транс, когда рабочий поток уносит тебя сквозь минуты и часы, слившиеся в одну полосу. Я штамповал детали быстрее обычного, на кураже и злости даже не допуская производственного брака. Закусив язык, закрыл две трети плана ещё до обеда, в течение которого не садился с остальными. Ощущение, будто пахну предстоящим убийством, и никому не стоит узнавать этот аромат. Как бы ни маскировались, а среди них тоже есть бывшие воины Пурпурной армии, только скрываются лучше моего, чтоб спрос коллег был поменьше.

Я вернулся с обеда раньше других и окунулся в остатки работы. Завод гудел что есть мочи, разогнанный до максимальных производственных темпов. Станки стучали в такт друг другу, конвейер деталей и собранных прототипов заполнился до краёв. Погружённый в воодушевление, я собрал последние части будущих серий вооружения и закрыл свою смену на НОТ-СОУ-СМАРТ, тут же отправив заявление об отгуле Долу. По пути в раздевалку специально смотрел в окна его кабинета. Хотел ли таким образом дать понять, что уже ухожу, или же разыгрывал спектакль собственной наглости — сам не понял, но не остановился ни на секунду. Дело не ждёт, и я в нетерпении практически слюни пускал, пока пальцы дрожали от волнения.

Да, не в первый раз убью человека, — на службе всякое бывало, — однако это не лишает базовых чувств. Буквально страшно, хоть и бегу от этого ощущения всю жизнь. Вне зависимости, какую форму принял ужас, я должен во что бы то ни стало справиться с поставленными задачами, поэтому заранее покидаю территорию завода, достав из шкафчика запасной ПП ТW12. Миниатюрный убийца. Всего два заряда и потом в утиль, зато в руках умелого воина малютка превращается в опасного противника. Надеюсь, не придётся тратить выстрелы, но всё равно подготовился к иному исходу. Как минимум Хоп не достоин, хоть и заслужил. А вот те, кто сейчас плумятся над моей Дитой, точно попадут под прицел. И это как минимум.

Поезд пришлось долго ждать. Пересменка произошла немного раньше, поэтому никто не собирался везти в Город одного меня. Усталые работяги за дополнительные гроши собрались после ночной смены, с ними я и заскочил в вагон, пугающий своей пустотой. Непривычно, нет гама заводчан, нет запаха пота и чужого дыхания. Даже металл выглядит иначе, менее скрипучий и более приветливый. Я занял отдельное от остальных сидение и

погрузился в мысли, в которых боязно завязнуть насовсем. Мечь слишком опасна, чтоб отдавать ей свою сохранность, но вернуть честь я обязан. Знаю, что слухи распространятся быстро, и стоит одному хотя бы пикнуть, что мою любимую Анухе увезли, так всем станет известно об этом. Везде эти доносчики и уши Совета, приверженцы Троебожия, всё пытающиеся искоренить любовь между людьми и гусеницами. Я не дам им победить и непременно верну своё.

Город встретил яркими лучами Солнца. Тетр рассеивал их, но жар ощущался всем телом, пусть и закрытый плотной курткой. Прячась от света, я пересел на другую сторону вагона, поближе к выходу. Ноги горят в желании пуститься в бег, и я нервничаю будто новобранец перед первым боевым заданием. Беспреданно потными ладонями тереблю рукоять ПП и представляю, как забираю Диту от новых хозяев. Красивая картинка, требующая продолжения. Понятия не имею, что буду делать потом. В бордель не хочу возвращать, домой тоже не заберёшь. Гнусные противоречия заставили до крови раскусить кожу на ладони. Я решил, что буду разбираться на ходу, как делал при каждом приказе от Совета. Приятно, в этот раз я сам себе генерал.

Вышел на знакомой остановке. Толкаемый автоматическими движениями, добрался до борделя, попутно проверяя наличие ПП, словно он мог выпасть. Нервы натянулись и теперь дребезжат как струны, готовые вот-вот порваться, да с таким треском, что останусь без слуха. Звуки вдруг пропали, только больше добавив ужаса моему состоянию. Будто весь Город теперь в курсе, зачем я сорвался с работы, рискуя местом на производстве и в обществе. Троебожие, может, и простит когда-нибудь, но вот Совет решит иначе. Если всё всплывёт, то в лучшем случае меня отправят на последний, самый нижний, ярус. В худшем — выставят за пределы Тетра.

И вот та самая мысль ударила в лоб изнутри, когда до двери осталось всего несколько шагов. Что мною движет? Вчерашние любовные порывы были вызваны и усилены Эксом, а последующая обида является следствием смешения его с алкоголем. Я точно отдаю себе отчёт, что действую опрометчиво, но ничего не могу с этим поделать. Дурацкая идея, слишком навязчивая, чтоб так запросто её отпустить. Поедает изнутри, и всё так похоже на войну, которую таковой даже назвать сложно. Они не виноваты ни в чём, это я был научен отстаивать своё. Да простит меня Пим, если на сей раз я облажаюсь фатально и бесповоротно.

Не стал пинать дверь, как хотелось до этого. Приоткрыл её, словно решил посетить бордель в обычном режиме. Конечно, тут никого не оказалось из людей. Только Хоп и гусеницы, каждая из которых спит перед первыми посетителями после окончания рабочей смены. Я почти на цыпочках подкрался к стойке Хопа, застал его там же, читающим что-то на своём НОТ-СОУ-СМАРТ. Он долго не замечал меня, пока я, весь в поту, прожигая взглядом в его голове дырку размером с кулак. Он даже вздрогнул, когда понял, что не один тут находится.

— Нис?! Что ты тут делаешь?

У меня пересохло в горле, со лба капли стекали к глазам и щипали слизистую в носу. Я так переволновался, что опять всё потемнело, а в груди сердце обернулось камнем. Лишь глубокие вдох и выдох помогли вымолвить хоть слово.

— Кому ты отдал Диту?

Хоп не поверил, что я спрашивал серьёзно, и клянусь, на его надменном лице даже скользнула мерзкая улыбка. Захотелось стереть её прямо сейчас, но я лишь достал ПП, решил

пока не делать выстрел. Слишком уж они ценные в данный момент.

— Стой, Нис, подожди! — он повысил голос, поднимая руки и так же оставаясь на стуле. Даже при реальном шансе умереть этот обрюзгший мужчина не оторвёт свою задницу, чтоб хотя бы попытаться убежать.

— Не повышай на меня голос. Отвечай на вопрос — кто забрал Диту?

— Прошу тебя, ты же понимаешь, что...

— Где она?!

— Тебе её не отдадут! Приди в себя! Какая разница, кто её забрал, если она теперь недосыгаема?

А я и правда струсил выстрелить в него. Вместо этого безвольно ударился лбом в стекло между нами и опустил ПП. Перестал так рьяно сжимать рукоять, чуть не выронил оружие от бессилия. Что эмоционального, что физического. Хоп тоже расслабился, отлично осознав — я не представляю для него опасности, хоть и напугал до потери пульса нас обоих.

— Я больше за *тебя* переживаю, чем за неё. Поэтому вот тебе мой совет, — Хоп дождался, пока я подниму в его сторону глаза. — Отступись. Хочешь, дам купон на один бесплатный час с любой Анухе, какой только пожелаешь?

Я посмеялся над его предложением. А ещё позабавило, что я чуть было не согласился. Ведь и правда, какая разница? Одна Анухе или другая, их не отличишь толком, и говорить они не умеют. Просто в кой то веки у меня было что-то своё сокровенное, и его забрали те, у кого на счёте чуть больше средств, чуть больше власти в Городе. Это разочарование настигло меня ещё на службе, когда я почти добыл звание офицера, но так его и не получил официально. В сводках о тех событиях указали, что моя компетентность вызывала огромные сомнения, но все мои сослуживцы знали настоящую причину отказа. Я родился не на том ярусе, чтоб становиться офицером и возвращаться домой с куда большим финансированием, нежели обычный рядовой. От того я так зол сейчас, от того так больно в груди.

— Нет, спасибо.

Хоп молчал, словно полностью понимал меня. Он тоже когда-то был снайпером и выше звания ефрейтора не сдвинулся. Упёрся в потолок права по рождению, живший на ещё более низком ярусе. Вот поэтому теперь его доход нелегален, а местные управляющие закрыли на это глаза. И всё по той же причине.

— Я могу тебе чем-то помочь, Нис?

— Да, застрели меня.

Я положил на стойку ПП, от чего Хоп повторно вздрогнул. Слишком уж резко и громко я это сделал. Ведь всего лишь пошутить хотелось, только идея затянулась, и в глупом отвращении к самому себе я направился к выходу.

— Забери его отсюда!

— Оставь себе.

— Но я не могу им пользоваться! — Хоп кричал мне вслед, его голос скакал от стен коридора. Наверное, такие вопли разбудили несколько бедных Анухе. — Нис!

Я не придумал, что ответить. Вышел на улицу с чувством иррациональной победы. Красивый жест, пусть и ребячий, он поднял настроение. Хорошая шутка, дружеский подкол. Рассказать бы жене, да не поймёт, слишком уж много придётся убирать контекста или же врать. Благо, в этот раз мне хватило ума отложить оружие и не совершать в приступе гнева того, что захотелось.

В то время я считал себя неуязвимым. Такое много с кем случалось из новобранцев

Пурпурной армии, заступивших недавно на службу и выполнивших пару заданий. Безнаказанность растлевала, мы совершенно не думали ни о чём, выполняя любое задание Совета и не задавая лишних вопросов.

Где-то на равнинах Лоуэлла проводилась очередная зачистка гнезда. Самцы Анухе оказывали сопротивление, но недостаточно сильное, чтоб остановить хотя бы маленький отряд рядовых. Внутренности гусениц летали вокруг и оседали на стенах, на полу раздавленные яйца разложились плотным ковром. С оглушительными криками мы загоняли последних оставшихся в живых Анухе в глубины их же домов, откуда единственный выход перегородили транспортом Бомбардиров.

Под трусливый писк насекомых я со своим отрядом прижал небольшую группу гусениц, упиваясь ощущением власти над другими живыми существами. На губах слизь Анухе, под ногами хлюпают их кишки. Я не жалел зарядов автомата. Наша база получила дополнительное финансирование от Совета, и началось истинное истребление. Пленных не брали, само собой, превращая каждую Анухе в лужу. Мы наслаждались горем гусениц, убивали их по одной, чтоб они видели, что происходит. Чтоб даже своим миниатюрным мозгом понимали, зачем мы сюда пришли и что в итоге получится. Я лично добил последнюю гусеницу в гнезде, используя клинок.

Тогда главнокомандующий не ходил с нами, из Города отправлявший приказы. Поэтому мы всё время наблюдали его приближённого — молодого уроженца первого яруса. Его никто не уважал. Слишком надменный, слишком хилый, чтоб иметь честь вообще братья за автомат и тем более командовать остальными. Ему всего лишь повезло появиться на свет в центре Города, и этот факт, не подлежащий изменению, распал в сердце каждого рядового истинную ненависть. Приказы выполнялись, да, но с долей импровизации и самоволки. Мимо ушей проходила половина указаний, ведь никто не верил, что его идеи могут привести к успеху. Да и не сбежишь — его задача буквально не отставать и всегда быть в курсе всех дел. Вот и в тот раз он стоял рядом, наблюдающий за нашей расправой над гусеницами.

Он был чем-то недоволен. Не только тогда, а вообще. Вечно брезгливый, изрядно требовательный и капризный. Градус особо накалился, когда он не позволил завалить ещё одну кладку взрывом, якобы трата боезапаса отрицательно скажется на итоговых показателях. Мы же, своими руками уничтожающие насекомых, отлично понимали, что молодняк вырастет без помех и снова обживёт эту пещеру, и ни в коем случае нельзя вот так оставлять яйца Анухе. Мы заботились об общем благе, пока он старался повисить экономность одной конкретной вылазки. Уверен, остатки пошли бы ему в карман или главнокомандующему. В любом случае кто-то получил бы «премию», а нам бы через годик другой пришлось повторно зачищать территорию. Бессмысленность этого занятия уже тогда посещала наши головы, а чем меньше придётся заниматься убийством гусениц в будущем, тем лучше для каждого Гражданина.

Конфликт выходил на новый уровень, атмосфера между командующим и рядовыми накалилась. Проблема ещё состояла в том, что у каждого без исключения имелось оружие, и каждый способен с ним обращаться в должной мере. А тут пещера, глухая тьма, недоступность для Совета и его Троебожия. Никто не видел кроме нас, что тут произошло, и никто не узнает того, что случится позже.

По секретным каналам я связался с остальными, отгородившись закрытой линией от помощника командующего. Предложил ребятам закинуть его в кладку и завалить обоим. Как по мне, так более доблестной смерти не придумать. Кровь разгорячённых солдат

наполнилась адреналином, когда все без исключений приняли идею и подготовились к реализации. Слишком раздурились, и ничто не могло нас остановить. Всё та же безнаказанность, от неё сходишь в какой-то момент с ума, и сама человечность становится чуждой. Ты видишь только общую цель, а средства для её достижения уже не так важны. Сама жизнь имеет меньшую ценность, чем итог — победа Пурпурной армии над Анухе и освоение Плутона. Это последний шанс человечества, так и не покинувшего Солнечную систему, найти себе столь желанный дом. Пусть и на крохотной планете подальше от самой звезды.

От Совета пришёл приказ возвращаться, транспорт уже ожидал нас у выхода. Мы сделали вид, что проверяем напоследок кладку, лишь бы наивный командующий, или его заготовка, подошёл ближе. Он не смог не воспользоваться моментом, чтоб отчитать нас за неповиновение, и поэтому с жаром накинулся на свой же отряд, пытаясь собственными руками вытолкнуть его из небольшого грота. Один из рядовых по заранее обговорённому сигналу схватил его сзади. Другой, тут же сломав НОТ-СОУ-СМАРТ ударом приклада отправил в обморок и его хозяина. Командующий обмяк, свалился на землю.

Мы дышали тяжело. Это утомляло быстрее любой военной операции, но пути назад уже не было. Мы оттащили ещё дышащее тело ближе к кладке и заминировали весь свод пещеры. Когда устанавливали последний заряд, командующий очнулся. Я не позволил сомнениям захватить меня, поэтому взял на себя ответственность и выстрелил ему в голову из ПП, а затем пустил сигнал. Глухие взрывы впились в горную породу, обрушили камни и землю на яйца и командующего. Толстый слой пыли заполнил всё вокруг, мы поспешили выбраться наружу. По каналу связи с остальными я опять решил всё взвалить на себя. Самолучно составил рапорт и описал ситуацию, с которой никто из отряда не стал спорить.

«..по прибытии отряда 5481 на место зачистки была обнаружена свежая кладка с огромным количеством самцов Анухе. Командующий взял на себя обязанности по устранению и личному руководству операцией, в ходе которой доблестно погиб, уничтожив последнюю кладку яиц насекомых...»

В Городе через семь Отсчётов его объявили героем и посмертно наградили Пурпурным орденом. Семья «погибшего», и без того не обделённая материальными средствами, получила дотации и дополнительные субсидии. Так же отец командующего обрёл дополнительный вес к своему голосу на выборах. Мы тогда всем отрядом ещё долго мусолили правильность своего поступка. Да, территория освобождена и полностью перешла во владение Города, но внутренний его строй не изменился. Всё ровно наоборот, держатели силы стали только могущественнее.

Я думал о личной добродетели, которой хотел изменить общество, однако реальность оказалась уж слишком долгой перспективой. Судя по темпам войны, всё должно было закончиться лет так через пять после тех событий. Но в моменте меня сгибало от чувства вины. Вот бы тогда у самого себя забрать пистолет, чтоб выстрел так и не прозвучал. Сложно думать об общей победе, когда твои личные достижения основаны на жестокости и убийстве своих сограждан. Троебожие не похвалит, а Совет уже наградил другого. Так я и остался рядовым, уйдя в увольнение, когда гусеницы были загнаны так далеко от Городов и так глубоко в недра Плутона, что их полное уничтожение перестало иметь смысл.

Сидя на лестнице у входа в бордель я вспоминал, как на меня смотрели жители Города, когда после окончания основных военных действий началась ассимиляция Анухе в обществе людей. Никто не видел в них опасности, поэтому каждый воин Пурпурной армии, что

действующий, что бывший, превратился в единичного тирана и истязателя. Начались волнения, и Совет единственный раз поступил по совести. Он взял на себя большую часть ответственности за отстрел насекомых, оперируя тем, что когда-то самцов Анухе было куда больше, и они намного опаснее податливых самочек.

И то верно, теперь в Городе всего пара гусениц мужского пола, содержащиеся в лаборатории лишь с целью оплодотворения женщин насекомых, пригодившихся чуть ли не в каждой сфере существования города. Как выяснилось, они любую жидкость могут переварить в энергоёмкие ячейки. Те же яйца, только без зародыша. Общество в итоге осталось довольно. Убийства насекомых практически прекратились. В пределах стокилометрового радиуса вокруг Городов уж точно. Лишь отдалённые базы ещё функционируют, но больше как дань былым временам и во имя военного искусства.

Однако внутренние предрассудки у людей долго не могли рассосаться. Около десяти лет прошло, как я больше не в рядах Пурпурной армии, только всё равно собираю злобные взгляды. Знали бы они, как я полюбил Анухе, так прекратили бы вести себя подобным образом. Надеюсь, следующее поколение мужчин будет избавлено от этого. Слишком уж тяжело чувствовать себя чужим среди тех, чьи жизни защищал в риске *своей* жизнью. Они попросту не понимали, *что* я делал и зачем. Времена сменились, и до обидного малое количество это по-настоящему осознали. Вот и трагедия — когда люди не хотят принимать друг друга, живущие в слишком разных мирах даже в пределах одного и того же Города.

Я беспомощно тонул в своих воспоминаниях, которые не вытравишь никаким количеством Экса. Тут ко мне на ступеньке присоединился Хоп. Сел рядом, крикнув по приземлении, и достал сигарету. Табак Плутона был горче красной синтетики, но действовал мягче. Я попросил папироску, Хоп не стал противиться. Нервная затяжка вырвала из комка мыслей, задавившего большую часть положительных эмоций, я даже встрепенулся. Сколько ни сопротивляйся, а порой и правда блуждаешь по своей памяти словно по тонким улицам ярусов. Одного за другим, и чем глубже, тем более отвратительные образы всплывают со дна. Подавленные эмоции, так и не нашедшие выхода. Законсервировались лишь на время, чтоб однажды рвануть так сильно, что из запоя не выползешь никогда. Тут и Экс не спасёт, остаётся только выстрел в висок или Троебожие. Не знаю, что из этого хуже.

— Как ты? — Хоп спрашивал с опаской, хоть и чувствовал себя более уверенно. Оружия у меня теперь нет, да и запал погас. Если для кого-то представляю опасность, то исключительно для себя самого.

— Не могу понять, — я пнул камушек, валявшийся у ботинка. Лестницы мало-помалу разваливались, их останки разбросаны тут и там. Слишком много постояльцев тут было, — тоскливо. Единственное, что даже *себе* могу сказать.

Хоп промолчал. Он понял, что я нуждаюсь в тишине. Докурил и оставил меня, бросив бычок куда-то в сторону. Маленький кружок догорающего табака пропал во тьме, недостаточно яркий, чтоб привлекать внимание. Город же светился как мог. Даже Солнце в небе не смогло перебить неоновые отблески центра, напичканного разными цветами. Отсюда он выглядит глупо, изрядно похожий на попытку победить другие Города в высоте своих небоскрёбов. Каждое поселение на Плутоне будто старается достать до звезды, когда та столь далека он нас, что выглядит ненастоящей. Только чудом добирающийся свет от неё ещё заставляет поверить, якобы тепло, которое ощущаю, не выдуманное, что оно не является плодом работы Города. Солнце — последняя ценность.

Я не знал, что мне делать с собой. Кроме бара идей не было, а он так опостылел, и от мнимого запаха алкоголя стало дурно. Задница затекла, я поднялся лишь бы кровь пробежала по всему телу, не только в верхней его части. Неприятные уколы прокатились по коже, я чуть не завалился набок, отряхиваясь и готовясь отправляться домой с проигрышем. Опять же о нём не будет знать Пим, однако она догадается, она умная женщина. И ещё ей точно хватит ума не допытывать, от чего мне сегодня так паршиво.

Ярус притих, я словно оказался один в Городе, и весь он предоставлен мне одному. Я растягивал шаги, специально погромче топал каблуком, чтоб хотя бы моё эхо поговорило со мной. А вокруг никого, рабочие смены спрятали людей, а безработные беззвучно живут свои жизни далеко отсюда. Даже их крики не доходят до третьего яруса, не говоря уже о втором и тем более первом, где расположился нелепый центр.

Ощущение, что я смертельно застрял здесь, и не знаю, как дальше поступать. Из очевидного — через два Отсчёта на работу. А глобально — ноль идей. Может, и правда стоит выпить немного? Успею, пока Пим не вернётся домой. Завалюсь спать пораньше, и пусть этот Отсчёт закончится. Надоел, такой сумбурный и по итогу бессмысленный. Я потратил время и силы непонятно на что. В моём возрасте цена ошибки куда выше, и непозволительно целый Отсчёт посвящать праздной деятельности. Лучше бы и правда просто спать лёг после смены, толка было бы куда больше.

Еле поднялся до дома, шаркая подошвой о ступени. Приступ кашля задержал на одном из этажей. Маленькие капли разлетелись по стенам, я в приступе резкого нахлынувшего стыда стёр их рукой. На ладони осталась извёстка и подсохшая бордовая корка. Дверь опять заедает, мне не хватило злости применить силу. Я четыре раза промахнулся, потом только попал ключом и провернул ручку, правда слишком часто ломающуюся. Дома пахнет пустотой, словно тут никто и не жил никогда. Воздух сладковатый, такой не может витать там, где находятся хотя бы два человека, пусть и изредка. Я небрежно скинул обувь, пнул её подальше в угол, чтоб не мешалась на пути. Куртку только повесил как надо, а то Пим ругаться будет за бардак.

Горячий душ выбил усталость из мускулов. Голова закружилась, внезапно опустевшая без мыслей. Я долго ещё стоял в ванной с выключенной водой, пытаюсь зацепиться хоть за одну логическую цепочку, однако вместо этого лишь пялился на кафель, по которому стекали последние капли. Я голышом выпрыгнул в коридор и из шкафа достал новую одежду, старую скинув в стирку. Не нашёл в себе сил запустить машинку сразу, оставил для Пим на завтра.

В чистой одежде завалился на диван. Экран всё вещал проповеди и попутно раскрывал последнюю сводку новостей. Я проваливался в сонные состояния, радуясь, что в это раз не буду ворочаться в поисках удобной позы по несколько часов кряду, но очередная новость заставила так широко глаза раскрыть, что веки заболели. Щёки свело, челюсть окаменела, слегка приоткрытая. Я поднялся с дивана и опёрся на дрожащие руки. Поверить глазам и ушам попросту невозможно, вот только по итогу пришлось это сделать. Диктор словно специально для меня повторил: «Объявлен новый призыв в ряды Пурпурной армии».

Глава 3

— Это для другого поколения. Скоро же новый выпуск, Нис! — Пим пыталась докричаться до меня, пришедшая с работы намного позже обычного. Конечно я не смог даже задремать к её приходу, нервно бродя по квартире и не находя себе места. Уставшая женщина вместо расслабляющего душа принялась успокаивать своего мужа. — Тебя ни в коем случае не призовут. Возраст уже не тот, да и грамоты после окончания службы должны учсть. Ты отдал долг обществу!

— Или ты всё хочешь убедить меня, что я бесполезен? Слишком стар?

— Я бы так и сказала, если б думала подобным образом! — Пим опять прикрикнула, чтоб пробиться ко мне сквозь ворох дурных мыслей. Я сам себя не слышал, и поэтому только примерно могу представить, каково было ей. — Успокойся, завтра всё точно выяснится. Никакой повторной службы. Ты так же продолжишь работу на производстве. Вот увидишь, всё останется в прежнем виде.

А я на секунду подумал, что снова отправиться на войну будет лучше, чем вернуться на завод. Абсолютно шальная и опасная мысль. Она пока слишком мала, но вскоре вырастет. Как личинка гусеницы превратится во взрослую Анухе и займёт прочные жвала. Вгрызётся в мозг, поселится там, пока ты не решишься последовать за ней. Я сдавил голову в висках, прижал ладони к ушам, чтоб заглушить самого себя в себе же.

— Нис?

Пим села рядом со мной, я не мог выйти из комнаты. Снова испытал иррациональный страх, что ко мне ворвутся члены Совета и насильно выставят из дома. Все силы важны, и даже остатки в таком старом теле, как моё. Подобное было пять лет назад, когда активность Анухе повысилась, и новый призыв случился внезапно. Много людей увезли прямо с рабочей смены, больше их никто не видел. Обычно возвращалась большая часть, а тут — ноль. Словно они испарились. Проводил и всё, махнув напоследок рукой.

— Что-то изменилось...

— О чём ты? — Пим припала подбородком к моему плечу. Я так согнулся, что это не составило для неё труда. Грудью почти прижался к коленям, снедаемый огромным количеством тревоги. Всё рушилось на глазах, и будто зря я тянул свою жизнь к стабильности, ведь родился мужчиной всего для одной цели — воевать. Наличие члена обязывает сдать свой биоматериал и взять в руки автомат. Другого не дано, и только самый большой на Плутоне дурак станет мечтать о счастливой жизни в Городе.

— Почему-то всё заново. Почему-то всё повторяется. И я не знаю, что делать...

— Ложись спать тогда.

— Не хочу спать.

— А придётся!

Пим повысила голос, вот только бесконечная нежность и забота всё равно пробилась сквозь этот вскрик. Я разлился любовью к супруге, однако всё ещё барахтался в предательстве со стороны Совета. Они обещали, что никаких военных действий больше не будет, и истребление Анухе подошло к концу. Я никак не могу поверить, что людям вновь придётся взяться за оружие и воевать с существами, давно ставшими нам родными.

А сколько было речей, якобы два вида слились в сотрудничестве и любви? Не может быть, чтоб один из них вдруг стал враждебен вот так, с пустого места и без причины. Или же

эти причины недоступны такому как я — уроженцу третьего яруса, обычному рядовому Пурпурной армии. До смерти обидно, ведь даже при условии, что меня не призовут, я всё равно не узнаю, почему всё вышло вот так, и мой мир снова под угрозой разрушения. Личный мирок, который я защищал когда-то от врага, которого только Совет и считал врагом.

— Как на работе?

Пим поняла, что я жажду отвлечься и сменить тему, пусть и таким дурацким способом. Она чуть отпрянула от меня, не убрала руку с моего плеча. Её нежная кожа грела лучше Солнца, от которого я сегодня спрятался, зашторив наглухо все окна. Вот бы ещё скрыться от экрана, но там даже звук не выключишь полностью, можно только убавить немного.

— Закрыла отчётность на несколько Отсчётов вперёд, — начала она медленно, словно сама себе не верила. Пим не хотела говорить об этом, вот только я попросил чуть не со слезами в покрасневших глазах, и поэтому скучные разговоры заменили обсуждение реальной проблемы. Но всё равно трудно понять, станет ли мне от этого легче. — Мы всеми отделом связали документацию по производству и поставке ПП серии SC65. Согласовали обработку металлов на нашем ярусе, собрали голоса с четвёртого. Ты помнишь, что скоро выборы районного представителя Совета?

— Да, помню.

— Так вот он собирается ужесточить меры наказания для признанных Еретиков и вместе с тем смягчить способ их выявления среди Граждан. Даже не знаю, хорошо это или плохо. Хочется верить, что справедливости от этого станет больше.

— Это лишь вера.

— Да, всего лишь вера.

Пим замолчала, отлично понимающая будущий расклад. Она сама готовилась к тому, что меня могу забрать, и искала в себе хоть какие-то силы держаться спокойной. Она и правда даже слезы не проронила, хоть отлично осознавала мои шансы выжить в новом призыве. Меня не пустят на убой, хотя я точно окажусь в первых рядах, так и не получивший достаточно чинов для сидения в штабе. Родись я на ярусе повыше, так стал бы Связистом, а то и Сканировщиком, однако мне не позволили учиться в Академии на подобные специальности. Где-то я упёрся в невидимый потолок, и так горько его не видеть, но явственно ощущать. Мне буквально себя жаль. И этот кашель...

— Хочешь, я куплю страуга?

Я боялся повернуться к Пим. Слезы вот-вот хлынут из глаз, и мне заранее стыдно за это. Я лишь кивнул, погладил её по ноге. Она тут же соскочила и покинула квартиру, оставив меня в уже знакомом одиночестве. Экран пытался убедить в силе Совета и благородности служения Троебожию. Досадно, что всё это перестало работать много лет назад, я больше ни во что не верю. Пустота закрылась сама по себе, там нет места. Только желание сегодня остаться с супругой и спокойно провалиться в сны, чуть охмелев от страуга.

Не успел я одуматься, как Пим уже вернулась. То ли истерика её обуяла, то ли ей правда стало легче. Она улыбалась, глаза блестели, словно стеклянные. В руках по бутылке, запах с улицы донёсся даже сюда — металл и камень. Я забрал бутылки у Пим и свалил супругу на кровать. Она взвизгнула совершенно по девчачьи, как когда я впервые узнал ещё в годы обучения, что она ужасно боится щекотки. Я снял с неё пиджак, стянул брюки. Попытался расщёлкнуть НОТ-СОУ-СМАРТ, но он не поддался.

— Пусть остаётся, поставлю статус «сон».

Под проповеди о Троебожии мы с Пим занимались сексом. Прямо таким же, как во времена нашей общей молодости. И сила вернулась, и любовь к этой женщине, всё ещё преданной как никто другой. Ни один боевой товарищ не остался со мной после войны, а Пим приняла раненного и душевно опустошённого мужчину в своём доме. Я после долгих лет службы вернулся полумёртвый — она вдохнула в меня в меня новую жизнь.

Я кончил не сразу, вдоволь насладившись телом любимой женщины. Как же сладко она стонала, игриво расцарапывая мою спину. Шалит, берёт всё от момента, если вдруг такого больше не представится. Наш последний шанс, возможно, так пусть он будет лучше всех предыдущих вместе взятых.

Я отказывался верить, даже когда по утрам на НОТ-СОУ-СМАРТ пришла повестка. Отказывался верить, когда садился утром на автобус до призывного пункта. Я отказывался верить, когда мне выдали карточку новобранца и поставили в очередь на призыв, а Пим всё это время была рядом. Не отходила ни на шаг, держала за руку, сохраняя спокойствие и источая гордость. Её муж снова будет военным, и кто бы что ни говорил в Городе — нет более достойного призвания, чем служащий в Пурпурной армии.

Мы не общались с прошлого вечера, просто уснули вдвоём и очнулись под новости о призыве. Повтор ужаса, вчера чуть не остановившего моё сердце. Если б не Пим, я бы сошёл с ума, ведь все воспоминания хлынули разом. Нет ни единого шанса спастись от безумия, если ты одинок. Я с пустым взглядом бродил по призывному пункту, окружённый совсем молодыми ребятами и всего горсткой ровесников, у которых тоже совершенно не получалось погрузиться в происходящее. Мы выглядели нелепо, неуместно. От этого ощущение собственной никчёмности только усиливалось. Отлично видно, насколько я неликвидный по сравнению с новым выпуском Академии.

Стражи и работники призывного пункта сопровождали нашу толпу по коридорам от кабинета к кабинету. Медицинские осмотры проводились тщательно только для молодых ребят, совершенно не стесняющихся своей наготы. Я же пытался сжаться как мог, выглядящий дряблым и ссохшимся. На меня косо глядели, полуодетого, жгли глазами спину. Стыд проникал так глубоко и мерзко под кожу, что заставлял трястись как труса. А ведь я уже проходил через это, только забыл, как всё работает изнутри.

Мою информацию обновили. На НОТ-СОУ-СМАРТ пришла личная карточка военного. Там актуальная фотография, и вновь не могу себя ассоциировать с этим человеком. Пим поддерживала меня всё это время, приободряла. Как своего сына водила по комиссии, пока я с глупым видом собирал печати и справки, не роняя ни слова. Последний пункт, практически формальный, и я получил заключительную электронную печать, покинув кабинет психиатра. С этой минуты я — полноценный участник военных действий, которые до сих пор не разъяснены никому в этом здании. Совет молчит, держит противную интригу.

Толпа редела, нас группами распределяли по видам войск. Судили по уровню образования или званию, полученному ранее. Я же с ещё четырьмя мужчинами был поставлен в чин рядового, как было прежде. Слово целую жизнь назад, и у каждого так. Нас проводили в другое помещение, Пим не пустила. Я корил себя, что не успел сказать спасибо, вместо этого лишь сухо поблагодарил на НОТ-СОУ-СМАРТ и закрыл канал связи. Боюсь, что эмоции вдруг прорвутся, и не удастся их задавить на подлёте. Последний взгляд, за ним — разрыв без слов.

Пустой кабинет, свет еле брезжит. Нас усадили перед экраном, под ним пустой стол для

лектора. Кроме нас тут никого. Экран тоже мигал, как и лампочка, словно гипнотизировал. Я сжал пальцы в кулаки, те быстро онемели. Эта же мнимая изморось рванула к стопам, ощущение собственной старости резко усилилось. Я опять дрожал, не способный в момент унять тряску своего тела. Губы высохли, язык прилип к нёбу. Слюну бы проглотить, да и той нет, поэтому горло сжимается в нервных позывах. И на зубах слишком знакомый привкус железа...

Экран резко перестал дребезжать, запустился обратный отсчёт с мерным писксом после каждой цифры. Эти звуки отбрасывали меня в прошлое и топили в самых мерзких ощущениях. Появился «ноль», после него началась стандартная презентация, заученная во время обучения в Академии так, что отпечатки остались на зубах. Слишком уж наивная и едкая, чтоб так просто её можно было забыть. На фоне космических просторов и горизонта Плутона сгустился из пустоты один из самых известных полководцев Пурпурной армии. Когда-то я хотел быть на него похожим, а сейчас думаю, что он такой же узник своего ремесла, как и я. После операции «Пёрл» двадцать лет назад так он и вовсе пропал без вести.

«Почётные Граждане Плутона. Я обращаюсь к вам, настоящим патриотам, чтоб напомнить: вы — надежда нового мира, его опора и главный источник силы. И как его главной надежде вам предстоит столкнуться с врагом, доселе неизведанным. Анухе!»

Я удивлялся наглости создателей этой программы. Анухе давно загнаны подальше от Городов, а диктор с экрана всё называет их новой угрозой.

«Коренные обитатели Плутона, опасные хищники и прирождённые убийцы. Не будет никогда освоен наш новый дом, пока не погибнет последняя гусеница! Учёные со всех уголков планеты в сотрудничестве с Советом и при благословении Троебожия разработали новейшее оружие, способное сократить потери среди Пурпурной армии и низвергнуть насекомых в те глубины, из которых они выползли. Аналитики полагают, что уже через пять лет Плутон будет принадлежать только людям!»

Я это смотрел почти тридцать лет назад, и речь осталась неизменной. Взглянуть бы в глаза тем самым аналитикам, если они вообще существуют.

«Ради каждого жителя, каждого мужчины и женщины, ребёнка, вы понесёте службу во имя мира и процветания. Благодарим за то, что вы здесь — новобранцы, готовые защищать свой дом!»

По залу прошёлся сдавленный смешок. Мы, как прошедшие войну, видели в этом издёвку. Со всех сторон над нами глумятся, повторно называя новобранцами. А застарелая пропаганда кроме волны отвращения не вызывает ничего. Я поднялся со своего сидения и направился к выходу, тут к нам зашёл главнокомандующий, один из трёх в Городе. Я не помнил его имя, как и героя войны, пропавшего на экране. Автоматически отдал честь, выпрямив спину и приложив ладонь к виску. Это же сделали и оставшиеся в комнате. Главнокомандующий оглядел нас, улыбнулся, пригласил сесть на свои прежние места. Сам устроился за столом, предварительно свалив на него кипу бумаг, которыми в Городе не пользовались уже очень давно.

— Приветствую вас.

— Здравия желаем! — ответили мы хором. Общий крик выпрыгнул из наполненных до краёв лёгких.

— Не буду распаяться в долгих предисловиях, — голос командующего был мягок, однако до предела чёток. Каждая буква словно высечена в камне, пока общий тон растекался приятными порывами по залу. Некоторое успокоение поселилось у меня в животе. Я снова в

непосредственной близости с тем, кто знает войну изнутри, и при этом сохранил рассудок. — Вы были выбраны не случайно, поэтому именно вам предстоит обучить новое поколение солдат и произвести окончательную зачистку Плутона. На этой операции, названной Советом «Финис», будет положен конец борьбе между Анухе и людьми Плутона.

У всех, кроме командующего, в голове возник один и тот же вопрос. Мы это поняли, кротко оглядев друг друга. А борьба ли это была? Как по мне, так произошёл откровенный геноцид. Хотя никому из нас не хватило смелости открыть рот и перечить командующему, тем более так глубоко ввевшемуся в нас своими глазами, подёрнутыми бельмом. У всех такие, кто слишком долго наблюдал стрельбу из энергетического оружия что вблизи, что из рубки командования.

— Каждый из вас, — перед этим командующий взял паузу, чтоб разложить бумаги в том порядке, в котором мы перед ним сели. Пять листов, пять человек, думавших до вчерашнего вечера, что никогда больше не вернуться к службе, — когда-то успешно провёл военную операцию того или иного масштаба. И чины тут не при чём.

Он глянул на меня. Мои стопы подогнулись сами по себе, и вот тут мне удалось нервно сглотнуть, до этого в горле словно пробка застряла.

— Предлагаем вам выполнить почётное задание Совета и заслужить полное благословение Троебожия перед переходом в Верхний Мир.

Когда-то его называли Раем, если верить рассказам старожилков и людей, утверждающих, что читали настоящую священную книгу, где были в точности описаны предтечи концепции Троебожия. Я же никогда не верил в это, поэтому последние слова командующего пропустил мимо ушей и сердца, чтоб не сбивать и без того шаткий настрой. Никогда бы не подумал, что когда-то мне доверят обучение новобранцев, при этом *самого* меня называя таковым. Смех, да и только.

— Я не могу, — один из нас поднялся, теребя потными руками подол куртки. Его лоб мокрый, весь в каплях, а нижняя челюсть трясётся от страха. — У меня семья и... работа... я не могу туда вернуться...

Все дождались, пока он закончит, хотя терпеть подобные слова непросто.

— Тогда я всем напомню о деле «Парини» на Марсе, — начал командующий с новым, более гневным, напором. — Совет сохраняет документы сквозь года, так что история никогда ничего не забудет. И я имею ввиду ровно то, что говорю. Подумайте ещё раз, прежде чем попытаться соскользнуть.

Командующий в этот раз буквально проткнул меня взглядом, постучав перед этим своим мясистым пальцем по бумагам. Там содержались не наши резюме и списки заслуг, а компромат. Я тут же вспомнил, как сам замечал нелепость своего рапорта о смерти доверенного от Города. Ложь была раскрыта, вот только спущена на тормозах. Неужели Совет намеренно позволил мне закончить службу, чтоб потом спустя многие годы пуститься в откровенный шантаж, лишь бы я не улизнул от повторного вступления в ряды Пурпурной армии?

Заявивший о семье и работе прижал задницу к стулу, перестав вести себя как трусливый ребёнок. Все мы отлично помнили о долге не только перед Гражданами планеты, но и лично перед собой. Необходимо вернуть удачу, что мы когда-то собственноручно забрали. Я приготовился к искуплению тех самых грехов, о которых упоминалось в проповедях о Троебожии.

Уже другой поднялся, мы все уставились на него в ожидании. Вместо мольбы его

отпустить он отдал честь главнокомандующему и поставил статус на НОТ-СОУ-СМАРТ «I строю». Командующий одобрительно кивнул, заметив, что и остальные присоединились к выказыванию чести. Я не стал исключением, хотя до самого конца сомневался. Невозможно отрицать, что прикладывание ладони к виску не влияет на твоё состояние. Приятное тепло разлилось от головы к ногам, и те, наконец, согрелись. Сам ощутил, как глаза задрожали, меня переполняла необъяснимая гордость. Кажется, на это и был расчёт подготовки новобранцев к войне — внушение уверенности в собственной силе и непомерной значимости, пусть в реальности картина была немного иной.

За нами зашёл один из рядовых при полном боевом обмундировании. Шлемы самых последних моделей, костюм с обновлённым ПО и автомат серии FA39. Такой я видел до этого только на чертежах, и вот он передо мной — красуется светлой полоской накопления заряда на боку, прямо над рукоятью, нивелирующей любую отдачу при стрельбе. Вершина военного искусства на сегодняшний Отсчёт, и сопротивляться восхищению бесполезно. Всё, что мне захотелось сделать, это получить такое же сиюминутно.

Нас проводили по коридорам к другому зданию. Там выдали форму, пока парадную, хоть и уже военного типа. Старую забрали, и не уверен, что я когда-нибудь её увижу вновь. По шлюзам магнитных путей мы добрались до распределительного пункта, где остатки настоящих новобранцев, а не престарелых прототипов, рассаживались по наземному транспорту. Молодняк рассортируют по базам в зависимости от итоговых экзаменов и значимости в ходе войны. Некоторые объекты обладают бóльшим стратегическим преимуществом, и соответственно не принимают в свой состав лодырей, пусть и сдавших практический экзамен.

Главнокомандующий всё это время был рядом с нами, постоянно сверяясь со своим НОТ-СОУ-СМАРТ. Его что-то волновало, но он и словом не обмолвился. Мы так ж предпочли молчать и наблюдать за ним в ожидании, *что* будет дальше. Наш транспорт подоспел позже остальных. Для нас выделили воздушные FS48. По отдельному выходу за Тетр мы выбрались за пределы Города, у меня сердце похолодело от высоты и возвращения в эти земли. Фиолетовая поверхность планеты переливалась на Солнце, которое тут не сдерживала полимерная прослойка Тетра. Дышится иначе, хотя воздух ненамного грязнее, чем на пятом ярусе. Там это скорее вызвано работой фабрик и заводов, пока же здесь слишком часто случаются песчаные бури, ставшие немалой проблемой после терраформирования.

Мимо равнин, покрытых маленькими кустарниками, над полями бирюзовой растительности, через небольшие леса тонких высоких деревьев мы летели всё дальше от Города. Это сказывалось отрицательно на моём состоянии, словно я бросаю всю прошлую жизнь и лечу расставаться с нею же. Надежда на возвращение таяла с каждым метром, оставленным позади. Кашель пока не вырывался из груди, он собирался в плотный ком, чтоб однажды рвануть так, что я захлебнусь собственной кровью.

— Вас распределят по разным базам, — командующий связался с нами, завершая оформление личных дел. Мы постепенно снижали высоту, под нами расположился небольшой плац распределительного пункта, от которого идут три подземных дороги до противоположных участков планеты. — У вас будет личный состав и задание, сроки которого сформируют позже. Вся информация придёт на ваши НОТ-СОУ-СМАРТ. Ожидайте указаний от Совета. И удачи вам.

Транспорт сел, затих. Гул Плутона окутал меня. Я и забыл, каков он — мерный,

тягучий, словно кто-то очень древний пытается общаться с тобой на незнакомом языке. Новая форма жгла кожу, ещё не пропитанная потом и слишком жёсткая, чтоб поддаваться изгибам моего тела. Я выпрыгнул первым, затёкшими стопами встретив металл плацдарма. В лицо ударил прохладный ветер с частичками песка, вгрызающимися в отвыкшую от этих условий кожу. Повеяло чем-то родным, вот только это крайне коварный обман. Вскоре Плутон напомнит, что он на самом деле опасен, пусть и кишит не совсем враждебными существами.

За двумя из нас уже вышли солдаты Пурпурной армии. Это Снайперы с базы «Фрейм» на которой готовятся лучшие на планете подразделения поддержки. За одним прибыли чуть погодя, его так же увели двое Бомбардиров. Как я понял, нас не только раскидают по базам, но и прикрепят к специальному виду войск. Тут и без всевидящего ока Троебожия будет понятно, куда определят меня. Я остался последним, когда сорокапятилетнего мужчину, с которым мы успели чуть разговориться, забрали Огнемётчики. Он пожал напоследок мою руку и скрылся в подземных тоннелях, а я начинал замерзать. Командующий приказал оставаться здесь, сам улетел обратно в Город. Я не ощутил себя одиноко, внутри скользнуло чувство именно предательства. С этим не смиришься никогда, только смерть разлучает с такой ношей.

Скрипя по подземным железным путям и бередя покров планеты, за мной прибыл небольшой взвод рядовых. Их капсула выбралась на поверхность, крышка открылась с поднятым в воздух дымом. Четыре силуэта еле выкарабкались, кряхтя и матерясь на ходу. Автоматы старого поколения, броня поистёрта. Последнее неудивительно ввиду очевидного факта — рядовые всегда на передовой принимают на себя главные удары, но вот почему они держат в руках вышедшее из эксплуатации вооружение — это осталось для меня загадкой. Предвкушая неладное, я молча принял предложение сесть с ними в одну капсулу. Двое остались снаружи, достав папиросы. Знакомый красный дымок тонкой линией рванул кверху, я не успел зацепиться за его запах, наш транспорт со скрежетом вернулся на пути и пропал во тьме подземных тоннелей.

Воняло прогорклым потом, железом, нечищеными ртами. Замученные рядовые молчали, не переговариваясь даже сами с собой. Я сидел за ними и пялился в малюсенькое окошко, где мелькали куски пород Плутона. Нас сильно трясло, иной раз я верил, что на очередном извилистом участке мы перевернёмся, и моё почётное возвращение обернётся постыдной катастрофой по направлению к военной базе. Успел словить себя на мысли, что втайне от своего же мозга пытаюсь молиться Троебожью и просить его не убивать меня столь глупым способом. Что угодно, только не авария на железных путях.

Дорога казалась бесконечной, лишь спустя минут сорок мы добрались до станции. Как оказалось, меня прикрепили к базе «Вар». Она тащила за собой сомнительную репутацию, однако всё на уровне пьяных разговоров и случайных слухов. Кто говорил, что здесь обучают лучших на планете рядовых, вот только ценой их психического здоровья. Ужасные условия содержания приводят к полной утрате связи с Городом и его благосостоянием. Минимальное количество еды, лишь крайне питательные витаминные батончики и смеси БЖУ. Воды впритык, воздуха ровно столько, сколько необходимо для поддержания жизни, не более, чтоб солдаты отвыкали от условий гражданской жизни. Всё это звучало бредово, хотя стоит понимать, что половина этих выдумок вполне могут оказаться реальностью, и не надо недооценивать методы Совета. Всё ради победы.

Мне не помогли выбраться из капсулы, хотя отлично видели, что я ужасно с этим

справляюсь. Неудобные сидения вдавили меня, сжали, и я, стиснув зубы, не сразу смог подняться, при этом чуть не упав. Ноги затекли ещё сильнее, спина болела, шея перестала двигаться. Видимо, на одной из резких изгибов дороги мы дёрнулись слишком сильно, нерв защемился где-то между позвонками. Я попросил аудиенции с местным командующим, меня проводили в рубку. Она возвышалась над спортивной площадкой, единственным чистым местом на базе. Всё остальное покрылось мусором и пылью Плутона. Где-то даже мелькнули знакомого цвета пятна — внутренности Анухе. Раз увидишь и потом ни с чем не спутаешь.

Командующего на месте не оказалось. Сказали, что он на срочном задании и вернётся к концу Отсчёта. Мне предложили подождать здесь, притащили поднос с розовой жижей БЖУ и один батончик. Не больше и не меньше — главное правило «Вар». Я свалился на стуле у доски с чертежами, расчётами, какими-то математическими вычислениями. Большую часть разобрать не удалось, это выпало за пределы моей программы обучения в Академии. Получилось лишь одно понять для себя — у Совета грандиозные планы, и уму непостижимо, сколько они на это потратили сил. Кажется, что абсолютно все человеческие запасы с сегодняшнего Отсчёта брошены на последнюю войну с насекомыми, и она будет окончена именно на Плутоне. Почему так? Разберусь позже, пока перекушу. С нервов и изнурительного полёта во мне проснулся нешуточный аппетит. Аж живот скрутило.

Суэта базы быстро утомляла, новобранцы и обученные рядовые без дела слонялись из стороны в сторону, ожидая приказа. Часть точно покинула состав во главе с командующим, вот и скучно им. Странно тогда, что площадка со снарядами такая чистая, ведь к ней никто не прикасается и одним ботинком. Пустая, словно забытая совсем. Я же в свою очередь бродил по кабинету, заложив руки за спину, мерял шагами это малюсенькое пространство. В голове крутились всё те же мысли, перебиваемые исключительно полным отрывом от реальности. Я отрицал очевидный факт — я вновь на службе, только теперь прикреплён к личному батальону, который мне и придётся обучить. Раньше никогда не брал столько ответственности перед Городом, а он вручил новобранцев. Так непривычно будет отвечать не только за себя... Пим не в счёт. Она взрослая женщина и сама о себе вполне может позаботиться.

Я не сверялся со временем, погружённый в раздумья и воспоминания. Солнце так и торчало в небе, совершенно сбивая с толку, поэтому стук в дверь заставил вздрогнуть. Она не сразу открылась, сначала в щель просунулся нос, затем подбородок и клочок волос. Их хозяин, — юноша с одним глазом, зашгоренным плотным шрамом, — вошёл позже. Он от чего-то сильно стеснялся, хотя выглядел внушительно. Высокий, широкие плечи с накинутыми на них буграми мускулов. На нём не обычная форма рядового, а обмундирование командующего, пусть и плотно покрытая пылью Плутона. Робкая поступь в мою сторону гипнотизировала, и я слишком долго молчал со старшим по званию, хотя он отдал честь первым.

— Здравствуйте, Нис. Приветствую вас на базе «Вар».

— Здравия желаю, — я не приложил ладони к голове, вместо этого встал со стула и зачем-то поклонился. — Как ваше имя?

— Меня зовут Жол. Я являюсь командующим подразделений этой базы. Для меня честь приветствовать вас как наставника.

Я смутился, захотелось спрятать взгляд, хотя мне удалось побороть глупые телодвижения. Я поправил форму, выпрямился и вдохнул поглубже, чтоб грудь надулась.

Протянул ладонь командующему, получил крепкое рукопожатие и попросил обращаться ко мне просто по имени, без наставников и чинов. На этом и закрепили.

Мы не стали сразу обсуждать планы и приказы Совета, коих было пока объективно недостаточно. Вместо этого Жол провёл экскурсию по базе. Мы обошли казармы, учебный плац, заглянули в столовую. Я словно безвозвратно провалился в прошлое, слишком уж всё напоминало *мои* годы службы. Мы с боевыми товарищами жили в подобных условиях и не позволяли себе жаловаться. Спали на соседних койках, у каждого имелась максимум личная тумбочка, всё остальное было строго общим, и это не могло не породнить даже тех, кто вышел к свету на разных ярусах.

Отдельно мы остановились на стрельбище, я обязан был указать на устаревшее вооружение. Жол убедил, что это временная трудность, и вскоре базе станет доступен дополнительный бюджет. С него и восполнят недостатки в военной мощи. Мне ничего не осталось сделать, как поверить на слово, но в голове я уже отложил, что придётся несладко. Обучение всё равно пройдёт на чуть поржавевших автоматах и заедающих ПП. Если смогу дать ребятам все свои знания о владении клинком, то это хотя бы немного сгладит общий провал в подготовке к основным действиям.

Транспорт находился в отличном состоянии, что не могло не порадовать. Вычищенный до блеска гараж охранялся несколькими особо фанатичными новобранцами. Они, словно арматуру проглотившие, стояли ровные и совершенно неподвижные. Лишь глазами водили туда-сюда да покрепче сжимали автоматы. Массивные SB74 сверкали исполинскими колёсами, до верхушки которых даже я не мог достать головой, хотя мой рост превышал средний по Плутону. Узкие окошки не пускали свет внутрь, а толстые внешние стенки внушали надежду, что и самые сильные Анухе никогда не проберутся внутрь. Настоящий монстр среди наземного транспорта, и такие имеются только у рядовых, коим приходилось когда-то при первых зачистках высаживаться прямо посреди скопищ насекомых, не вполне дружелюбно настроенных к людям.

— Вам выделили отдельную комнату, — начал Жол, сопроводив меня обратно к своему кабинету, в котором собрались люди. За матовым снаружи стеклом я их не различал. Тонкие высокие силуэты сновали из стороны в сторону, явно в нетерпении что-то срочно обсудить. — Там вы найдёте всё необходимое для проживания. Если будут вопросы или же понадобится помощь, то напишите мне на НОТ-СОУ-СМАРТ. Я добавил свои контакты вашему личному делу. И спасибо вам за добровольное присоединение к нашей базе.

Внутри у меня что-то разорвалось. Благо, я так и не выбрал, как выразить эмоцию полного недоумения. То ли засмеяться в голос, то ли заплакать. Видимо, кроме нас пятерых, шантажируемых Советом, никто не знает, что это не было выбором — нам пришлось. И это при условии, что я встретил только четверых помимо себя. Не удивлюсь, что подобных *мне* намного больше, и на каждой базе есть минимум один такой «доброволец», подряженный на обучение молодняка.

Жол ещё раз пожал мою руку и заскочил в свой кабинет более уверенно, чем когда я там сидел в ожидании. До меня на секунду донёсся гул голосов, затем всё пропало в гаме военной базы, живущей на полных оборотах, ведь до конца Отсчёта ещё немало времени. Новобранцы протирали полы, расставляли спортивный инвентарь. База на глазах преображалась, видимо до недавнего времени находящаяся в запустении. Запах металла пробился сквозь пыль, и нет приятнее аромата, чем этот, смешанный с тестостероном и риском погибнуть ради процветания человечества на Плутоне. Даже флаг подняли. Герб

Пурпурной армии, — треугольник, а в нём оранжевый диск, символизирующий Солнце на фоне фиолетовых гор, — вытянулся на всю стену ровно напротив рубки командующего.

На НОТ-СОУ-СМАРТ мелькнуло условное задание от Совета. Поручили найти свою комнату и разложить вещи, хотя у меня не имелось ровным счётом ничего, кроме надетого. Я построил на экране маршрут и двинулся по нему. Моя комната оказалась недалеко от центра командования базы. Скрытое за плотной дверью помещение выглядело крайне скромно, тем не менее всё необходимое там имелось. Заправленная койка, шкаф, стенд для брони, который пока пустовал. Холодильник, раковина и закрытые душ с туалетом. Это обрадовало отдельно, ведь не придётся как раньше драться за дырку в унитаза каждое утро, лишь бы не обмочиться в очереди перед завтраком.

Я улёгся на кровать, мягкие пружины чуть провисли, и спина погрузилась в расслабление. Приятное тепло разлилось ко всем конечностям. Я вздохнул, глядя в абсолютно белый потолок, одинокая лампочка на нём вполне справлялась со своей работой — нет ни единого уголка, где царил бы тень. Только если подо мной, а всё остальное блестело и сверкало от чистоты. Это вызывает смешанные чувства, словно я самозванец, и обман мой будет вот-вот раскрыт. Сразу, как они поймут, что я слишком стар для войны, что моя компетенция лишь на старых архивных документах выглядит хорошо, а сегодня я не представляю из себя ничего, кроме памятника забытым войнам. Они должны были тогда и закончиться, но долг воззвал вновь.

Пим написала, я поднял НОТ-СОУ-СМАРТ и прочитал сообщение.

«Как ты там? Очень волнуюсь. На работе коллеги с ума сходят, никто не верит, что произошёл новый призыв, да ещё и в таком виде. Скажи честно, у тебя всё хорошо?».

Сообщение пришло полчаса назад. Надеюсь, она не придумала себе ничего лишнего, пока я был занят. Отлично понимаю свою дорогую Пим, ведь её супруг буквально позавчера находился на почётной служебной пенсии и небольших дотациях от Совета, пусть и при рабочем месте на производстве, а сегодня валяется в кровати военной базы за несколько сотен километров от Города. Даже молчание длиной в полчаса заставит подумать о худшем. Я тут же набрал ответ, чтоб успокоить и себя, и Пим.

«Всё хорошо. Меня прикрепили к «Вар». Я буду обучать новобранцев, представляешь? Выделили отдельную комнату и обращаются со мной как с командующим!»

Выглядит словно письмо подростка родителям с боевых учений, но я не стал по три раза перечитывать и дополнять, просто отправил сообщение. Тут же появились отметки о доставке, спустя пару секунд пришёл ответ.

«Горжусь тобой».

Это всё. Короткое сообщение, однако его смысла мне хватило с лихвой. Я поставил НОТ-СОУ-СМАРТ в режим «В строю» и прогулялся по комнате. Ополоснул лицо, немног прищёл в себя, до этого погружённый в неслабое волнение. В холодильнике нашлись энергетические батончики и несколько бутылок страута. Я постеснялся выпивать больше одной, вместо этого опасно взял холодное стекло и осушил за присест. Жидкость приятно разлилась по желудку, я вернулся в постель. Отсчёт подходил к концу. Звуки базы до меня практически не добирались, теперь за дверью точно воцарилась тишина. Пора спать, накапливать силы. Завтра будет важный Отсчёт не только для меня, но и для каждого воина, прикреплённого к «Вар». Я закрыл глаза в полном удовлетворении от собственного положения и быстро уснул.

После безвкусного завтрака я поспешил встретиться с Жолом. Дверь в его кабинет была открыта, так что я заскочили без лишних стуков. Командующий в приступе особого волнения вглядывался на доску, где расположилось огромное количество чертежей и карт. Примерные направления нападений, расчёты по составу войск и его размеру. Даже экономические сводки мелькали, которые когда-то меня заставили совершить непоправимое, и вот я здесь.

— Доброго утра, Нис. Проходите, я сейчас закончу.

Я закрыл за собой, услышал скромный щелчок замка. Устроился за спиной Жола. Он был по пояс голый, вспотевший от тяжёлых раздумий. Хотелось бы помочь ему, да вот не знаю даже примерно, с чем пришлось столкнуться столь юному командующему. Он пыхтел и возможно даже не представлял, что производит такие мученические вздохи. Трудно было удержаться на месте, но я справился. Тут Жол и повернулся ко мне, взгляд полупустой, лишь огонёк предвкушения масштабных событий брезжил в глубине его черепа.

— Утром пришло задание от Совета. Требуется обучить и собрать отряд из двух тысяч рядовых. Учения следует проводить группами по несколько сотен, повторы будете курировать уже не вы. Всё, что требуется лично от вас, Нис, это передать опыт хотя бы небольшой группе новобранцев и десятку инструкторов. Они завершат дело, после чего все отправимся на вылазку к соседним сопкам, разведка докладывает, что...

— Извините!

Я жутко боялся перебивать, однако мысль так прочно встала перед взглядом, что ни о чём другом думать не удаётся. Его слова зацепились, вгрызлись, и я последовал у них на поводу. Жол удивился моей дерзости, и, пусть всего на секунду, его уважение к моей персоне улетучилось, а затем всё-таки вернулось. Я смог выдохнуть с облегчением.

— Вы сказали: «Отправимся все»?

Гадать бесполезно, *что* имелось ввиду под этим, поэтому я спросил напрямую. На грани обморока от ужаса.

— Именно так. Разве вы не были в курсе?

Страх ударил по зубам, холодом обернувшись вокруг сердца. В груди защемило, но я сохранил прежний вид. Как сидел с выпрямленной спиной, так и остался. Вот только в животе смесь БЖУ мгновенно устремилась к заднице, аж пот на лбу выступил.

— Нет.

Непонятно, зачем я решил ответить. Само собой разумеющееся, что я не знал, раз прошлый вопрос вообще появился на свет. Ком в горле не сразу протолкнулся хотя бы в одну сторону, и мне понадобилось некоторое время, чтоб снова заговорить, пока Жол успел откровенно заскучать и разозлиться из-за заминки. Уверен, у него ещё туча неотложных дел.

— Каковы сроки?

На лице командующего скользнула улыбка, перемешанная с уважением в глазах. Вопрос по делу, важный, который сразу должен был прозвучать вместо глупых уточнений приказа Совета.

— Три месяца. После чего представитель Совета лично проверит готовность наших подразделений к военным действиям. Говорят, даже Просветитель появится, чтоб благословить воинов для битвы с ебаными гусеницами.

Просветители. Давно о них не слышал. Самые ярые фанатики Троебожия. Искренне верят, искренне готовы уничтожить каждого, кто хотя бы отдалённо будет напоминать Еретика. Опасные люди, получившие слишком много власти при новом строе общества. Как бы я ни хотел, а повторная встреча с ними оказалась неизбежна.

Отдельно заметил, что и Жол по-настоящему ненавидит Анухе. Не могу понять его рвения, да и расспрашивать опасно, тем более с будущим визитом Просветителей. Суд в таком случае не созывают — если Просветитель указал пальцем, то проверка на отречение проводится не будет. Клеймо Еретика будет тут же присуждено, не поддающееся обжалованию даже после смерти. Ни в единой сводке не появишься, хоть при жизни заслуживший ордена и медали.

— Принято. Когда могу начинать?

— На спортивной площадке вас ждут инструкторы. Они объяснят схему обучения. От вас же требуется доверие к Совету и его планам. Да благословит вас Троебожие.

Жол не выказал армейской чести, лишь по старым обрядам приверженцев Троебожия приложил ладонь к груди и сжал в кулак. Я такое видел только в детстве, когда каждый новый призыв обязательно проходил освещение Просветителями. Отказы не принимались, так же как и доклады о поражении. Это *потом* стало чуть легче, когда длань духовенства решили ослабить, ведь в обществе начались волнения. Баланс как обычно Совету удался, или же всё идёт по его плану с самого начала, работающему на контрасте и страхе.

Я не последовал за Жолом, не стал прикладывать руку к груди, чем условно занёс себя в список сомнительных персон. Быстро пожалел об этом, ведь главнокомандующий не изменился в лице, но во взгляде прочиталось недоверие. Наученный манипулировать в Академии, он буквально не имеет права выдавать свои чувства, чтоб власть сохранялась при нём. Я отдал честь, нервно развернулся и поспешил к выходу, чувствуя спиной возрастающую опасность. У меня нет иного выбора, кроме как повторно отправиться на войну или стать признанным Еретиком, постепенно накопившим свою вину перед Троебожием. В такое время нельзя выдавать себя, и думать даже стоит чуть тише.

На плацу тёрся отряд рядовых, у края спортивной площадки собрались инструкторы. Их отличали фиолетовые нашивки на плечах. Я направился к ним, громко топая по металлическим лестницам под рубкой командующего. На меня обратили внимание практически все, ведь никого не было, кто не знал бы о моём прибытии ещё вчера. К базе прикрепили бывшего военного, которому не только удалось выжить, но и миновать дальнейших разбирательств перед Советом и Троебожием. Один из трёх всегда отправлялся за пределы Тетра — обвинённый Еретик, так и не нашедший в себе сил держать язык за зубами после изнурительных стычек с насекомыми.

Передо мной расступались, давая дорогу прямо к площадке. Сдавленный шёпот постепенно набирал силу, я был дико удивлён, что некоторые даже знали моё имя. Оно сказало от уст к устам, от этого я ощущал себя уязвимо. Я всего лишь рядовой, когда-то вернувшийся в родной дом к супруге, не более. Лишь бы Совет не придавал иной значимости, чуть преувеличив мои заслуги перед Городом. Не хочу превращаться в героя, так же как и не желаю стать мучеником, полёгшим в войне. Одно другого не лучше.

— Здравия желаем, — первыми начали инструкторы, вставшие в шеренгу передо мной и заметившие, как я не на шутку взволнован. Некоторые ещё моложе командующего, не особо отличающиеся от совсем юных новобранцев, которые кучей сгрудились вокруг нас. Они перестали шептаться, им не терпится приступить к обучению и отправиться на войну.

Думаю, в Академии удвоили часы уроков Веры в Совет.

— Доброго утра.

Я еле выдавил из себя приветствие, отдал честь всем собравшимся и застрял на месте. Вспотел сильнее прежнего, понятия не имею, что говорить. Жду от других хоть словечка. Тишина убивала — целая военная база вмиг затихла, чтоб послушать одного меня и узнать о моих планах на обучение. А я не составлял ничего, не прикидывал в уме. От этого горький стыд кольнул за кончик языка, вот и молчу, чтоб со рта не покапала слюна.

— Я предлагаю сразу провести экзамен новобранца, только с меньшим количеством утяжелителей.

Люди вокруг искренне удивились, да и я тоже, что тут говорить. Вспомнил про древний обычай, практически традицию, нежели реальное испытание. Молодых бойцов строили шеренгами и пускали бегать по стадиону, попутно раздавая грузы на руки. Кто пробежит три сотни кругов, тот проходит дальше, кто не справился — уезжает в Город к мамочке. Сам я такого не проходил, да и слышал об экзамене новобранца чаще от пьяных завсегдатаев бара, чем встречал в книгах Академии. Однако азарт слишком высок, и теперь не смогу остановиться.

Инструкторы потребовали минуту на размышления, пока новобранцы, почуяв запах неизбежного, принялись нервно разминаться. Большинство из них тоже слышали о традициях, вот только далеко не каждый был готов с ними столкнуться. Дело не только в выносливости и упорстве. Ты будешь окружён старшими по чину, и настолько дурацкое снаружи испытание лишь сильнее заставляет усомниться в нужности происходящего. Простая игра с самим собой, лишь усложнённая бесконечным бегом по кругу. Я видел в этом что-то философское, пока инструкторы обсуждали *практическую* значимость.

Один из них выступил предо мной от всего отряда. Они дали согласие, однако для начала надо было уведомить командующего. Я отправил ему на НОТ-СОУ-СМАРТ предложение и практически тут же оно было принято. С довольным лицом я проследовал к трибунам наблюдателей, откуда обычно тренеры и командующие следили за тренировками военного состава. Инструкторы же распределились поровну вокруг площадки. Через программы управления базой они высветили на полу траектории бега, чуть сузили круг, убрали подальше металлический инвентарь, чтоб никто не покалечился. По крайней мере раньше положенного срока. Обычно такой экзамен проводили лишь спустя время после прикрепления к базе, так что пусть сегодня юношам не придётся погибать от обезвоживания и истощения. И как же хорошо, что девушек перестали допускать к службе давным-давно, ведь из-за их слабости была проиграна война на Венере. Да и не хватало нам ещё рвоты по пути к финишу.

Я не стал лично отбирать первых новобранцев, чтоб те продемонстрировали суть испытания. Как мне сказали — так и поступлю, лишь передам опыт и знания, какими располагаю. А не имея точного плана буду действовать по наитию. Слава Троебожию, оно не карается Просветителями как иной путь размышления, слишком далёкий от проповедей и планов Совета.

Ребята уже собрались у стартовой линии, вспотевшие ещё на разминке и от волнения. А мышцы налиты силой, дуга мускулов тянется от пяток до кистей. Я вспоминал себя в их годы и буквально гордился тем, что был не хуже. С чувством повышенного достоинства дал отмашку инструкторам, те согласовали между собой правила и отправили первичные отчёты на мой НОТ-СОУ-СМАРТ. Первая группа новобранцев рванула что есть мочи, словно только

первый достигший финиша получит право стать рядовым, остальные же с позором поедут домой работать на фабриках. Не прерывая забега, я попросил инструкторов по личному с ними каналу чуть придержать распалившихся юношей, чтоб те осилили хотя бы сотню кругов без обмороков и жутких судорог в ногах. Как я и предполагал, тут же новобранцы чуть не вровень стали держать темп, словно на построении дыша друг другу в затылки. Никаких лидеров среди них, лишь равные по силе и чину. В этом я и видел смысл экзамена новобранца. Надеюсь, не придётся это разжёвывать отдельно.

Коллегиально с инструкторами решили не заставлять молодых бегать все триста кругов. Мы единогласно остановили первую пробу и пригласили исключительно желающих попробовать себя. Огромная очередь вытянулась в разные стороны, доставая до разных концов базы. Подоспели даже повара с кухни и охрана транспортного отсека. Забытые способы проверить подготовку новобранцев привлекли достаточное внимание, чтоб я убедился — я не так уж плох и тем более не так бесполезен, как самому казалось ранее. По крайней мере на сегодня занимаю первенство среди доверия всего населения «Вар», это вдохновляет. Стараясь не особо отрываться от повторных забегов, написал Пим.

«Здравствуй, любимая. Сегодня решил провести экзамен новобранца. Управление приняло идею и вот сижу, наблюдаю за молодыми воинами».

Отправил сообщение, прикрепил своё фото на фоне стадиона. Вчерашнего молниеносного ответа не получил, но супруга точно не заставит себя долго ждать. Под фото появился значок герба Пурпурной армии, который разрешено использовать в личных переписках как ответную бессловесную реакцию. Само сообщение Пим допечатала чуть позже.

«Ты молодец, Нис! Я так надеюсь, что ты достойно обучишь новобранцев и вскоре вернёшься домой. Очень жду!»

Наверное, я не такой уж и дурак, раз Пим тоже решила, что после курса инструктажера меня вернут в Город и оставят в покое, пока новый призыв будет справляться с тем, с чем не справился старый. Пришлось отвлечься и подумать, затем уже набрать сообщение. Я решил опустить подробность вместо того, чтоб соврать.

«Спасибо. Это приятно читать. Хорошего дня! Вечером ещё напишу»

Она поняла, что я занят, поэтому решила не отвлекать. На экране появилась отметка о прочтении, мне этого достаточно, как и для Пим, которую пока не стоит опарашивать плохими новостями. Мы оба ещё не отошли от позавчерашних передач Совета и Троебожия. Я уж точно, поэтому ради себя в первую очередь промолчу.

Перед глазами всё кружились шеренги новобранцев, превратившие изначальную идею в обычную разминку. Я не стал высказываться против, дал инструкторам проводить тренировку. Они добавили дополнительные упражнения, выдали инвентарь, предварительно погасив табло с цифрой «триста». Обиды не ощущаю, хотя гнетёт мысль, что и завтра придётся что-то выдумывать. Повтором идеи не отделаюсь, перекинуть так рано свои обязанности на инструкторов так же не позволят. Я не в тупике, однако путей отхода всё равно не вижу. Четыре стены вокруг. Пусть среди них стеклянная, тем не менее она бесконечно отделяет меня от настоящего мира. Один забыт, другой слишком глубоко теплится под сердцем, чтоб я точно знал, как выпутываться из сложившихся обстоятельств.

Как ни убеждаю себя, а ход дел на данный момент весьма скверный, и деться буквально некуда. Из рубки видно всех, тайные камеры на каждом углу и даже вживлены в нашивки инструкторов. Я вновь задумался о том, чтоб следить за ртом, ведь тот машинально способен

повторять мои же мысли. Постоянно ощущение опасности и слезки выдавило из-за трибун. Я, стараясь не подавать вида, скользнул между плотных рядов новобранцев, уже не замечающих своего наставника, и выбрался к панорамным окнам транспортного отсека. Охраны не было до сих пор, все обо мне забыли. В эту минуту приятное одиночество только на пользу.

Солнце жарило пустыни Плутона, слабые песчаные бури гоняли почву в разные концы Планеты. Я прижался лбом к полимерному стеклу, пытаюсь срастить, как же всё приползло именно к этому моменту. Я безумно жалел себя, от этого становилось откровенно тошно, даже БЖУ тут не при чём. Заплакать бы, да юношеские блоки и муштра Академии не позволят и слезинке выкатиться по столь незначительному поводу. Бесконечное сращивание идей и планов рушились об одно конкретное осознание — меня вновь отправят на войну вне зависимости от успехов обучения этих новобранцев. Моя личная ноша и ответственность, так это и работает на фронте. Ужасно трудно смириться с этим, я ударился головой об окно, чтоб вытряхнуть мысль, но никак. Так и простоял спиной к базе, пока на плечо не легла чья-то ладонь.

— Нис? — бархатный юношеский голос чуть успокоил, вот только недостаточно, чтоб в груди перестало так отчаянно колоть.

— Да, что такое?

Перед глазами расплывалось его лицо. Один из инструкторов, который тогда вышел ко мне со оглашением результатов голосования по экзамену новобранцев. Сейчас удалось его рассмотреть достаточно, чтоб увидеть в молодом парне равного по силе и мужеству, пусть оно и прячется за средним телосложением по Плутону.

— Большинство новобранцев закончили тренировки, каждый пришлёт отчёты на наши НОТ-СОУ-СМАРТ. Вам нужны копии для ознакомления?

Я опешил от подобного предложения и машинально кивнул, не подумав и секунду.

— Перешлю вам часть. Если понадобятся все, то дайте знать. Спасибо за тренировку.

Он протянул мне руку, я пожал её. Крепкая ладонь не сразу меня отпустила, как и чувство вернувшейся значимости. Они обращаются на «Вы», предлагают ознакомление с докладами, когда как раньше я сам держал отчётность, отредактированную перед Советом и Троебожием. Неверие заставляет делать глупости, и надеюсь, что сегодня мне удастся их избежать. Уже ощущаю прилив и желание снова показать, что умею, да сразу за один Отсчёт. Рациональная мысль распределить всё на несколько месяцев по-прежнему на первом месте, но как же она слаба. Вот бы на базе был бар и бордель. Или хотя бы рядовая Анухе.

Новобранцы площадку освободили, а она так и не опустела. Теперь инструкторы воспользовались заминкой перед плановыми учениями, чтоб размяться. Самим тоже форму нельзя терять, иначе какой из тебя инструктор? С приятным щебетом в груди я вернулся на своё прежнее место, за трибуны. База вновь загудела, в этот раз куда приятнее, чем вчера. Знакомая атмосфера, практически родная. Война поймёт, если на время ты о ней забудешь, а затем напомнит о себе самым внезапным способом.

— Присоединитесь?

Я не сразу среагировал на вопрос, решив поначалу, что обращаются не ко мне. Несколько пар глаз уставились в мою сторону, на лбу аж горячее пятно выскочило. Я подпрыгнул на месте, машинально поправив китель. Инструкторы встали вокруг в самом центре площадки, восстанавливая дыхание. Один из них что-то настраивал на своём НОТ-

СОУ-СМАРТ, чуть после загорелось знакомое табло, там три сотни кругов. Обновлённый счётчик.

— Мы тоже хотим попробовать! Будете с нами?

Все встали на стартовую линию, словно без меня точно не начнут. Я снял китель, поправил майку. Лёгкий стыд пнул по заднице, ведь я точно физически выглядел не так, как молодые ребята, но мне сможет помочь опыт. Как ни крути, а такое не вытравишь из тела, как ни старайся. Я занял своё место, сердце бешено стучит от одного волнения. Родство с братьями по оружию воодушевляет до обморока, и глупая улыбка растягивается на морщинистом лице как самый очевидный итог. Я чуть выровнял сердцебиение и вернул ровность дыхания, не до конца веря, что правда так быстро согласился на забег.

Сигнал дал один из инструкторов. В отличие от новобранцев все начали с ускоренного шага, лишь после круга десятого постепенно увеличивая темп. По периметру площадки повторно началось столпотворение, и я готов поклясться, что на матовом стекле рубки проявился силуэт, хоть и не проверял, точно ли это. Ажиотаж возвращался, это подстёгивало бежать дальше, совсем чуть-чуть прибавив в прыти. Дыхание на месте, сердце бьётся ровно, без скачков, которые обычно как удар под дых. Сотня кругов позади, а я только слегка вспотел. В толпе возгласы одобрения, кто-то подстёгивал рвануть что есть сил и показать, кто тут самый главный. Один из инструкторов предложил грузы нацепить в дань традициям. Мне даже не пришлось позориться с отказом — остальные практически моментально отметили идею.

Ещё пятьдесят кругов преодолены. Вот тут и началась борьба с собой. Передо мной два человека, за спиной тройка. Сбавлять темп точно не имею никакого права, а если разгонюсь, то придётся сохранять скорость, ведь первые бежать медленнее точно не станут. Вот только ноги словно из ткани, готовые подогнуться в самый неподходящий момент. Дыхание тоже слетело с курса, за ним и сердце скачет как ему угодно, в случайном порядке. Что меня тянет обязательно выполнять экзамен новобранца — ума не приложу.

Грузное пыхтение вырывается из груди, на это стали обращать внимание все, кроме меня. Они молчат, хотя практически обязаны вывести меня с площадки и проверить моё состояние. Дело в возрасте, и им тоже стыдно тыкать меня в это. Унизительный круг замкнулся, все по итогу молчат. Тут-то и наступило резкое ухудшение, оно больше от осознания, что я совершил немалую ошибку и не готов её признавать. Бремя глупости свалило меня на пол, по инерции я ещё пару метров прокатился кубарем и свалился у ног новобранцев. Вскрики, местами похожие на детские или даже девчачьи, проскочили в толпе. Словно вся база без исключения собралась посмотреть на мой позор, он утягивает меня во тьму обморока.

Последнее, что слышу — это топот инструкторов, их лица расплываются, за их затылками яркий свет фонарей становится клинком, режущим мои глаза. Я смыкаю веки, в то время как нижняя челюсть сама по себе отвисает, надавливая на горло. Тяжесть во лбу невыносимым грузом сначала придавила к полу, потом рассосалась, отправив меня в глубокий сонный бред...

Мне привиделось, как стадо Анухе скачут по пустыням Плутона и растворяются в мареве заката. Они кричат и пищат, улетучиваясь как пыль. Солнце горит словно костёр, такой далёкий, и тепло до меня не доходит. Стук по земле пытается убедить, что я ещё жив, но верится с трудом. Картина начала срачиваться, когда топот лапок гусениц превратился в

шаги сопровождавших меня инструкторов. Фонари на потолке длинного коридора сменили солнце из моего сна. Стены насекомых обернулись возгласами людей. Из обрывков их мыслей понимаю, что во время забега я отключился слишком надолго, чтоб меня просто можно было пошлёпать по щеке и облить водой. Их суета доказывала один единственный факт — всё обернулось куда хуже ожидаемого. Сколько бы ни был молод разумом, а забыл, что тело моё отдало все силы службе, и это было много лет назад. На что надеялся, вставая на одну линию с молодняком?

Меня закатали в огромный белый кабинет. Медицинское отделение, где всегда пахнет чем-то еле уловимым. Такой аромат больше нигде не встретишь, и вот он снова царапает ноздри. Противно до дрожи, она прокатилась по всему телу, от чего кровь забегала по венам. Стало теплее, я ощутил себя более живым. Это хорошо, вот бы ещё силу в ногах иметь, а то кажется, будто попытаюсь встать и свалюсь как парализованный. Вокруг людей меньше, только суть не изменится — я опять докажу собравшимся и себе в том числе, что гонка за первенство по силе с треском провалена.

Надо мной возвысился Лекарь. Таким становишься лишь после прохождения нескольких военных операций. Выглядит как мой ровесник, только глаза более безжизненные, буквально циничные. И не таким станешь, долгие годы собирая сослуживцев по кусочкам во что-то хотя бы отдалённо похожее на человека. По его команде все лишние покинули кабинет, мы остались вдвоём. Лекарь выпал из моего поля зрения, брякая металлом где-то в стороне.

Шея не сразу поддалась, но по итогу позволила повернуть голову. Высокий мужчина настраивал огромный аппарат, прямо при мне производя починку. Машина скрипела, её экран еле показывал информацию. Я такие аппараты видел только в старых словарях — сканеры серии FOS14. Производят полную проверку твоего состояния, только при этом работают от силы пару раз. Такая отличная идея была задушена вмешательством культа Троебожия, якобы лишь человек имеет право обследовать другого человека. И почему-то никто из этих сумасшедших не вспомнил о первых моделях костюмов защиты от насекомых и радиации других планет. Да ещё на Марсе люди ходили в постоянном отслеживании уровня здоровья, а сейчас это пародия на былые времена. Сердцебиение покажет да количество патронов в запасе, вот и всё. Визоры стали трансляторами проповедей, поэтому практически каждый воин Пурпурной армии опирается лишь на свои чувства, изредка прибегая к помощи НОТ-СОУ-СМАРТ. Хотя бы это разрешили, и на том спасибо.

— Я заметил капли крови на ваших губах, хотя никаких надрывов на них нет, — начал Лекарь, обращаясь будто не ко мне. Прилип взглядом к машине, которая постепенно приходила в рабочее состояние. — Или закусил щеку изнутри, когда упали, либо ваши лёгкие через пару лет превратятся в недееспособную труху.

У меня аж горло опухло от его слов. Неужели багровые отметины на моём рту так быстро меня выдали? Я ничего не ответил, делая вид, что ожидаю проверки. Только она одна и скажет, что со мной не так... если конечно у меня что-то не в порядке.

Лекарь закончил с FOS14, подкатил её ко мне. Я оставался на кушетке, холод металла от огромного сканера покрыл моё тело. Даже сквозь штаны и уже высохшую майку повеяло ледяным ветерком, пронизанным запахом спирта и медикаментов для рядовых — самых гнусных таблеток в мире. Они тебя не вылечат, лишь позволят умереть без боли и сожаления.

— В первую же очередь просканируем ваши лёгкие.

Он говорил плоско, совершенно без эмоций, словно читал вслух перед самим собой правила обследования. Я ощутил себя *уже* мёртвым, которого для вида решили проверить, от чего тот помер. В сводку не занесут, Совету не доложатся, а Троебожию плевать. Даже в присутствии Лекаря, который исключительно из следования Своду обращался ко мне в уважительной форме, я чувствовал себя бесконечно одиноким. Только я и эта машина, набирающая громкости с каждой секундой. Скрипели механизмы, состарившаяся проводка искрилась, барахлящий экран долго выводил информацию, да и ту разглядеть не сразу удастся. Нам обоим место на свалке.

— Как я и думал.

Лекарь изучал экран, на котором не было ровным счётом ничего, что я мог бы растолковать. Быстро сменяющие друг друга символы. Строчки скакали с верха к низу, скан же моего тела был размыт, то ли ребро вижу, то ли край кушетки, к которой прилипла моя потная спина. Минуты тянулись, я терял терпение и всё равно понимал, что не имею права злиться на кого-либо, кроме себя. Одна моя глупость привела сюда, если кого и ругать, то состарившегося солдата, по допущенной когда-то ошибке оказавшегося среди новобранцев, перепрыгнувших через поколение этого самого рядового.

— Да, всё верно.

Вторая короткая фраза, за которой не последовало хоть какого-то объяснения. Лекарь мычал, менял ползунки на FOS14, настраивал картинку прямо передо мной. Теперь вижу позвоночник — слишком глубоко зашли, дело же в моих лёгких. Потом рёбра проявились, ключицы. Лекарь перенастроил слой сканирования, и вот мои лёгкие передо мной на экране. В язвах, шрамах, которые при каждом вдохе затрудняют наполнение воздухом. Они не растягиваются, не разжимаются, они сковывают меня изнутри, и я задыхаюсь из-за них, из-за крови, что сочится из каждого такого шрама. Не надо быть Лекарем, чтоб понять...

— У вас застарелое заражение лёгких. Или как говорится среди рядовых...

Он не застревал на полуслове, планета не переставала кружиться. Но всё вокруг словно застыло перед следующими словами. Они обрушат мою жизнь, это вообще ни в какое сравнение не идёт с позором упасть на глазах твоих же протее. Сколько я откладывал, сколько закрывал глаза на вполне очевидные симптомы, и вот докатился до самой отвратительной болезни, которой награждается каждый четвёртый рядовой, когда-то на постоянной основе дышавший парами Анухе. После убитой гусеницы кверху всегда вздымалось облако из тонкодисперсной крови, я слишком часто оказывался погружён в такие сгустки, думая, что это мнимая медаль. Нет же, идиот, это был новый выстрел по твоему организму. На груди не будет нашивок с этими словами, в сводке погибших тоже не напишут, но *ты* и как минимум этот Лекарь будете в курсе, что у тебя...

...плутонский свищ.

«Кровь Анухе стала полниться хиломикронами [27] вследствие их плутонской диеты. Гусеницы массово пожирали новую флору планеты, появившуюся после терраформирования. От этого у насекомых раздулись желудки, практически взрывающиеся при умерщвлении носителя и выпускающие в воздух пары хиломикронов, попадающих в лимфатическую систему и далее вступающих в реакцию с лёгочно-сердечным аппаратом людей.

Это вызывает огромное количество химических реакций (см. схему и уравнения на странице 149), впоследствии приводя к образованию язв. Они же без должного лечения превращаются в так называемые «Плутонские свищи» — тонкие трубки, соединяющие лёгкие и внутренние слои кожи. Как итог образуется прямой доступ крови к лёгким, альвеолы отмирают, покрытые кровяными корками, постепенно приводя к затруднённому дыханию в первые несколько лет. В следующую декаду человек не может справиться с дыханием самостоятельно. Лишь изредка кому-то удаётся бороться с болезнью собственными силами организма, но это случай один на десяток тысяч среди воинов Пурпурной армии (в справочнике есть ссылка на молитву Троебожью. См. примечания на странице 682).

Так же периодическое поступление хиломикронов, синтезированных в желудке Анухе, приводят к атрофии мышечных тканей людей, так как первые транспортируются через кровь после вдоха. Весь организм Гражданина бросает силы на скорейшую утилизацию образованных триглицеридов. В первую очередь от этого страдают лёгкие и сердце, сильно снижая функциональные свойства аппарата. Поражённые «Плутонским свищом» обычно живут не более пятнадцати лет после окончания службы, при медицинском вмешательстве добавляется ещё декада. Статистика до сих пор пополняется (ссылка на сбор данных академиков Сид и Чур приведена после статьи), поэтому есть шансы ошибки в расчётах и связи фактов. Да поможет нам Троебожие».

Лекарь не стал всё это разжёвывать самолично, вместо этого вручил огромный справочник и открыл на нужной странице. От ужаса я не мог концентрироваться на буквах, напечатанных на бумаге, которую не видел уже долгое время. Всё отвлекался на Лекаря, он сворачивал сканирующую махину и сам при этом пыхтел, будто это у него лёгкие вот-вот развалятся на составляющие.

Я скользил от строчки к строчке, перечитывал несколько раз, словно пытался выучить наизусть. Это как-то надо описать Пим, вот только не сегодня, а без объяснений она не примет сообщение ни в каком виде. Самолично прилетит да назовёт меня идиотом, ведь я допустил такое обширное поражение своих же лёгких. Она будет права даже в том случае, если убьёт меня быстрее Плутонского свища. Заслуженно, я ведь действительно просто вытирал с губ кровь после кашля, да шёл по своим делам дальше. Смешно, я б над собой посмеялся, если б не новая волна жалости к собственной персоне. Вот сижу в промозгом кабинете с белыми стенами и читаю старомодный источник информации. Там говорится, что я скоро сдохну. Спасибо, так надо, спасибо.

— Я произведу расчёты, примерные прогнозы отправлю на ваш НОТ-СОУ-СМАРТ. — Голос Лекаря был таким же холодным, как кафель под ногами, даже сквозь ботинки впивается в стопы. Я встал, неизменно держа справочник во вспотевших ладонях. — Кому

ещё отправить итоги проверки?

— Никому.

Я знал заранее ответ на вопрос, который ещё не успел свалиться изо рта Лекаря. Предписания обязывают, знаю, но правила чуть смягчили, и солдату с увечьем, пусть и скрытым, разрешают самому выбирать, кто увидит сводку его здоровья.

— Я обязан уведомить Совет и Троебожие.

— Без Совета можно обойтись?

Я надеялся на чудо. Уверен, мой взгляд Лекарю показался совсем идиотским. Он изогнул бровь, что стало первым проявлением его эмоций за всё время нашего взаимодействия. Он даже о смертельной болезни сообщил с более упрощённым лицом. Я понадеялся, что не стал глупо улыбаться в надежде смягчить решение, ведь тут не всегда удаётся себя контролировать.

— Отправлю только в Молитвенник Троебожию. Устроит?

— Да.

Внутри у меня взорвался ком радости. Не ожидал нисколько, что позволят. Обязательные инструкции на то и обязательные, чтоб беспрекословно им следовать, а Лекарь выглядел именно тем, кто вообще никогда не отступает от предписаний. Или же ему настолько похуй, что даже Свод ему не указ.

— Можете быть свободны.

Я положил справочник на кушетку, с рук словно стащили по связке камней, и уставшие мышцы занули от растяжения, слишком налитые кровью. Я забрал китель, на котором валялся, накиннул его на плечо. Всё глядел в спину Лекарю, который снова отвернулся от меня. Он разбирал колбы, шприцы, банки с таблетками. Я хотел сделать шаг к выходу из кабинета, как из меня вырвался вопрос.

— Не начнёте лечение?

Лекарь не стал брать паузу, ответил так же быстро, как я с выбором контактов для уведомления.

— Нет.

— Отчего же?

Мне приходилось вытягивать из него хотя бы по два слова. Он либо строил из себя глупого, либо ему лень было объяснять логичные, по его мнению, вещи.

— Не вижу смысла заниматься лечением трупа. Вам остался от силы год, советую принести пользу Городу и Троебожию.

Половина его ответа сквозила ядом, другая же часть была совершенно логичной, пусть и бесчеловечной. Я спиной попятился к двери, не понимая совсем, что делать. Подобная новость слишком сильно ударила, и эмоции так далеко отпрыгнули, что по итогу я не испытал ничего после оглашения вердикта. Всего год, такой же, как остальные, пролетевшие по щелчку пальцев. Сподобишься совершить вдох и один раз лечь спать, а наутро ты уже мёртв. Так работает война, так работает жизнь за пределами нескончаемых боевых действий. Время, данное мне, сократили без моего согласия, и в этом вся трагедия — я ничего не успел сделать, чем гордился бы самолично.

Коридор стал уже и при этом длиннее. Полосы на полу вели меня обратно к казармам, где суэта базы чуть поутихла. Или же я каждый раз эмоционально глохну, когда внутри снова рушится что-то важное. В этот раз узнал, что скоро оборвётся моя жизнь. А что успел сделать? Детей нет, с Пим решили жить вдвоём. Медали и награды? Так у каждого второго

такие есть. Я не участвовал в массовых операциях, глобальных зачистках или важных событиях войны. Маленькие движения на фронте, несколько условно удачных миссий, и всё. Меня после смерти не превратят в прах, как требует того Совет по велению Троебожия, и не развеют с Солнечной стороны. По мнению правящей ветви, я не заслужил почестей, а стать удобрением для посевов Города наградой не считаю, как бы об этом ни твердили с экранов. Вот и сохранилась при мне одна память, что я вообще когда-то жил, старался быть полезным для людей. Никто обо мне не узнает, если через год я так и останусь никем, лишь рядовым, который прожил дольше положенного.

Тут коридор закончился, я с силой распахнул двери. Те слишком громко раздвинулись, скрипя ставнями. На меня обратили внимание все, кому не лень. Отряд инструкторов тут же подскочил вплотную, на их лицах застыл один и тот же вопрос, но я мотанием головы дал понять, что никакой информации не предоставляю. Им ничего не осталось сделать, как смириться с этим. Они опустили глаза к полу, в них я всё-таки успел разглядеть разочарование. Если не во мне лично, то в сложившейся ситуации. И без того надежд мало, вера слабеет, так ещё и наставник для целой базы что-то скрывает, нечто крайне важное. Как раз тут моя жалость к себе сместилась на молодых ребят, и как бы ни звучало это неприятно, но я оберну всё на пользу.

Я попросил инструкторов собрать весь боевой состав, который в данный момент находится на базе, у спортивной площадки. Да, Отсчёт ещё не закончился, а я вновь что-то придумал в пределах одной и той же маленькой территории. Постепенно из разных казарм подтягивались новобранцы. Кто чем был занят, — проверка вооружения, помывка транспорта, учебное построение, — все побросали свои дела и принялись толпиться у трибуны, на которую я взобрался с дико стучащим сердцем. Слова есть, но вот порядок нарушен. У меня от силы минута, чтоб собрать всё воедино и не насрать откровенно в штаны. Хочу воодушевить ребят и попутно записать себя в историю в том или ином виде. Иначе не вижу смысла проводить грядущий год, таская в груди смертельную болезнь.

Толпа быстро скопилась, сам не ожидал такого скорого исполнения приказа. Привыкну, надеюсь, что на базе моё решение не самое последнее в списке важности, и не буду вести себя как стеснительный ребёнок каждый раз, когда нужно взять слово. Я связал со своим НОТ-СОУ-СМАРТ микрофоны с трибун и дождался, пока прибывшие на собрание сами по себе утихнут. Прокашлялся, булькающие звуки прокатились по базе. Теперь меня точно услышат все на «Вар».

— Я приветствую вас, воины Пурпурной армии. Для меня честь сегодня выступать перед вами, и вот что я хочу сказать... — холод со стороны лёгких ударил по сердцу, хотя моя заминка от этого не увеличилась, — в очередной раз общество потребовало от нас разрешения сложившейся ситуации. Угроза со стороны Анухе, к моему великому сожалению, вновь стала вполне ощутимой. Мы долгое время жили в мире с насекомыми, однако всё это подошло к концу...

Я переволновался, ком в горле заставил поперхнуться, пусть и по итогу мне стало чуть легче. Все слушали не отвлекаясь. Это подарило дополнительные силы продолжить речь.

— Мы пытались жить с гусеницами в согласии, вот только это будет ложью с моей стороны, если я буду убеждать вас в их миролюбии. Когда-то война была поистине жестокой, и с благословения Троебожия я попробую решить проблему Анухе раз и навсегда, как когда-то уже пытался это сделать...

Толпа слегка колыхнулась, стала плотнее. Новобранцы прижались к трибунам, слушая

меня во все уши. Они знали, что я когда-то убивал гусениц и при этом остался жив. Кто, как не я, ещё может дать им пример? Доказать, что на войне вполне возможна победа, и при этом необязательно погибать жуткой смертью. Я увидел в их глазах истинную веру в каждую произнесённую букву, пролитую с трибуны.

— Хочу быть перед вами откровенным. Я верил, что больше никогда не придётся вновь брать в руки автомат и отправляться на фронт. Двадцать лет назад Совет и Троебожие позволили мне вернуться домой, убеждая, что я сделал всё для победы и теперь заслуженно иду на покой... — я понимал, что мысль может свернуть не туда, и это будет стоить мне жизни, поэтому пришлось сместить акцент прямо на ходу. — Но вот настал час, когда выпадает ещё один шанс проявить свою доблесть и преданность Совету. Я обещаю каждому, кто сейчас находится на этой базе и слышит меня — мы с вами обучимся так, что от гусениц не останется и следа на всей поверхности Плутона!

Одобрительные возгласы из разных концов толпы постепенно сливались в общий одобрительный гогот. Я безумно радовался, что столь наивная речь постепенно обретала форму, и на кураже моё воодушевление помогало формулировать предложения.

— Новый призыв — это новая возможность всего человечества выбраться из долгой череды неудач, связанных с затянувшимися военными операциями. В этот раз, самый последний, мы сплотимся и единым ударом уничтожим каждую гусеницу, что планировала или уже появилась на свет!

Они аплодировали мне, а я про себя смеялся. Повезло, что они приняли эту истерику за воодушевление. На самом деле страх во мне был столь огромных размеров, что неровен час и я бы обоссался. Сначала от ужаса, потом уже от смеха.

— При сложившихся обстоятельствах я с гордостью принимаю ответственность, возложенную на меня Советом и самим Троебожием, во славу которого поведу вас к величию человеческого рода на всём Плуtone. Я считаю, что только при полной самоотдаче каждого Гражданина мы искореним насекомых с *нашей* планеты, чтоб создать самое прочное общество во всей Солнечной системе.

Они посрывали с себя кители, кинули их в воздух. Молодые тела юношей блестели от пота. Они так погрузились в патриотический транс, что взмокли до блеска. Даже инструкторы визжали и свистели, а Жол выполз из своей рубки, одиноко наблюдая с высоты за всем представлением.

— Я искренне верю, что служу великой цели — установление мира на Плуtone, поэтому принимаю бремя вашего наставника. Повторюсь и напомним, что для меня честь находиться с вами в рядах Пурпурной армии. Вместе мы раз и навсегда освободим наш дом от Анухе, и Плутон будет принадлежать лишь обществу Людей. Слава Совету, слава Троебожию!

Хотелось придумать что-то ещё, но я и так ударился в самоповторы. Благо, всему составу «Вар» этого хватило с лихвой. Что-то на них подействовало отдельно. На мне не было медалей, а в общей сводке числятся лишь скромные грамоты да электронные награды. Я не был военным калекой или лицом с экранов на уроках Веры в Совет. Я — обычный рядовой Пурпурной армии, которому по стечению самых разных обстоятельств пришлось вернуться к ремеслу войны. Эта честь вызывала в молодом поколении ураган тестостерона. Перед ними живой пример величия обычного человеческого организма над природой космоса — обтянутый в кожу скелет перелетал от планеты к планете и всё ещё не растерял свою долгую историю. Солнце тому свидетель — мы выживем любой ценой, а надежда на

светлое будущее действует как самый сильный и долгий в мире наркотик. Экс с ним и рядом не стоял. Тем более если кто-то более авторитетный убеждает тебя, что и раньше ты был прав...

Возгласы практически оглушали. Я выключил микрофон и похлопал сам себе. Остальные подхватили, подумав, что обращаюсь к ним. Меня это устроит, ведь неровен час, и шаткая любовь новобранцев рухнет, оставив меня за пределами заслуг Пурпурной армии. Если величие не в силе, то точно в умении приспособливаться к самым трудным и мерзким условиям существования. Этим я и занят. Благо, сам себя не буду корить за лицемерие, ведь попросту спасаю собственную жизнь и благополучие Пим. Представить трудно, что с ней будет, если меня признают Еретиком. С таким клеймом даже на улицах Города будет стыдно показаться по дороге к изгнанию, не говоря уже об успешном участии в жизни общества. Всё ради Пим, всё ради моей любви.

Они не думали прекращать овации. Всё хлопали и хлопали. Я ощутил себя полным идиотом, якобы поверил их одобрению и чистой любви, как к старшему по званию и более опытному воину. Первый шаг я сделал тогда, когда толпа совсем вплотную прижалась к трибунам. Пришлось отступить, пот на лбу врезался в глаза, стёкший с бровей. Я смахнул их так небрежно, что чуть не оцарапался. С одним прикрытым веком попятился назад, пытаюсь скрыться от потерявшей контроль толпы. Понимаю их, каждого без исключения, они только выпустились, и в юношеских телах кипит кровь, жаждущая победы прямо сегодня и ни минутой позже.

Повезло, за трибунами ширма скрывала несколько возможностей отхода. Ими я и воспользовался, чтоб сбежать от слишком резкой популярности. Правый ход вёл в столовую. Там во всю шла подготовка к обеду. Путь прямо передо мной по итогу огибал всю базу и приводил в рубку. Это меня тоже не устраивало. Я выбрал левую линию — она затащила меня в туалеты, совершенно опустевшие за время моей речи. Я ввалился в первую попавшуюся кабинку, еле успел закрыть дверь, как из меня хлынул жгучий и всё ещё безвкусный поток БЖУ. Смесь, чуть растерявшая свой розоватый цвет, смешалась с туалетной водой. Слив скрутил эту дрянь в трубу, доказательства подобной мерзости пропали хотя бы с моих глаз, а остальное пусть так и прячется внутри. Пускай булькает в желудке или чешется в лёгких. Как-нибудь уж протяну этот... год.

Я грузно свалился на унитаз, предварительно опустив крышку. Неудобная седушка впиалась в кожу даже сквозь плотную ткань штанов. Я так обессилел, что решил потерпеть боль. Да, тянет и ноет, однако ничего не хочется менять, в том числе и место своего пребывания. Я поднял НОТ-СОУ-СМАРТ к слезящимся глазам. Там список диалогов, с Пиз — верхний из них. Она на работе, и страшно её отвлекать, поэтому кратко описал начало Отсчёта.

«Воодушевил новобранцев. Прилюдно принял на себя ответственность главного инструктора. Странные ощущения»

Звучу словно робот, пытающийся говорить как человек, а сейчас это максимум, который могу выдать после речи с трибуны. Я пустил руку так резко, что плечо, хрустнув, растянулось. Ощущение собственной старости стукнуло по лбу. Клянусь, я бы уснул прямо тут, если б не резкий хлопок двери снаружи.

— Пиздец он выдал!

— Ага, я буквально взмок!

Двое парней ввалились в туалет, точно не зная, что я могу их слушать. Перегородка в

мою кабинку пошатнулась, когда ко мне попытался прорваться один из них. С ругательствами и упоминанием Троебожия он стукнул кулаком по моей дверце и посоветовал быстрее вываливаться, иначе он «насыт мне прямо на голову!». Не знаю, почему, но я побоялся что-то отвечать. Вместо того, чтоб поскорее выйти и сбежать в свою личную комнату, я поджал ноги к стонущему животу и задержал дыхание, словно меня могут услышать. Будто они могут различить течение моих мыслей, а там лишь ужас и отвращение к самому себе. Ложь выедаёт душу, о которой так старается заботиться Троебожие. Сегодня я как никогда выпал за пределы его любви.

Юноши справились со своими нуждами и, до сих пор жутко ругаясь, оставили меня одного. Я не сразу опустил ноги к полу, подошва словно жжёт ступни. Вспотел сильнее прежнего, будто в этот конкретный момент держу слово перед полным собранием Совета, до этого нагородивший полной чуши в уши целого состава военной базы. Глаза не могли концентрироваться на одной точке, я как в воздушном транспорте пытаюсь разглядеть с высоты малюсенькую Анухе, отбившуюся от своего стада. Не прицелишься, не выстрелишь, только людей сместишь своими попытками выглядеть серьёзно.

Пришёл ответ от Пим, я с огромной радостью и преждевременным расслаблением поднял к глазам экран НОТ-СОУ-СМАРТ. Супруга ограничилась коротким выражением своей гордости, поставила точку в конце. Никакой анимации герба Пурпурной армии, нет даже флага Города. Одинокая точка, и это вогнало меня в обиду. Жутко оскорбляет череда дней, в каждый из которых ты чувствуешь себя всё глупее, и процесс необратим. Самый главный на базе, самый первый на «Вар» идиот, решивший, что важность его персоны не преувеличена, и Совет правда верит в конкретно *его* доблесть. Да они же всего-навсего...

Ещё одна партия юношей забрела в туалеты. Они не были такими злобными, как предыдущие, поэтому в груди не образовался ком страха перед новым поколением. Я дождался, пока их разговоры рассеются по кабинкам, после чего сам поспешил выйти из своей, по пути поймав в зеркале бледное отражение. Обрюзгшее рыло мелькнуло всего на секунду, но и её хватило, чтоб я не мешкал по пути. Благо, у выхода никого не оказалось, да и сама база вернулась к своим делам. Стекло рубки не прятало за собой силуэтов. Я проложил по НОТ-СОУ-СМАРТ маршрут до комнаты и чуть ли не бегом отправился к себе.

Я радовался, понимая, что меня не замечают. Не прячу лицо, не накрываю его кителем или вспотевшими ладонями, однако словно невидимый пробегаю к своему укромному месту. Скольжу сквозь толпы, не касаясь никого. Любой резкий звук заставляет вздрагивать, а комната уже близко. Щёки горят. Ощущение, будто кто-то смотрит на меня прямо в упор, и вот впереди свободный проход. Чуть ли не прыжком я запрыгнул в коморку и закрыл за собой, поставил статус «Перерыв». Так хотя бы НОТ-СОУ-СМАРТ не будет постоянно гудеть при каждом новом сообщении от кого бы то ни было.

Свалился на кровать, взглядом упёрся в потолок. И он белый, без единого пятнышка. Всё кружится надо мной, кровать нескончаемо вертится, набирая скорость с каждым оборотом. Это всё мысли, они дерут меня за волосы, и я готов визжать, лишь бы стало проще. Где это видано — бывший военный еле справляется с девчачьей истерикой? Так вот он я — обхватил себя руками и дышу, словно только что пробежал весь Экзамен новобранца. Ситуация просит придумать план, только кроме бега по кругу ничего придумать не могу. Чему учили меня самого? Мы разбирали и собирали автоматы. Тренировались на уже устаревших моделях УС83, а суть остаётся прежней — знать своё оружие наизусть, понимать принцип его работы.

Пометил себе в заметках.

Уроки биологии Анухе. Нам раздавали плакаты со строением гусениц, где специально указывались самые уязвимые места насекомых, чтоб те либо умирали быстро, либо без мук. Первое нравилось Совету, второе пропагандировало Троебожие.

Сделал запись в НОТ-СОУ-СМАРТ о лекциях строения Анухе.

Физическая подготовка. Самое очевидное, на первый взгляд, дело. Помню, у меня самого был опытный генерал во время обучения, а этим ребятам достался случайно выживший рядовой. В принципе, никто не осудит, если перетяну пару способов улучшить физическое состояние нового призыва. Не украду, лишь позаимствую. Помню, там были специальные грузы и стандартные марш броски. Уже неплохо, стоит как минимум попробовать.

Третий пункт вырос в списке, вместе с приятным расслаблением он завершил черновой вариант. Выглядит немного жалко, однако не так плохо, как было с утра. До сих пор боюсь, что удачная речь с трибун лишь аванс, который потом придётся вернуть в удвоенном размере. Так забавно видеть свои руки, они дрожат от страха перед будущим. Даже во время войны я меньше боялся за свою жизнь, когда фактически рисковал ею каждый Отсчёт, беря в руки автомат. Сейчас меня защищает целая рота во главе с главнокомандующим и его отрядом инструкторов. В гараже куча техники, готовой по первой команде рвануть на поверхность Плутона и раздавить десяток другой гусениц, вот только тремор не стихает. Проще ли будет всё это списать на старость? По меркам Города я вполне немало прожил. Средний возраст мужчин, погибших, либо так или иначе умерших, составляет сорок пять лет. На пятók я уже превысил число, вот только до рекорда всё ещё далеко. От чего же так гнусно тогда на... душе?

Сообщение от Пим. НОТ-СОУ-СМАРТ не завибрировал — её иконка мелькнула в сводом дел. Я развернул переписку.

«Прости, что так сухо ответила. Была занята. С новым призывом увечилось количество работы. Если б ты знал, Нис, сколько мы оформляем новобранцев каждый Отсчёт, ты б сильно удивился. Треть Города *уже* распределена по базам, ещё часть ждёт приказа от Совета и содержится в пунктах призыва. Улицы обезлюдели, часть производства остановлена, склады расформированы — всё ушло на войну. Ты как там?»

Я утонул в потоке её сообщения. Представил осиротевшие проулки, бары, пустые места у станков. Тишина, Город глубоко заснул в ожидании новой смены, но она не наступит — её некому начинать. Странно, внутри от этого только сильнее распалилось желание начать подготовку. Всего два дня прошло на базе, а меня жутко мотыляет между состояниями. *Так* работает пенсия у военных?

Непонятное движение началось в ногах. Сначала стопы опустились к полу, руки налились кровью и подняли моё тело с койки. Гудение холодильника мерным потоком вышибало лишние мысли, груз с плеч свалился. Они точно что-то подмешивают в смеси БЖУ, и это нечто куда сильнее того, что когда-то давали нам в виде пилюль.

Я двинулся к рубке, хочу отчитаться перед Жолом. Выход из уютной коморки не вызвал проблем, наоборот только радость наполнила тело. Снова в потоке военной муштры, и новобранцы готовятся к своим первым вылазкам, как и я когда-то полагая, что умереть на этой войне ещё нужно постараться, а чтобы выжить нужно всего лишь не быть идиотом. Я смотрю на эти толпы и машинально отрезаю от них как минимум треть. Молодые лица полнятся надеждой и самоуверенностью, вот только я отлично помню, как эти же лица,

густо залитые кровью, накрывала бледная смерть, тесно связанная с культом Троебожия. Нет там никаких богов, только мертвецы, в которых перестало биться сердце ввиду жутких увечий.

Я заскочил к Жолу. Тот словно со вчерашнего дня не покидал своего кабинета. Тут пахнет потом, воздух застоявшийся. Таким сложно дышать, и я вновь начинаю кашлять. Повезло, что в этот раз без крови — не придётся украдкой вытирать руки об штаны. Молодой главнокомандующий прилип глазами к стенду. Сейчас же его заменил электронный вариант, что сделало управление войсками куда удобнее. Жол точно меня заметил, окинул беглым взглядом и тут же вернулся к своим делам. Я тихонько подобрался, чтоб не спугнуть течение его размышлений. Мельком посмотрел на карту.

Соседние базы уже начали военные операции, впрочем, там и состав был *основной*, тогда как здесь прикреплены лишь выпускники Академии. Постепенное снижение количества Анухе отслеживалось в реальном времени. Даже табло повесили на каждой базе и один расположили в Городе — примерный отсчёт — год до полного уничтожения насекомых. Совпадение одновременно обрадовало и чуть не ударило по животу. Если застану прогнозируемую победу — всего пара дней у меня будет на то, чтоб насладиться ею и хоть как-то оценить свой вклад. Конечно при условии, что до этого не погибну в боях.

— Доброго дня, Нис. Как успехи? — Жол не отвлекался от огромного экрана на всю стену рубки. Говорит со мной так же, как говорил бы с собой. Полушёпотом, словно мы обсуждаем нечто крайне секретное.

— Составил план обучения. Начну тренировки с завтрашнего Отсчёта. Провёл лекцию Веры в Совет, вроде сработало.

— Соглашусь.

Жол не оставил меня без объяснений. Он закрыл карту и сводку по продвижению войск со всех сторон планеты, вместо этого перед нами появился список каждого, кто сейчас находится на «Вар». Длинный перечень имён и личных номеров. Рядом с каждым несколько показателей — состояние здоровья, боезапас и ментальная устойчивость. Устаревшие сводки упростили, дали доступ к этой информации только управляющим органам. Я замечал зелёные цифры, даже жёлтой ни одной не мелькнуло, а это значит, что состав сплочён, движем единой идеей. Помню, нам о таких сборниках сведений рассказывали ещё во время обучения. Это было дополнительными занятиями, которые я посетил несколько раз из праздного любопытства. Конечно и предположить не мог, что спустя многие годы эти случайно полученные знания найдут применение всего на минуту.

— До твоей речи показатели были куда ниже. Даже несколько красных присутствовали. Как тебе удалось?

— Что именно?

— Справиться не хуже Совета?

Сравнение с Советом тешит эго и оскорбляет одновременно. Я размял плечи, шея резко затекла. Выдерживать взгляд Жола так же непросто, ведь конкретно после этого вопроса он обернулся ко мне, чтоб своими глазами проследить, как я решусь ответить.

— Я ему предан, поэтому действую схожим образом.

— Меня ответ устроит.

Совсем недавно этот юноша казался простым, чуть ли не поверхностным. Слишком добродушный для командования, слишком стесняется говорить то, что думает, и то, что надо. Теперь же передо мной чуть ли не озлобленный военный, готовый своими руками

рвать гусениц и искать Еретиков в личном составе. В такое время я понимаю его мотивы, но от этого легче не становится. Поставить себя под удар значит на старости лет превратиться в человеческий мусор. Это хуже смерти на неприветливой поверхности Плутона.

У меня заслезились глаза, слишком долго я не моргал, чтоб выдержать взгляд Жола. Он отвернулся раньше, чем капля стекла по щеке и щекотной линией расползлась до шеи. Меня передёрнуло, но я сдержал вскрик отвращения. Душно тут, и воняет. Хочется сбежать как можно скорее.

— Срок обучения сократили. Два месяца ровно по тридцать Отсчётов каждый. — Жол снова погрузился в диалоги с собой, а я лишь его случайный слушатель. — Советую вам не тянуть с распорядком дня и начинать подготовку новобранцев.

Я кивнул, машинально встав по стойке смирно. Все силы на это потратил, которые только остались после столь изнурительного дня. Слишком много событий за раз, и в голове не укладывается. Она же от этого и закружилась, дав мне возможность чуть более расслабленно себя вести. Сроки сократили, но это условно к лучшему. Сама очевидная, только далеко не самая простая мысль всё это время витала рядом — меня не просят создать самый сильный отряд на планете. От меня нужно обучить человеческое мясо, которое первым ринется в масштабную схватку. Долгое обучение тут ни к чему, мы не Разведчики, не Сканировщики. Цель любого рядового — это проложить дорогу для более ценных видов войск, чтоб тем было меньше мороки захватывать новые земли.

— Вы свободны, Нис. Завтра вечером жду от вас подробный доклад о проведённых днём тренировках и учениях.

Я чуть ли не прыжком оказался у двери из рубки. Трясущимися пальцами провернул ручку и выбрался наружу. Даже такой тягучий Отсчёт всё-таки подошёл к концу, «Вар» готовился спать. Окна переведены в режим сна, затемнены чуть ли не до уровня ночного периода на Плуtone. Новобранцы небольшими группами покидали умывальники, обсуждая первый серьёзный Отсчёт на настоящей военной базе. Они верят в жизнь, хотя отлично понимают, что брошены на смерть. Не там родились, и это не их вина. Троебожию удалось убедить каждого в необходимой мере, что даже маленькая победа — это значимый вклад. Убийство одной Анухе — частичка общего триумфа. Это не совсем так, но никого из юношей переубедить не стану. Пусть спят спокойно, не думая о том, что через два месяца не то, что треть, а большая часть погибнет в первые часы открытых стычек.

Помню свою такую. Всё ещё воодушевлённый уроками Веры в Совет я рвался в первых рядах к полчищам гусениц. Тогда самки прятались глубоко, а агрессивные и сильные самцы без оглядки вступали в бой. Нашему оружию они не могли ничего противопоставить, а молодость сгубила гордыня. Анухе куда умнее Ингулов и Сарсуров. Они не бегут сломя башку под выстрелы и не напарываются сами на твои клинки. Они могут прикинуться мёртвыми, они могут скрыться в слоях грунта Плутона, слишком похожего по цветовой гамме на кожу гусениц. Много ребят тогда полегло из-за одной только спешки и желания побыстрее закончить с нелепой войной. Первичные темпы быстро снизились, и сами боевые события замедлились, превратились в отвратительно растянутую череду маленьких, чуть ли не секретных, операций.

Потом затишье, смена настроения в обществе. Большинство жило с уверенностью, что это конец, однако новый призыв ощущался как удар прикладом автомата по лбу. Вот я вспоминаю сам себя двадцатилетней давности по пути к личной комнате. Мерзкий запах БЖУ рассеялся, основное освещение погасло, лишь линии на полу ещё могли проводить к

туалетам. Остальные указатели не работали, ведь загорятся только в случае всеобщей тревоги. Я свалился на кровать совершенно без сил. Не снял сапоги, китель бросил на спинку стула. В душ схожу утром, для этого поставил пораньше будильник. Надо быть свежее остальных, надо быть быстрее и сильнее людей вокруг, иначе зачем всё это?

Я проснулся раньше будильника, цепочка тревожных бредовых снов не позволила поспать чуть дольше. База храпела. Сопение новобранцев сливалось в плотную стену звука, проводившую меня до душевой. Холодная вода бодрила, на это и был расчёт. Я один плескался посреди огромного помещения, предназначенного для целого батальона. НОТ-СОУ-СМАРТ пока подозрительно молчал. Отчего-то у меня была уверенность, что Жо вообще не ложился, и уже к Гимну Пурпурной армии у меня будет перечень обязательных дел на следующие несколько часов. Пока тишина, лишь скромные удары воды о кафель под ногами.

Столовая потихоньку начинала греметь посудой. Бригада поваров всегда встаёт раньше состава, но сегодня я их опередил. Занял себе столик ещё до того, как выкладка пополнилась смесью БЖУ и новым типом белковых батончиков. Даже жидкие энергетики привезли из Города, соседнего с нашим. Говорят, вкусные, только вызывают привыкание. Лучше б виски тогда организовали. Было б больше пользы, а то после смеси БЖУ, если она конечно не вырвется наружу сразу после употребления, хочется на стены лезть.

Постепенно линии наполнялись новобранцами. Заспанные, вчера их загоняли, а после и сами они выбрали тренироваться до упада. Знакомая ошибка, ну, ничего, научатся. Я первым взял свою порцию завтрака, юноша на раздаче с еле открытыми глазами смог выразить удивление моему столь раннему присутствию и непонятной бодрости, однако комментировать это не стал. Я вернулся на прежнее место и проглотил розоватую жижу. Батончик последовал за ней. Энергетик и правда вкусный оказался, только бьёт по рецепторам уж больно сильно, аж скулы свело. Я будто с сумасшедшей улыбкой просидел ещё минуту, глядя на собирающихся в столовой военных, пока жидкость не провалилась окончательно в желудок. По НОТ-СОУ-СМАРТ создал новый чат с инструкторами. Попросил созвать новобранцев к спортивной площадке сразу после завтрака. Сегодня это более обдуманное решение, поэтому уже не так трясёт от волнения. Ноги вибрируют, это не страшно.

Как первым начал, так первым и выскочил из-за столика, вернул поднос и устремился за трибуны. Мысли сформированы, настрой вполне крепкий. На всякий случай я перед глазами держал экран, постоянно сверяясь с советами инструкторов и их краткими отчётами. Попросил организовать доступ к самым последним исследованиям строения Анухе, пока постоянный лектор ещё не прибыл на базу. Говорят, он один из главных профессоров Академии и имеет награды, что не может не радовать.

Так же мы выгрузили план тренировок по методике Таб, использованной ещё до моего заступления на службу. От неё когда-то отказались, но несколько лет назад вернули, как доказавшую большую эффективность по сравнению с новыми модификациями. Я был только рад возвращению к корням, даже если сам к ним прикоснусь только сейчас, до этого лишь читавший о них в учебниках. Одновременно с этим один из инструкторов по личному знакомству пригласил из города опытного стрелка. Он займётся дополнительными занятиями по освоению оружия. С согласия Совета, конечно. Буду рад пожать ему руку.

Новобранцы кучками собирались у спортивной площадки. Всего пара Отсчётов, и вот они поделались на отряды, которые в дальнейшем не претерпят особых изменений. Таково решение Совета — нельзя допустить духовного разъединения бойцов, это идёт вразрез с

учениями Троебожия. Я же соглашусь с этим по иным причинам, но называть их даже в мыслях боюсь. Вместо этого сосредоточусь на молодых мужчинах, готовых ворваться с головой в обучение. Они ещё не знают, что следующие два месяца окажутся крайне тяжёлыми, *моя* же задача помочь каждому преодолеть любое испытание с честью. Худшее, что может случиться с Гражданином — возвращение в Город не с поля боя, живым или мёртвым, а позорное выбывание из воинского состава базы. Такие отщепенцы обладают не большим весом в участии жизни общества, чем Еретики. Да и позор мне, если хоть кто-то из-под моего крыла вылетит подобным образом со службы. Недопустимо, ни в коем случае.

Инструкторы отписались, что большая часть уже присутствует. Оставшиеся по приказу главнокомандующего заняты проверкой оборудования, транспорта и состояния вооружения. Приемлемо, не вижу больше смысла тянуть. Я смахнул пот со лба в присутствии примерно двух сотен выпускников Академии, и это только те, кто поместился на небольшом участке. Другие выглядывают из-за углов или смотрят на экранах, развешанных по всей базе, как я проталкиваю слюну по горлу, прежде чем открыть ссохшийся рот.

— Доброго утра.

— Здравия желаем!

Хор юношеских голосов громом прокатился по всей базе. Я не ожидал, что они так скоро поприветствуют меня, даже перебив. План был в непрекращающейся речи, и вот случилось отступление, пусть и приятное.

— Меня зовут Нис, я являюсь старшим инструктором на базе «Вар», — решил начать с самого начала, словно вчерашний Отсчёт обернулся тревожным сном этой ночью. — Мне поручено подготовить вас к войне с гусеницами, и сегодня вы точно узнаете, *что* с вами будет следующие два месяца.

Выбор слов оказался сомнительным, нота удивления пролетела по глазам новобранцев, тем не менее они не утратили внимание. Только сильнее прислушались и пригляделись к моей фигуре, крепко сжимающей в пальцах края трибун.

— Физическая подготовка пройдёт под моим личным контролем. Я буду следить за каждой тренировкой, чтоб давать наставления. Вы должны быть готовы к реальным маршброскам в условиях плотного наступления гусениц, если таковое конечно случится.

В этот раз пауза была специальная. Я давал новобранцам время либо начать записывать, либо откладывать понемногу в голове.

— Уроки биологии проведёт академик. Он прибудет с Отсчёта на Отсчёт. Крайне советую лекции не пропускать. Сам проверять выученный материал не стану, но вот самец Анухе вполне может поинтересоваться, как хорошо вы знаете слабые места его тельца и лапок.

Кроткие смешки успокоили, рискованная шутка чуть сбавила градус моей претенциозности, и лоб уже не такой влажный.

— Стрелковые учения начнутся сегодня. Первые уроки я дам сам, потом ко мне присоединится такой же бывший военный, с почётом когда-то окончивший службу. Уверен, с его помощью вы составите конкуренцию рою насекомых любого размера.

Чуть ли не каждый новобранец одобрительно кивнул, словно они отрепетировали подобное с утра и вот представилась возможность продемонстрировать, на что было потрачено время.

— Если есть вопросы — задавайте сейчас. В скором времени ваше расписание будет забито крайне плотно. Советую выразить мысли именно в этот момент.

Но они постеснялись поначалу. Я заметил, как инструкторы перекинулись с друг другом взглядами и пожалы плечами. Ни у кого не нашлось, что добавить или что уточнить. Забавно, их устроила речь простого рядового.

— Если на этом всё, то можно...

Только я успел закрыть примерный сценарий речи на НОТ-СОУ-СМАРТ, как кто-то среди собравшихся подал голос.

— Как вам удалось выжить? — громкий. Хозяина вопроса не вижу, только примерно могу понять, откуда он произнесён. Смотрю в ту сторону, надеюсь, что не сильно промазываю.

— Вера в Совет и его приказы. — Заученный ответ, но в этот раз, как и многие другие, он подходит больше всего. — Троебожие уберегло. У него на меня планы, видимо, были. Иначе я бы тут перед вами не стоял.

Упоминание Троебожия практически со стопроцентной вероятностью убедит кого угодно в чём угодно. Старый трюк. Паттерн сработает, если ты поверишь в это сам хотя бы на секунду.

— Вы участвовали в масштабных операциях?

Голосок из другой стороны. Менее плотный, достаточно искренний, чтоб я не смог его проигнорировать.

— Нет. Чаще всего я производил зачистки пещер и встречал основные скопища насекомых на заранее определённом плато. Опять же мною руководил Совет, благодаря ему удалось загнать гусениц глубоко под землю, а кого-то адаптировать под нужды в Городе...

Я вспомнил про свою любимую гусеницу, однако мимолётной тоске не позволил отразиться на лице. Вместо этого я искренне улыбнулся, ощущая заинтересованность в моей личности.

— Какой серии вы имели автомат?

Я готов был ответить на этот и ещё на сотню другую вопросов. Любого содержания, любого направления. Тут уже инструкторы протиснулись ко мне, размахивая руками. Однозначный жест, они просят закончить речь и приступить к делу. Согласен, тем более по ту сторону матового окна рубки снова возник знакомый силуэт. Руки заложены за спину, спина выпрямлена. Слышит ли он меня? Видит ли? Жол превратился в моего личного Просветителя.

Спорить бессмысленно, чем быстрее приступлю к своему же плану, тем лучше. Я с полным успокоением вышел из-за трибун и заступил на спортивную площадку, толпа для меня разошлась, образовав небольшой круг.

— Тренировки будут проходить по системе Таб. Объясняю для тех, кто вдруг не знал — это интервальные упражнения на увеличение запаса сил. Каждый рядовой обязан быть куда выносливее любого Бомбардира, Разведчика, даже самого рьяного Сканировщика, забежавшего вперёд вас в пещеру за кладкой Анухе. Рядовые — первая линия наступления Пурпурной армии, и нельзя допустить, чтоб она двигалась медленнее, чем того требует Совет. Вы задаёте темп войне! Пожалуйста, помните об этом. Чем быстрее она закончится, тем скорее начнётся эра абсолютного процветания человечества на Плутоне. А теперь освободите площадку, встаньте по краям, каждый дышит в затылок рядовому перед собой.

Я намеренно прекратил называть их новобранцами. Вдруг, это поможет найти общий язык?

Инструкторы расставили инвентарь. Гантели, кубы для прыжков. Выдвинули из-за

ширм турники, скамьи со штангами. Всё это закрепили на площадке. До следующего призыва они так и останутся тут для общего пользования после обязательных утренних и вечерних тренировок.

— Начинаем разминку. Первая группа, — я указал пальцем на сгрудившихся поближе ко мне новобранцев, — тридцать человек. Начинаете бегать по периметру площадки. Через десять минут отправляетесь на отжимания. Затем пять минут приседаний, после них прыжки на кубы. Перерыв — минута. Инструкторы будут следить за каждой новой группой, заступившей за площадку. После выполнения комплекса упражнений перерыв до полного прохождения без исключения каждого бойца, и всё заново. Так три круга и упражнения на выбор. Как минимум четыре. Всё понятно?

— Так точно!

Я кивнул, больше глядя куда-то в потолок, нежели в глаза будущим рядовым. Их так много, что площадка одновременно уместит на себе не больше половины. Придётся гонять их чуть дольше, зато все получают минимальную физическую нагрузку. За пару месяцев вполне можно вывести ребят на новый уровень, тем более что после выпуска из Академии они *уже* в неплохой форме. Не придётся с нуля тренировать тощих школьников.

Инструкторы распределились по спортивной площадке. Первая группа, выбранная мною в случайном порядке, принялась наматывать круги. Табло над всеми нами отображало таймер, сигнал поступит незамедлительно, чтоб не приходилось постоянно сверяться с часами. Только отвлекать будет, а так не надо думать и считать про себя. Сосредоточился на мускулах, да пускай выполняют свою часть. Проще простого. Со мной же когда-то сработало, пусть и по слегка иной программе.

Я поднялся на лестницу к рубке. Встал по высоте между новобранцами и главнокомандующим, тут словно спрос с меня меньше. По крайней мере ощущается это именно так. Таймер быстро отсчитал десять минут, первая партия юношей отправилась на другой участок площадки, другая же занялась разминкой. Поток запущен, как самый настоящий завод по созданию бойцов. Непрерывное производство, которое обязано удовлетворить Совет в своём итоговом виде. Надеюсь, и Троебожие останется довольным, какой бы образ оно ни принимало в современном мире.

Инструкторы по мере прохождения тренировки скидывали мне на HOT-COУ-SMAP' сводки по состоянию новобранцев и обновление статуса задания. Даже проценты вывели, чтоб точно узнать, когда тренировка подойдёт к концу. Я попросил информировать меня только об отступлениях от плана или если кому-то станет откровенно плохо. Знаю, что несколько человек точно соблюют, но это не страшно. Пускай лучше сейчас научатся держать желудки в крепком состоянии, нежели начнут опорожнять кишки при реальной встрече с плотоядной гусеницей. Всё ради победы, даже если для её достижения предварительно придётся вытирать пол от людских жидкостей совершенно разного характера.

Я всё-таки поднялся в рубку главнокомандующего. Невозможно точно знать, будет он на месте или нет, но наитие подсказывает, что до первых стычек он оттуда не выползет. Жол и правда оказался у экрана, с нашей прошлой встречи словно не сдвинувшийся ни на сантиметр в сторону. Вместо сводки имён и статусов мелькала огромная карта. Третью от неё занята Пурпурной пометкой СВ — союзные войска — вокруг пятна. Оно белое — АА Армия Анухе. Вместо того, чтоб задавать глупые вопросы, я дождался, пока Жол сам заговорит.

— Всего один клочок Плутона остался. После этого война закончится. Мы загнали их

под землю и не выпускаем за пределы указанной территории. — Жол обвёл белую часть рукой, словно я не догадался сам, о чём он говорит. — Но Совету не удаётся их додаться. Сканировщики сообщают, что численность гусениц отследить пока невозможно, слишком уж они глубоко. Тем более там должна находиться последняя кладка.

Я слушал максимально внимательно. А слово «кладка» действует по-особенному лично на меня.

— Рядовых с базы «Тре» уже отправили зачищать подземные холлы с запада. Север закупорен и охраняется армией Бомбардиров. Нам достался восток. Через два месяца Совет ждёт, что мы присоединимся к зачистке и захлопнем ловушку в центре.

— А юг? — мой голос полупрозрачный, тонкий, слишком наполнен волнением. Когда-то именно зачисткой я и занимался, но это было давно. И столь сильное желание Совета поскорее закрыть вопрос с насекомыми на планете вызывает тревогу. Не понимаю, к чему такая спешка.

— Через семь Отсчётов вокруг кладки сомкнется кольцо СВ, юг так же будет закрыт. Совет сроки не сократил. Два месяца, и требуется по готовности отправлять войска. Вы начали тренировки, Нис?

— Да. Прямо сейчас идёт подготовка, я дал инструкторам план работы.

— Вооружение?

— Приедет стрелок из Города.

Жол задавал вопросы, на которые и без меня должен знать ответы. Или проверяет в очередной раз, хотя вечером уже получит полный отчёт. Главнокомандующий взял паузу, глубоко вздохнул и наконец-то отвлёкся от экрана, где пятно никак не менялось в размерах, словно и вовсе застыло.

— Нис, у нас нет права допустить прорыва Анухе за пределы кольца СВ, иначе этап за этапом посыпется вся операция. Вы меня услышали?

— Так точно.

Жол кивнул, в этот раз посмотрев на меня. Его лицо наполнилось верой конкретно в мои действия и решения. Юноша, ненамного старше новобранцев по возрасту, терялся в своей должности, поэтому делегировал обязанности кому смог. Рядовой, шантажируемый Советом; отряд инструкторов; отдельные подразделения на базе. Всё в чужих руках, лишь бы его голова была занята всего одним делом — планирование наступления, у которого не будет шанса повториться в случае провала. Через два месяца плод его работы увидит вся планета, которая надеется на скорый исход войны. Поражение не принимается, Троебожие тому свидетель.

— Подготовьте их как следует, ребятам придётся очень непросто. И воздержитесь от личных разговоров с кем бы то ни было.

Прежняя идея военного положения — везде есть уши. И речь не только о Просветителях.

Я поспешил покинуть рубку. В последнее время оставляю её не иначе, как бегом. Невозможно там находиться больше пяти минут по тем или иным причинам. Сильнее всего душит сама атмосфера спешки. Мы буквально торопимся умереть, чтоб порадовать Совет. Да и пути Троебожия неисповедимы... что бы это ни значило.

«Мне дали два месяца, чтоб обучить новобранцев. Я начал с тренировок, выбрал систему Таб. Я рассказывал тебе как-то, когда учился на первом курсе. Потом нас всех отправляют на фронт»

Точку не поставил. Скинул сообщение так, ощутив, как сердце заледенело. В этот раз Пим потребует себе больше времени на размышления, прежде чем отправит ответ. Она всё-таки ждала меня домой. Срок моего пребывания сократился, а вот обязанности перед обществом только увеличились. Она поймёт, вот только уж точно не сразу. Я отключил НОТ-СОУ-СМАРТ, ведь пока не готов читать её гневные сообщения, даже если злость и будет направлена лично на меня.

Инструкторы в это время запустили второй круг физической подготовки. Общение с Жолом и набор сообщения Пим заняли куда больше времени, чем я рассчитывал. Утренние тренировки скоро закончатся. Потом будет небольшой перерыв, после которого придётся самому провести первые уроки биологии. Вспомню что-то на ходу, что-то придётся подглядеть в общих сводках и методичках, одобренных Советом и с печатью Просветителей. Инструкторы к тому моменту уже подготовят аудиторию, пришлют плакаты и атласы. Просто повторю то, что слышал на лекциях и чем лично пользовался, когда воевал. Должно сработать. Вряд ли с того времени строение гусениц претерпело изменения. Верю в эволюцию, однако её темпы не такие скоростные, чтоб вывалить меня за пределы статуса ликвидного учителя.

По НОТ-СОУ-СМАРТ я построил маршрут до лектория. Мимо площадки, мимо вспотевшей толпы и взора командующего. Через узкие коридоры, так похожие на те, что привели к Лекарю. Тут тоже пахнет чем-то чуждым человеческому. Впереди яркий свет, это радует. Помещение оказалось огромным. Тут точно влезут все новобранцы без остатка. Десятки длинных рядов возвышались один над другим, прямо как ярусы Города, только никакого социального разделения тут не будет и в помине. Большой экран включен, а картинки нет. Я связал его со своим браслетом и подключил к лекциям. Первые атласы предстали перед моими глазами, те самые, по которым сам учился.

Новобранцы решили не посещать душ или брать перерыв. Понимаю их желание поскорее узнать что-то новое, лишь бы не перегорели войной раньше времени. Разочаровавшийся и уставший солдат не лучше Анухе, это тоже стоит знать.

Мокрые от пота юноши постепенно заполняли лекторий. Места занимались с огромной скоростью. Я же сидел в полном спокойствии за профессорским столом. Такой чистый и ухоженный, выглядит как новый. Пахнет деревом и специальным лаком. До одурения приятно находиться здесь, именно по эту сторону учёбы. Знания должны передаваться, этим займусь с минуты на минуту.

— Приветствую ещё раз.

— Здравия желаем!

Прежний задор в их голосах совершенно не утратил силу. Гам наполнил лекторий, окружил меня плотной стеной уважения к этому помещению и самому ремеслу войны. Не затягивая с паузами, я открыл первый плакат. Юноши даже чуть вытянулись из-за своих парт, чтоб приглядеться получше. Они видели то же самое в Академии, но сейчас ситуация чуть иная.

— Голова — самое очевидное место для выстрела, — лазерной указкой я обвёл башку насекомого, изображённого пугающе реалистично. Вот-вот соскочит и сожрёт самого медлительного, — если попадёте, убьёте Анухе с первого раза, однако есть нюанс. Какой?

Тишина обуяла лекторий. Новобранцы переглядывались между собой, отлично понимая, что вопрос точно содержит в себе подвох. Этому не учат, это познаёшь исключительно на поле боя. А догадаться тоже несложно, как мне кажется. Не дождавшись молниеносного

ответа, я перестал мучить ребят томлением.

— В голове Анухе нет мозга. Да, там скопище нервных окончаний, но сам мозг прячется чуть выше — в соединительном мосту между головой и головогрудью. — Я тем же лазером несколько раз обвёл участок, который имел ввиду. — Попадание в голову убьёт насекомое, как я и сказал, только не сразу. Подбитая гусеница будет иметь ещё минуту, за которую вполне может добраться до своего обидчика и оторвать ему конечность, которых у самой в достатке.

Возглас удивления прокатился по аудитории. Вроде бы очевидная мысль, тем не менее гусеницы словно предвидели войну с людьми и отрасли себе на пустых головах огромное пятно, которое отвлекает как самая, казалось бы, доступная мишень.

— Я вас заклинаю — цельтесь чуть выше головы, прямо между усиками. Так есть вероятность, что первый выстрел прикончит Анухе мгновенно, и не придётся в спешке сдавать позиции. Это сильно может подпортить течение операции по зачистке.

Практически каждый новобранец тут же принялся записывать это в свой НОТ-СОУ. СМАРТ. Те самые знания, за которыми они и прибыли сюда. Важнее этого ничего нет, только медаль за несение службы. А такую ещё заслужить надо.

— Идём дальше, — я сдвинул картинку, увеличив её на ножках гусениц. — Лапки. Есть передние, с разделением на ходовые и атакующие, ложные под брюшком, и задние, более мощные по сравнению с передними. Вопрос опять же к вам — какие приоритетнее отстрелить, если мозг гусеницы недосыгаем?

— Задние?

— Передние?

— Атакующие?

— Ложные?

Прозвучали все ответы, чуть ли не поделившие сидящих на несколько враждующих групп. Аргументы не последовали, всё основывалось на интуиции.

— Приоритетнее отстрелить те, что ближе к вам. Уничтожив атакующие, вы обезопасите себя и других рядовых. Лишив гусеницу задних ног, получите немалый шанс отступить и добить гусеницу, обязательно повернувшуюся к вам мозгом, если тот до этого был закрыт. Подвожу итог — стреляйте в то, что представляет бóльшую опасность в данное мгновение. Иначе время на войне не течёт, всё решается в миллисекундном моменте.

Следующая мысль шла вразрез с очень многими вещами, и я уверен, что лектор подобного юношам не расскажет. Этот совет поставит меня чуть ли не в разряд предателей Города, однако так я точно спасу чью-то молодую жизнь, как уже делал это раньше.

— И не жалейте патроны. Совет выделит ещё, да и жадные командующие заботятся не о вас, а о выполнении операции. Сколько из рядовых погибнет — не так важно. Куда важнее количество патронов, потраченных при каждой стычке с Анухе. Я прошу запомнить это и в первую очередь убеждаться, что убитая вами гусеница действительно мертва. Если Совет будет недоволен расточительством, то вот Троебожие вас точно благословит. Тут уже вам выбирать, *кто* для вас важнее.

Некоторые рты раскрылись от удивления. Понимаю, сам тоже был бы в шоке, если б услышал такое когда-то. Самые секретные, самые полезные знания. Они противоречат рассказам в Академии, а ценнее, чем жизнь, нет ничего в этом мире. Лишь бы они это поняли сейчас, в лектории, чем постигали слишком огромными потерями в бою.

— Далее, у гусениц на хвосте...

— Вы потеряли много сослуживцев?

Я запнулся на слове. Думал, что смогу тут же продолжить, но не вышло. Ком в горле встал, язык упёрся в небо. Чтоб не проявлять мнимого неуважения к вопросу и погибшим, я поднял голову, прошёлся взглядом по рядам новобранцев. Сколько же в них надежды, сколько планов на жизнь. А какая она, эта жизнь после войны? После неё не хочется дышать, даже если тебе повезло не расстаться с руками и ногами.

— Немало моих напарников погибли. Ни в одной смерти моей вины нет, всё же некоторых я вполне мог спасти. Совету перечить нельзя, и единичная жизнь менее ценна, чем общий триумф. Это понятно и нам с вами, но как же страшно наблюдать гибель твоих боевых товарищей...

Волю чувствам я не дал, а юноши уж слишком прониклись. Нет, никто слезу не пустил, лишь вздохи сожаления прозвучали тут и там. Им тоже придётся с этим столкнуться, ведь война не выбирает, она хватает наугад. Там уж как повезёт.

— Продолжим.

Очередная пауза была взята для того, чтоб точно прекратить личные расспросы. Надо было проверить, насколько новобранцы боятся стать такими, как я, словно сама смерть не так ужасна по сравнению с потерей всех напарников.

— Хвост гусеницы. Он не выражен так же ярко, как голова, и именно этого добивалась природа, создавая Анухе. Там находится маленькое жало, используемое только в крайних случаях. После удара жалом гусеница погибает, тем не менее если это оружие настигает жертву, то погибнут точно оба. Лично сам я практически не видел никогда, когда насекомые прибегали бы к своему самоубийственному оружию, однако не надо забывать о его наличии у врага. Ваша броня сдержит любой удар, вот только незащищённые участки обмундирования всё равно есть, советую принимать закрытую позу при передвижении и тем более при ведении огня. На стрелковых занятиях вам всё покажут, только не забудьте напомнить об этом инструктору, если сам он запомнит.

Кашель чуть не вырвался из груди, в нереализованном приступе пришлось опереться на стол и перевести дыхание. Наружу ничего не вырвалось, только рот словно плотно набили маленькими железными пластинами. Дёсны горят, зубы будто вибрируют, прижимаясь к друг другу с удвоенной силой. Так планета напомнила мне о ещё кое-какой вещи.

— Не забывайте надевать респираторы...

— Повторите, пожалуйста.

Моё шёпот, конечно, не нашёл своего слушателя. Я выждал, прежде чем поведал новобранцам, чего может стоить пренебрежение к защите дыхательных путей.

— Как я уже говорил, рядовые — первый эшелон стычки с насекомыми. Вам придётся постоянно вступать в непосредственный контакт с гусеницами, и есть момент, который крайне важен, только о нём стало известно Совету не так давно. Трупы Анухе после смерти выделяют огромное количество газов. Эти смеси разъедают лёгкие, сильно сокращая срок вашей жизни. Опять же при условии, что вы не погибнете с доблестью во время самой войны. Носите маски серии FI57 или как минимум респираторы. С огромной вероятностью вы избежите такой болезни, как...

— Плутонский свищ.

Я был рад, что новое поколение и без меня многое знает, тем не менее как же горько, что я в их возрасте об этом в курсе не был. Ощущается как предательство, а время не повернёшь вспять. Тут и благословение Троебожия не поможет.

— Всё верно. И я понимаю, как приятно вернуться с поля боя густо заляпанным кровью гусениц, а она, к сожалению, крайне опасна при долгом контакте с вашей кожей. Не забывайте про личную гигиену и защиту дыхательного аппарата. Удачи вам!

Я не засёк время, по ощущениям лекция заняла от силы минут двадцать. Маловато, что ещё могу им рассказать? Ребята только выпустились, и их знания свежи, они не нуждаются в обновлении сию минуту. Повтор скучных лекций ждёт их впереди, пусть и с полезными вкраплениями новой информации.

— У нас по расписанию ещё полчаса. — Оказавшись вдали от взора главнокомандующего и ушей инструкторов, я решил повторить свою прошлую затею — дать шанс новобранцам задать вопросы, которые их волнуют больше всего. — Можете спросить, что беспокоит вас сегодня.

Лес рук кинулся кверху. Юноши осознавали, что очень многим захочется поинтересоваться о чём бы то ни было, поэтому по ещё не выветренной привычке поднимали ладони для сохранения порядка в аудитории. Они молодцы, да хранит их Троебожие.

Я выбрал парня с первого ряда. Он не отличался от остальных в чём-то конкретном, хотя выражение его лица усиленно прятало желание обратиться ко мне лично. Я дал ему шанс, махнув в его сторону. Юноша встал с места, поправил свой китель и опустил руки по швам.

— Меня зовут Рэф, в первую очередь я хочу от всего состава новобранцев базы «Вар» выказать вам честь и благодарность за вашу службу.

Юноша приложил ладонь к виску, за ним повторили все остальные без исключения. Волна движения докатилась до самых дальних, самых верхних ярусов. Я последовал их примеру и сам принял максимально почётную позу, выпрямился как смог и поднял подбородок, ощущая, как он чуть дёрнулся от чувств, в очередной раз ударившихся внутри о рёбра.

— Благодарю вас, садитесь. — Благо, голос мой не дрожал. — Слушаю тебя, Рэф.

А он так и остался стоять, формулируя вопрос. Глаза его бегали повсюду, изредка останавливаясь на мне. Стесняется, в какой-то мере даже побаивается. Неужели юношу пугает мысль, что его якобы кто-то осудит? Какой бы вид не приняла любознательность Рэфа, я не позволю ему почувствовать себя глупцом.

— В Академии проходили дополнительные занятия по истории войны, там мы самостоятельно или в присутствии профессора читали старые книги и изучали современные сводки. Чаще всего мне встречались упоминания Снайперов и Сканировщиков, якобы те приносят, судя по статистике, наибольшую пользу обществу Плутона как боевые единицы. Как вы считаете, это правда?

До этого несколько голов были повернуты в сторону Рэфа, согласившиеся со значимостью его вопроса одобрительно закивали, сейчас же внимание лектория снова стало принадлежать мне одному. Большинство конечно предугадало, что свой род деятельности я могу возвышать над остальными, и тут срабатывает уважение ко всем, кто когда-то вступил в ряды Пурпурной армии и дал присягу Совету. Ни в коем случае нельзя нивелировать заслуги других, даже если они выполняют совершенно иные задачи.

— Правда, да не вся. Есть множество условностей при подсчёте подобных статистик. Такова воля Совета — рядовые остаются главной физической силой, тянущей за собой общую победу, но наша численность столь велика, что единичные заслуги приносят

меньшую процентку, нежели старания тех же Сканировщиков. На одного условного Бомбардира, например, приходится от десяти до двадцати рядовых. Даже если они достигли цели совместно, распределение заслуг происходит в зависимости от количественного состава войска. Нас много, и мы ведём за собой человечество, однако от этого сухой расчёт полезности искажается. Сводки — всего лишь цифры. Главное, что вы будете знать правду. Поверьте мне на слово, я отлично разбираюсь в том, о чём говорю.

Рэф остался достаточно удовлетворён моим ответом, чтоб сесть обратно. Новобранцы принялись переглядываться с друг другом, ища одобрения и сплочения. Им придётся туго, так зачем забивать голову откровенно неликвидными мыслями, которые с объективной правдой имеют очень скользкую связь? Я считаю, что обязан приободрять новый призыв всеми доступными мне силами. От этого зависит судьба общества в целом и моя личная.

— Вы боитесь снова возвращаться на фронт?

В этот раз я не разрешал задавать вопрос, не давал отмашки. Так же как и юноша не поднимал руку, чтоб получить разрешение открыть рот. Он встал, выпрямился, скопировал поведение Рэфа и прозвучал по итогу более уверенно, словно всё предыдущее ему должно было достаться по факту.

Я не сразу ответил, сначала приблизился к первым рядам столов, опёрся на один из них, словно это поможет разглядеть самого смелого наглеца в аудитории. А он и не сдвинулся с места, стоит и спокойно ждёт, пока я отвечу или же прикажу ему замолкнуть. Смелый, или же достаточно глупый, чтоб не страшиться увольнения.

— Да, я боюсь. Я обычный человек, созданный Троебожием из мяса и костей. Всё это гусеницы могут перемолоть в труху по щелчку пальца. Помогает справляться самое очевидное осознание — технологии всё то время, пока я жил в Городе, развивались с огромными темпами, и вооружение стало куда более мощным, нежели было когда-то. Это нормально — испытывать страх, главное помнить, что подвести своих Сограждан ни в коем случае нельзя. Их жизни зависят от того, сможете ли вы справиться с ужасом, наглухо закованные в броню, или же бросите автомат и ринетесь обратно на базу.

Хотелось щёлкнуть по носу этого юношу, а он мои слова будто пропустил мимо ушей, хоть и уловил каждое слово. Не шелохнётся, руки плотно прижаты к телу, смотрит куда-то сквозь меня, почти не дышит. Лишь выразил общее возмущение тем, что в некоторых ответах я подозрительно активно упираюсь в концепцию Троебожия или же веры в Совет.

— Ещё вопросы? — я обратился лично к парню, который не назвал себя по имени, впрочем, его лицо я запомнил наверняка. Специально портить ему службу точно не буду, возьму на заметку и предупрежу инструкторов. Слишком уж на меня похож во время службы — потенциальный Еретик не нужен и мне в том числе, а не только главнокомандующему.

Он сел, остальные руки поднимать не стали. Вся аудитория в едином порыве замолкла, и это мне по нраву.

— Тогда вводная лекция окончена. Благодарю за внимание, все свободны.

Аудитория пустела так же планомерно, как и наполнялась. Строем новобранцы покидали помещение, оставляя пустые парты. Никто на меня и взгляда не кинул, все как один уставились глазами вперёд, так и двинулись в коридоры. Линии приведут их на стрельбище, где я буду больше наблюдающим, нежели стану проводить уроки обращения с оружием. На сердце как-то отлегло. Не думал, что это так непросто — провести всего одну лекцию, и то поверхностную. Стыдоба, не иначе.

Я просидел в пустой аудитории дополнительно полчаса, зная, что занятия по

стрелковым учениям ещё не началась. С минуты на минуту, да, но ничего особо не пропущу. В этот момент казалось таким важным просто выровнять дыхание, которое всё сильнее напоминает кипящую воду. Тихо булькает где-то в конце каждого вдоха, словно кто-то кулак мне сунул в лёгкие и крутит там раскалённым лезвием ножа. Крови пока нет, и это временно перемирие. Лучше уж прокашляюсь здесь до багровой лужи под ногами, нежели стану погибать на глазах новобранцев.

Инструкторы написали, что прибыл стрелок из города. Лекция по ТБ началась, учебные прототипы будущих моделей вооружения уже разложены пред новобранцами. Я спешить не стал, лишь медленно поднялся с места и отправился по линиям к стрельбищу, чтоб лично проконтролировать уровень обучения в Академии на данный момент времени. Волнуюсь, нервничаю. Боюсь, что могу разочароваться в профессорах, хотя некоторые вполне могли обучать и меня, и новый призыв. Молодые были, как и я, только поступивший в Академию. Жутко будет осознать, что мы окажемся обречены, если качество выпускников упало. Не думаю, что расчёт на увеличение часов Веры в Совет сможет скрасить недостаток практических занятий.

Чем ближе к стрельбищу, тем хуже. От предвкушения полного разочарования аж зубы зудят, пальцы холодеют. Что на руках, что на ногах. Отдалённо слышу пробные выстрелы, это скорее всего инструкторы показывают, как обращаться с оружием. Кроткие, прицельные, с большим запасом времени между каждым, чтоб сразу обозначить нюансы любого попадания или же промаха. Лишь бы новобранцы сразу узнали цену последнего, а с остальным уже можно работать.

Я заступил на территорию стрельбища, намеренно не проверяя, написала ли Пим. Сладкая атмосфера набранных электрических зарядов приятно успокаивала кожу лица. Разгорячённые щёки чуть остыли, кровь отступила от головы, прекратив рвать её на части. Новобранцы так же поделились на группы, каждой досталось по инструктору. Они в один голос объясняли заключительные моменты, прежде чем новый призыв приступит к стрелковым учениям. Я застал самую концовку — любимую часть, ставшую шуткой между рядовыми.

— И не забудьте перед всем этим снять оружие с предохранителя!

Смешки позволили узнать, что и следующее после меня поколение оценило такую подачу информации по достоинству. С довольным видом я встал в тёмном углу, недостижимый для разглядывания. Юноши по одному приближались к стойкам с оружием. По три на стол, и так длинные ряды заполнили всё стрельбище, готовые пустить первые выстрелы по металлическим мишеням. Те уже начали появляться, сопровождаясь характерным звуком наступления самцов Анухе и двигаясь по территории. Вправо и влево, чуть опускаясь и вновь поднимаясь — неживые, но вполне реалистичные аналоги гусениц успешно имитировали манеру их передвижения.

Инструкторы дали сигнал, новобранцы еле дотерпели до него, давно приняв боевую стойку. Выстрелы вызвали табун мурашек по моей спине. Столь знакомые, они пахнут будущей победой. Я вижу, как новобранцы без проблем превращают металлических насекомых в решето, накапливая очки успешности с такой скоростью, что мои страхи тут же отступили. Эти ребята готовы лично положить конец войне во что бы то ни стало, подкрепив своё рвение отлично отработанными навыками. Искреннее удивление заставило меня отписаться инструкторам. Я предложил им не затягивать сессии и побыстрее закончить, чтоб все точно успели показать минимальный уровень владения оружием. Мой

совет приняли, скорректировав тут же расписание занятий на стрельбище.

Новобранцы порой стонали напоказ, ведь не каждому удалось насытить своё желание пострелять, пусть и по неживым мишеням. Имитация битвы близка к оригиналу, но ей всё-таки не является. Понимаю их, однако пока сделать ничего не могу. Все должны соответствовать нижнему порогу вхождения по шкале Вас, чтобы быть допущенными до военных операций. Это уже моя личная задача как главного инструктора на базе.

Я уж собирался покинуть стрельбище, как на себя обратил всеобщее внимание один из юношей. Сначала я решил, что это Рэф, слишком уж они похожи внешне, вот только Рэф был чуть ниже, ожидавший своей очереди в толпе новобранцев. Этот парень высок, сложен просто идеально. Стойка занята самая прочная, с максимальным сцеплением с поверхностью под ногами. Уверенно держит автомат серии FL54, точнее его рабочий, но всё-таки прототип. Да, все остальные не сплеховали, а конкретно этот выпускник показал самые ошеломительные результаты за свою сессию стрельбы, обогнав остальных на десять подстреленных гусениц.

Сигнал инструкторов обязателен к исполнению, пришла пора отложить автоматы и уступить место остальным. Юноша, набивший больше всего очков, с чувством выполненного долга опустил автомат, поставил его на предохранитель и строевым шагом вернулся в шеренги новобранцев. Я попросил дать его резюме. Через минуту на моём НОТ-СОУ-СМАРТ появилась фотография. Это точно он — Габ. Отличник, сдавший экзамены на максимальный балл и получивший после выпуска грамоту от Совета с пометкой «Надежда общества». Такой награждают далеко не всех. Сам я не определился, хотел бы сам заслужить подобный знак отличия, или же лучше остаться в стороне. Иначе взор совета становится нескончаемым, а под постоянным надзором сойдёт с ума даже самый стойкий. Не думаю, что лично я бы справился, но Габ выглядит уверенным в своих силах, словно готовый всю жизнь посвятить службе, даже если та обернётся весьма коротким промежутком времени.

Я отметил Габа в своих записях. Пусть остаётся как пример, на который остальным неплохо бы оглядываться порой. Идеальный воин Пурпурной армии, хотя такие не всегда становятся идеальными Гражданами. Слишком уж заточены под войну, неспособные приносить пользу Городу каким-либо другим способом.

Я оставался в тени, пока стрельбище не опустело. Желая сохранять незаметность, скользнул за последним инструктором так, что никто бы никогда не отметил, что я вообще здесь появлялся. По громкой связи объявили обед, линии загорелись на полу. Свою порцию я забрал к себе в коморку, желая побыть наедине с пищей. БЖУ постепенно утрачивала свои мерзкие нотки, превращаясь в ту самую привычную еду, которая позволяет не думать, что ты ешь и в каком количестве. Всё посчитали за меня, и это отлично.

Поднос оставил пока на столике, решив отдохнуть. Волна усталости была ожидаемой, но всё-таки слишком огромной, чтоб заставляя себя сию секунду присоединиться к инструктору и показательной тренировке перед отбоем. Я листал досье новобранцев, выискивая самых слабых. То ли Троебожие приложило руку, то ли Совет и впрямь научился воспитывать новые поколения, однако все без исключения новобранцы *уже* успешно могли пройти итоговую аттестацию. Хоть завтра получай официальное звание рядового и вперёд на фронт. Я пометил Рэфа и Габа, как основных претендентов на главных помощников главнокомандующего. Думаю, ребята справятся, если позволить им руководить небольшими батальонами. За лучшими потянутся в любом случае.

Заполнив большую часть формы отчёта, я со спокойной совестью двинулся к площадке.

Просветитель должен был прибыть, и лишь это вызывало во мне тревогу. Контролируемую, только неприятно всё равно. База «Вар» сконцентрировалась на прежнем месте, меня на трибунах заменил крайне высокий худой мужчина. Судя по его бороде, на кончике заплетённой в кольцо, это представитель Троебожия. Длинная мантия ближе к ногам превращалась в подобие военного кителя, а сапоги, заканчивающиеся у коленей, блестели ярче Солнца. Пурпурный знак армии имел дополнительную нашивку культа. Это значит, что нас посетил не обычный Просветитель, а Проповедник, имеющий расширенный список полномочий по отношению к абсолютно любому слою общества. С Первого ты яруса или последнего — все одинаково равны перед таким. Вот теперь самое время следить за каждой ниточкой своей мысли или лучше вообще молчать. Пусть говорит сам.

А он так же сохранял словесную тишину. Изучал всех своим механическим глазом, врезанным в голову словно ожившая икона Троебожия. Внутри аналог аппаратуры Сканировщиков. Имплантат, постоянно проверяющий твоё состояние и крайне условную склонность к отречению от веры. Грубо говоря — датчик Еретика. Никто из собравшихся на базе, даже самый высокопоставленный главнокомандующий, не знает, как это работает, поэтому неопикуемый ужас вселяется автоматически и не отпускает, пока Просветитель не закончит со своим проникновением в твою душу. С благословения Троебожия, конечно, ага... лучше б я остался в своей комнате.

— Приветствую вас, сыны веры. — Голос Просветителя раздавался на всю базу и без микрофонов, усиленный вживлённой в связки сетью микроскопических рупоров. Где бы ни был, ты всегда услышишь Просветителя. — Я к вам прибыл, чтоб одарить каждого новобранца благодатью Троебожия.

Обязательная процедура. Помню, и я такую прошёл. Разница лишь в том, что когда-то я верил культу, сейчас же вижу в этом издевательство. Слово это оскорбление — напирать на наивность нового призыва. Сказать это конечно не смогу, да и лучше рот прикрыть ладонями на всякий случай.

— Подходите группами и вставайте кругом рядом с кафедрой, — Просветитель подзывал к себе юношей, боящихся делать первые шаги навстречу к нему. Слишком уж сильно он вызывал животный ужас, необъяснимый человеческому разуму. Так не должен выглядеть человек, так не должен звучать человек, так он не должен себя вести. Пугает его отчуждённость от мира людей, он словно застрял между нами и Троебожием. Переходное состояние, вообще не должное существовать. — Примите благословение и начинайте тренировки! От вашей силы духа и тела зависит будущее общества Плутона. Не подведите Совет и своих создателей — Троебожие.

Подрагивающие от страха парни принимали благословение. Так Просветители называют омовение Пурпурной подкрашенной водой. Точно не знаю, что там, но пахнет как алкоголь. Лишь бы ребята не додумались его слизывать и глотать по наитию.

Как только приняли жидкость, так сразу отправились на плановую вечернюю тренировку. Я вкруг обошёл столпившихся новобранцев и встал чуть поодаль, лишь бы ни Просветитель, ни главнокомандующий не нашли меня. Если б не обязанность сегодня дополнять отчёт, я б так и остался в камерке. Вынужден прятаться, ощущая себя предателем, хоть и ничего дурного не сделал.

Новобранцы приступили к самым простым упражнениям. Система Таб тут проглядывалась очень вскользь. На сегодня я решил не мучать бедный молодняк и позволил заниматься как угодно, тем более инструкторы всё равно не позволят лениться или делать

что-то откровенно глупое и бесполезное. Ощувив минутку спокойствия ввиду передачи вообще всех полномочий другим, я открыл НОТ-СОУ-СМАРТ. Как оказалось, канал с Пип пустует, если не считать последних сообщений днём. Написать бы ей ещё что-нибудь, только не представляю, *что* будет уместным. А отвлекать по пустякам видится пустой затеей. Я так и закрыл чат, не придумав ничего толкового.

Хотел было двинуться поближе к площадке, чтоб принять участие в руководстве тренировки, как сзади ко мне приблизился силуэт. Не вижу его тени, практически не слышу шагов пусть и худого, но массивного человека. Напичканный металлом и высокий — любой Просветитель будет весить как два обычных рядовых. У меня сердце сжалось, в паху всё похолодело, я машинально сдвинул ноги крестом. На плечо легла сухая рука, пальцами доставшая до ключицы. Я тут же обернулся, ощутив себя уязвимым как никогда.

Лицо Просветителя не выражало эмоций, лишь его механический глаз елозил по моей коже, проникая глубоко и далее прошибая насквозь. Мои мысли теперь каким-то образом оказались в его голове, а ведь уровень веры в Совет и без того не был особо высоким. Я больше доверяю тем, кто не так давно только заступил на службу, нежели верхушке власти, слишком оторванной от таких, как я.

— Здравствуйте, — начал Просветитель, — как ваше имя?

— Нис.

Я ответил сразу, отогнав чувство страха. Как бы ни было засушено горло, необходимо незамедлительно сообщать своё имя старшим по чину или статусу в обществе.

— Я знаю, *кто* вы и почему вы здесь.

Его ебучая пауза превратила меня в подростка, который ждёт не дожждётся результатов экзамена перед поступлением в Академию. Будущее решается на твоих глазах, а результат будет позже. Что требуется судьбе от меня, чего желает от меня общество, что видит во мне Совет? Что такого разглядел в моём взгляде этот Просветитель?

— Советую вам обучить этих молодых людей в должной мере. Троебожие тому свидетель, — он наклонился, скрипя как старые двери запылённого транспорта. — Ваш грех ещё не искуплен, и не советую оставаться в долгу у Совета.

Угрозы по смыслу были жалкими, однако прозвучали они так, как и должны были. У меня сердце обвалилось до уровня пояса, я не просто ощутил себя Еретиком, а самолично чуть не признал таковым вслух. Повезло, язык закаменел, и я лишь кивнул, чего, благо, хватило Просветителю, чтоб он вернулся к своим делам. Очередь к нему будто не заканчивалась. Большинство ребят рады были бы присоединиться к тренировке, да связаны глупыми обязательствами перед представителем культа. Пусть молчат, пусть терпят. Это не навсегда. Я выдохнул с облегчением. Давно не было так просто и легко мыслям, избавившимся от лишнего груза.

Теперь же я оказался волен вернуться и к своим обязанностям. Тренировка набирала обороты, а громогласный Просветитель начал теряться в лязге спортивного инвентаря. Я собрал краткую сводку от инструкторов, пролистывая тех, кто к концу Отсчёта сохранил наибольший запас физической энергии. К небольшому, но удивлению, это оказался не Габ. Мальчишка, на вид более щуплый, чем остальные, выполнял мои старые инструкции. В каждом его движении проглядывает отражение системы Таб. Он самолично сверялся со своим НОТ-СОУ-СМАРТ, чтоб следить за временем и ходом тренировки. Сравнить бы их Габом, да того нет поблизости.

Я запросил резюме этого юноши. Поиск затянулся. Как оказалось, в его достижениях

совершенно нет ничего выдающегося. Стандартные баллы после выпуска из Академии и диплом без отличительных знаков. Самый обычный рядовой, случайно попавший под моё пристальное наблюдение. Слежу за его сердцебиением, ровностью дыхания и уровнем окисления мускулов. И как его имя?

Оре. Уроженец моего яруса, если не были перепутаны документы бедного сиротки. Пусть и с трудом, но поступивший в Академию и избежавший попадания под трибунал за несколько преступлений против Совета. Судя по показателям, Оре даст фору любому на площадке. Да и выглядит так, словно всю ночь готов нарезать круги по стадиону да добавлять по пути утяжелители. Уверен, он бы прошёл Экзамен новобранца и даже не вспотел. Я отметил его и закрыл сводку. За сегодня вымотался так, что уже на ногах еле стою. До ужина несколько часов, а сил потреблять пищу в себе не ощущаю. Решил, что уж лучше выплюсь, чем набью кишку.

Выстроил линию до своей комнаты. Голова гудит и мысли путаются, не хочу думать, как дойти по памяти. Пусть за меня всё решает НОТ-СОУ-СМАРТ. Линия быстро привела личной комнате. Внутри воздух немного затхлый, это скорее я уже начал капризничать. Снял сапоги, поставил у койки. Китель повесил на спинку стула. Желания дойти до вешалок не нашёл, поэтому поступил так. И как же приятно, что могу это делать без риска на следующий Отсчёт получить выговор от командующего за пару лишних складок на обмундировании.

Отчёт заполнен, отправлен Жолу. Прочитает сегодня или нет — уже не моя проблема. Я свою задачу выполнил в срок. Заметил, что за дверью пропал голос Просветителя. Тот видимо покончил со своими тирадами и отправился обратно в Город. Это замечательно, ведь одно его присутствие портит и без того непростое нахождение на базе. Я открыл переписку с Пим, там всё ещё ничего. Могла хоть строчку черкнуть? Вижу отметку о прочтении, появилась несколько часов назад. Что с ней? Не обиделась, не похоже на неё. Злитесь, скорее всего. И тем не менее всё равно стоило написать, пусть и наполнив ответ гневом. Чувствую тревогу, тонкой иглой она впивается в живот и медленно вкручивается в кишки. Чтоб не впиваться глазами в безответное сообщение, я решил написать новое.

«Самый важный Отсчёт подошёл к концу. Дальше будет проще всем. Надеюсь, что и в этот раз мне повезёт вернуться. Люблю тебя»

Не стал ждать ответа. Снял НОТ-СОУ-СМАРТ и отложил его подальше, завед предварительно будильник на стандартное время. Хочу хоть немного выспаться, поэтому отвернулся к стене и не успел представить, что хочу увидеть во сне, как в него и провалился.

Отсчёты сменялись один другим. Время стремительно несло вперёд, сокращая период, за который мне необходимо обучить новобранцев перед отправкой на фронт. Сомнения в их подготовке меня не посещали, но вот страх оказался вполне реальным. Даже если не придётся непосредственно с ними бок о бок отстреливать Анухе, всё равно окажусь под ударом. Буду во фланге или поддержке, да хоть в транспорте с командованием — я вновь окунусь в битву. Юноши справятся, а вот престарелый мужчина может попросту запнуться об камень и от этого выйти из строя. Не жалею себя, нет, лишь страшусь погибнуть как-нибудь глупо. Больше шанс, что меня растопчут голодные до войны молодые рядовые, нежели какой-нибудь особо смелый самец гусеницы откусит мою башку.

Каменное расписание — тренировка — уроки биологии — стрельбище — тренировка. Как кольцо всё это зажимает сон, приём пищи проскальзывает между пунктами. Пока они отлажены, я и не замечаю, как старею каждую минуту. Атмосфера знакома, статус инструктора добавляет уверенности, но телу на это плевать. Шаги медленнее, я не успеваю за новобранцами, которые уже через месяц станут настоящими рядовыми. Голова болит беспрестанно, кашель не усилился, однако крови стало больше. Вязкие багровые комки каждый раз приходится незаметно сплёвывать или проглатывать. Мерзкая жижа вызывает изжогу, беря уставший донельзя желудок. Он больше не может правильно переваривать БЖУ, от чего я постоянно срусь. До слёз порой больно, и туалет весь в кровавых подтёках непереваренной, уже свернувшейся крови.

Из всех дыр сочусь, слабея на глазах. Уверен, все это видят. Некоторые знают наверняка, только скрывают свою осведомлённость. От этого ещё более гнусно, это словно делает меня лжецом. Не могу справиться в одиночку, поэтому постоянно пишу Пим, даже если та не отвечает развёрнуто на каждое сообщение. В тот раз она всё-таки ответила. Сухой огрызок, она злилась скорее на Совет, чем на меня, но именно мне пришлось читать наполненные гневом слова. Всё-таки она любила своего мужа сильнее, чем ненавидела войну. Ужас перед началом оживлённых боевых действий стараюсь не сливать на неё, хотя порой выходит иначе, и она откровенно просит не перекидывать чувство вины за всё происходящее на её плечи. А я не хотел, просто мне страшно.

За показателями Рэфа, Габа и Оре я следил отдельно, порой отсылая всё главнокомандующему. Рекомендую их оставить как претендентов на командиров батальонами, я рисковал крайне сильно, и почему-то всё равно был уверен в своей правоте. Ручаться за практически незнакомых юношей мне приходится впервые, но когда-то я так же впервые в руки взял автомат и вступил в войну против плотоядных насекомых Плутона. Вышло, вроде, даже успешно. Да простит мне Троебожие, если вру.

Сегодня пообещали первый выходной за всё время моего нахождения на «Вар». Отгул не только мне и команде инструкторов, но и составу новобранцев. Занятия спортом по желанию, урок биологии так же на статусе факультатива. Стоило ожидать, что юноши сбегутся на стрельбище и с самого утра займут все линии. Инструкторам пришлось ограничить время, чтоб сохранить часть боезапаса. Да, он возобновляемый, тем не менее переходить границу тоже не стоит, согласен.

Я гулял по опустевшей базе. Звуки выстрелов досюда практически не доходили. Солнце высоко в небе, сквозь полимерный потолок прорезаются его тёплые лучи. Впервые за долгое

время я ощутил себя в какой-то мере свободным. Обязательства вступят в силу только завтра, а сегодня волен делать, что хочу. Из всего списка я выбрал в первую очередь сон. Проспал завтрак, встал только к обеду. Да и то потому что глаза отказались смыкаться вновь. Вечером созовут на фильм в столовой. Огромный экран вместо пропаганды покажет кино о первых стычках с Анухе. Он пропитан наивной любовью с Совету, но в нём есть хоть какой-то сюжет, не копирующий один в один реальные события. Тот из немногих, кого когда-то пропустила цензура, и он стал обязательным к просмотру новобранцами на каждой базе. Гляну его ещё раз, не повредит. Восполню пробелы в памяти. Уверен, он понравится мне так же, как и многие годы назад.

НОТ-СОУ-СМАРТ неприятно загудел на предплечье. Предчувствие подсказало, что эти плохие новости, поэтому я не сразу поднял экран к своему лицу. Последние секунды спокойствия вот-вот улетучатся, так пусть они хотя бы останутся в том виде, в котором я постарался их сохранить — тишина военной базы, восстановленные силы, отсутствие мешков под глазами и никакой ломоты в спине.

Ошибки не было, меня вызвал к себе Жол. Его приказ с пометкой срочно, однако я не стал спешить. Вдыхая умиротворение, я мерно вышагивал к рубке главнокомандующего, про себя смеясь. Ступеньки приятно звякали под подошвой сапог. Забавно, раньше этого не слышал, ведь шум вокруг был слишком громким. Первый этаж, второй, и вот передо мной дверь со вставками органического матового стекла. Знакомые до тошноты, и неизменный силуэт мелькает по ту сторону. Я вдохнул и выдохнул, расправил китель, натянул ремень повыше и размялся, чтоб пояснице стало проще. Думаю, впереди несколько минут неподвижного стояния и выслушивание не самой ожидаемой информации. Варианты есть, но думать о них не очень хочется, пусть уж лучше они прозвучат из чужих уст.

Двери открылись, Жол словно в стацию превратился. Изучает экран, там сводка самых актуальных новостей. Звук приглушён, голоса знакомы. Это дикторы с экранов, расположенных в каждой квартире Города. Их тембры не забудешь даже при желании. В этот раз говорят что-то о незначительных потерях и в целом успешном течении войны. Надеюсь, в этот раз не врут, ведь сейчас это касается лично меня.

Жол предложил занять место на стуле за его спиной, а у меня от волнения колени перестали гнуться. Я попробовал прижать задницу, да не вышло. Остался как есть, тоже застывший в ожидании непонятно чего. Голова командующего практически не двигалась. Уверен, его глаза скакали туда-сюда, выискивая самую полезную для нас информацию. Вижу, как экран всё время обновляет карту. То самое кольцо окружения стало явно уже с моего прошло визита, однако количество точек, обозначающих гусениц, точно не уменьшилось. Плохо, это значит, что Совет заставит меня лично и обученных мною новобранцев зачистить набитый под завязку насекомыми улей. Каким бы ни был маленьким или большим — он кишит Анухе, и в дело вступает не только уровень готовности рядовых, но и их количество. Гусеница от личинки до взрослого самца вырастает за несколько месяцев, пока человеку до зрелости необходимы как минимум лет пятнадцать. Если учесть, что Пим точно не соврала о пустоте Города, то дела стремятся к статусу "отвратительно". Я обучаю новый и последний призыв. Война закончится в любом случае, каким бы ни был итог. На всё остальное — воля Троебожия.

— У нас две недели.

Жол как всегда начал речь внезапно, не оборачиваясь ко мне. Прилип к экрану, словно боится изменения положения даже одной точки.

— Сократил Совет?

— Да.

Вопросы излишни. То, что напрашивалось раньше, теперь выстрелило. Руководство форсирует события, этого стоило ожидать. Не знаю даже, скажется ли отсутствие дополнительных недель на окончательном уровне подготовки? Судя по среднему показателю, новобранцы готовы, впрочем, это лишь цифры. Если вспомнить, что мы все просто люди, то этого мало. Я на базе провёл полгода, прежде чем отправился на войну, а этим ребятам достались крохи — всего полтора месяца сжатого курса, пусть и от этого крайне насыщенного.

— Кто сообщит новобранцам? — этот момент показался крайне важным для уточнения. У меня по спине прокатилась капля пота при мысли, что подобное объявление придётся делать самому.

— После кинопоказа я свяжусь с ними или выступлю с трибуны. Как пойдёт, а пока я на постоянной связи с Советом.

Я принялся уходить, отчего-то решив, что свободен. Приказа не было, я его придумал, и всё равно не остановился. Когда Жол снова заговорил, у меня чуть обморок не случился. Как же я устал от своей слабости и страха, до этого думающий, что мне всё по силам.

— И спасибо вам, Нис, что достойно обучили новый призыв. Я так же доложусь Совету, что база «Вар» предоставит обществу лучшие отряды рядовых за всё время. Вот теперь — вольно.

И только сейчас я подумал, что это был сарказм. Правда ли я вложил огромные силы в воспитание новобранцев? По сути я лишь передал знания от предыдущих поколений рядовых, не переработав их ни в коей мере. Старые методы тренировок, стрелковые учения вёл не я, урок биологии был единственным в моём исполнении. Схемы обучения оставались практически неизменными ещё со времён войны на Марсе. Я только передавал итоговые отчёты главнокомандующему, а их он уже отправлял в Совет, сохранял моё имя как подпись. Каков мой вклад? Если подумать, то его для меня придумало общество, я же палец о палец для этого не ударил.

Я попросил инструкторов закончить с занятиями на стрельбище и сопроводить новобранцев в столовую для просмотра кино. И традиция, и напутствие, и более тонкий урок пропаганды. Не так бросается в глаза, да и смысл имеет более художественный. Хорошее это дело — фильм с любовью к родине, который не брызжет тебе этим в лицо. Механизм искусства наконец-то до этого дорос, я искренне рад.

Огромная организованная толпа новобранцев, стена о закончившихся стрельбах, заполнила столовую. Экран уже подготовили, обратный отсчёт начался с «10», когда все заняли места. Кому-то пришлось стоять, однако никто не жаловался. Я увидел такую сплочённость, которую раньше не замечал, которую не припомню даже во время своей службы. Лишённые индивидуальных страхов и волнений, будущие рядовые не отличались друг от друга вообще ничем, и даже лица стали чем-то похожи. Здесь теперь одни мужчины, носящие почётное звание рядовых Пурпурной армии, пусть и не получившие его официально с разрешения Совета.

Фильм начался со слегка затянувшейся сцены. Там виды Плутона постепенно заполнялись городским ландшафтом. Нам показали воздвижение Первых ярусов, растущих с огромной скоростью. Тетр накрыл великолепие, от чего Город загорелся фиолетовым, над ним показался флаг человечества Плутона. Кто-то из новобранцев даже захлопал в ладоши,

некоторые к ним присоединились. План сменился на ближний, толпы горожан сновали от завода к домам и наоборот. Плотный поток тел будто сливался в красивые узоры. Нам твердили, что это отличительная черта фильмов прошлых эпох — обязательный символизм, отсылающий к Совету или Троебожию. Как минимум один пункт должен быть выполнен, иначе фильм не пропускался к показам или вообще удалялся с любого носителя. Такое в итоге сохранялось только в голове создателя, если в его творении не мелькнула ни одна отсылка к правящей ветви. В положительном ключе, само собой.

Следующая сцена показала нам главного героя, и вот я замечаю то, что не замечал раньше. Глаза его сразу были усталыми, пустыми, словно он знал, что его ждёт впереди, а именно — героическая, но смерть во имя всего общества. Помню последнюю сцену, где он в обессиленных руках сжимает флаг Пурпурной армии, развевающийся над последней убитой гусеницей. Победа, которая с экранов до сих пор не перекочевала в реальность. Она уже на пороге, осталось только встретить её с распростёртыми объятиями усталых воинов.

У героя была жена, был сын, который ещё ходил в школу, когда начался новый призыв. Хронометраж фильма летел быстрее моей настоящей жизни, отражённой будто на каждом кадре. Я не чувствовал себя участником кино, скорее это *оно* было пародией на то, что произошло со мной и мне подобными. Слишком прилизано, слишком много романтики. Опять же стоит помнить, что фильм сделан специально для новобранцев, а не для тех, кто еле вытащил своё тело с полей битвы. Если б не осудили, я бы свалил с показа, чтоб не терзать себя гнусными неправильными мыслями. Был бы тут Просветитель, я бы уже оказался за пределами стен базы, пытаюсь найти убежище и хоть немного воды.

Новобранцы слились в общем крике, когда главный герой чуть ли не в одиночку зачистил улей. Нарисованные гусеницы падали от его выстрелов, каждый раз настигавших свою цель. И это тоже неправда. Каким бы ты ни был идеальным воином, эффективность твоей стрельбы не поднимется выше 75 %, всё остальное — работа товарищей по оружию. Нельзя присваивать себе заслуги целого батальона, а человек на экране это сделал. Не словами, нет, но его лицо наполнилось завышенным самомнением, чтоб укутать смотрящих на него новобранцев в ложную надежду. Неужели я когда-то любил этот фильм? Или стоило мне вернуться на войну, как он тут же опротивел? Не знаю, что именно изменилось, а мне мерзко, и уйти всё ещё нельзя.

Сцены рефлексии главного героя я не слушал специально, уставившись в экран своего НОТ-СОУ-СМАРТ. Сухая переписка с Пим помогла отвлечься. Расширенная версия битвы прошла более-менее сносно. Вот флаг в руках погибшего рядового, и гимн играет, пока титры начинают ползти снизу. Несколько пометок огромными буквами, что фильм создан с поддержкой Совета и с его наставлениями. Если подумать и поверить, так будто Совет и снял фильм, лично следя за всеми аспектами процесса. А Троебожие наблюдало со стороны да брызгало на режиссёра благословенными жидкостями.

Общий свет был приглушен, чтоб экран было отчётливее видно, сейчас же прежний уровень вернули, и глаза начало резать от яркости вокруг. Я прикрылся рукой, от этого не сразу заметил, как Жол поднялся к трибунам, единолично ожидая, пока на спортивной площадке соберутся разгорячённые новобранцы в приступе любви к родине. Их кровь кипит, жажда битвы рвётся через каждую пору в коже. Пропаганда схватила их за члены и теперь не отпустит, пока сам новобранец будет сжимать автомат.

Инструкторы, тоже уставшие от очередного показа, из последних сил руководили новобранцами. Скоро с них снимут эту ответственность. Уверен, они с большей охотой

возьмутся за отстрел реальных гусениц, чем просидят на базе ещё пару недель.

Площадка заполнялась, сохранившие порядок батальоны выстроились перед своим главнокомандующим. Он готов произнести самые спелые новости, завернув их в речь очередной порции пропаганды. Смысл мне не понятен до конца, ведь все ребята прямо сейчас хоть с голыми руками готовы наброситься на любую Анухе, встреченную на поверхности Плутона. Объявление о сокращении обучения они, уверен, воспримут как хорошее стечение обстоятельств. Фильм для этого и был показан в обязательном порядке.

— Приветствую вас, рядовые! — трюк с моментальным повышением в звании сработает как никогда сильно, чтоб пышущие гормонами юноши воодушевились по самые яйца. — Я получил приказ Совета. Через две недели вы отправитесь на войну, чтоб положить конец противостоянию людей и гусениц.

Вступительная часть как по методичке взывала к самым абстрактным чувствам. Несколько слов благодарности и личное обращение. Что ещё нужно молодым ребятам, готовым ехать на фронт? Воспитываемые долгие годы в давлении и муштре, каждое слово они воспринимают как уважение и личное наставление. Лишь по эту сторону обучения я понял такую, казалось бы, очевидную уловку.

— Четыре месяца назад, — Жол продолжил, повысив громкость и напор в голосе, — Анухе вновь вступили на тропу войны, уничтожив несколько блокпостов вокруг последнего улья, который мы считали практически опустевшим. Всё человечество верило, что с гусеницами мы нашли общий язык, что мы положили конец любым распрям, но насекомые так и остались насекомыми. Они не проявили жалости, они забыли о том, как мы пощадили их и прекратили любые карательные операции, сохранив в покое главную матку. И вот как нам отплатили — множество ребят погибло, не сумевших отразить внезапное и массированное нападение.

Гул молодых голосов поддержал главнокомандующего, этот же гул быстро перерос в освистание воображаемых гусениц.

— Совет бросил резервы, чтоб подавить развёртывание армии Анухе, но потерпел поражение. Когда стало ясно, что очередной войны не избежать, был организован новый призыв, и вы стали его неотъемлемой частью. Именно вы прекратите существование гусениц на Плутоне и станете важнейшим фундаментом в развитии общества будущего!

Новобранцы остались на месте, но словно превратились в жидкость. Они прыгали и кричали. Несколько сотен голосов слились в один поток звука, заставившего меня зажать уши ладонями. Ноги подкосились, в глазах картинка сместилась. Пол под подошвами словно вибрирует, хотя это уставшая голова играет со мной. Меня тошнило от БЖУ и очередной бесполезной речи с трибун, которая с реальным положением дел вполне может не иметь прочной связи. Остаётся верить на слово, так и работают Города, подкреплённые культом Троебожия.

— Мы загнали гусениц в кольцо, которое с каждым Отсчётом сжимается, приближая наш с вами триумф. Война сконцентрировалась на небольшом участке, где нам придётся забраться в глубины планеты и уничтожить каждую кладку, которую встретим. Лично я готов положить свою жизнь на алтарь победы, чтоб освободить человечество от постоянного страха перед безмозглыми существами. Чтоб унижительная нужда воевать с насекомыми наконец-то пропала из списка наших проблем. Я сделаю всё, чтоб война поскорее закончилась. И мне нужна ваша помощь. Так скажите мне, вы готовы?

Жол общался словно с детьми, и тем не менее это сработало. В какой-то мере даже я

ощутил тепло в животе, это любовь к родине. И неважно, какое лицо мне велит её защищать — главное, что своими руками я добуду победу ради следующих поколений и наконец-то запишу себя в историю. Это повод для гордости, который будет греть меня ещё очень долгое время...

Наземный транспорт катил нас на первую линию кольца вокруг последней кладки Анухе. Огромные колёса в труху размалывали фиолетовые камни на поверхности Плутона, приятный хруст добирался до моих ушей. Я ехал с рядовыми, только позавчера получившими это звание. Церемония награждения прошла скромно, лишь повторное появление Просветителя как-то сгладило сухость торжества. Он провёл дополнительные обряды и прочитал несколько набожных лекций в напутствие. Зачем он сделал это, если его всё равно прикрепили к нам и отправили на фронт — непонятно. Он теперь уполномочен хоть каждый Отсчёт вещать о правильности веры в Тробожие и чести погибнуть во славу культа.

Молодые ребята заметно волновались, крепко сжимая перила на своих сидениях. Командование следовало за нами небольшой линией, пока основной конвой стремительно приближался к точке боевых действий. Кого-то начало тошнить, а мне так страшно, что желудок застыл, не желая толкать утреннюю порцию БЖУ ни в одну из сторон. Приободрить бы остальных, да сам трясусь, не в силах унять своё же тело. Речь Жола растворилась слишком быстро, вдохновение от фильма ещё быстрее. Вот и вышло, что батальоны рядовых во главе со своим ментором потеют от ужаса перед войной. Один уже был там, другие для этого жили — а итог один. Все бледные, заранее мёртвые.

«До точки сброса двадцать минут»

Громкая связь заставила вздрогнуть без исключения каждого рядового. Уверен, в других машинах произошло то же самое. Юноши только представлять могли этот Отсчёт, и вот он наступил. Всегда кажется, что слишком рано, даже если ждал этого момента как ничто другое. Я связал несколько боевых групп в одну сеть, администраторами поставил инструкторов, которые теперь являются помощниками главнокомандующего.

«Я буду рядом с вами, не переживайте. Действуем по прежним инструкциям, которые вы уже наизусть знаете. Удачи всем!»

Жалкий огрызок поддержки, но больше из себя выдавить не смог, иначе выйдет вместе с желчью изо рта. И без того скулы сводит, глаза слезятся. Кажется, и губа потряхивается, благо сейчас не нужно ни перед кем держать слово, можно просто отправить сообщение и закрыть переписку. Остальное на себя возьмут помощники Жола.

Я открыл чат с Пим. Последнее время мы с ней мало общались. Она обо всём была в курсе, только чем ближе оказывался сегодняшний Отсчёт, тем она становилась холоднее, колючее. Вела себя так, словно это я виноват в нападении гусениц, и одному мне закрывать этот вопрос. Лишь бы не пуститься в ненужные извинения и оправдания. Я так близок попросить у неё прощения за то, что Совет вновь отправил меня на войну.

«Мы скоро высадимся. Всё решится в течение пары ближайших часов. Мне пообещали дополнительную защиту как приближённому к руководству. Надеюсь на удачный исход. Ты там как?»

Её привычка тут же читать новые сообщения начала меня убивать. Затянувшееся время на ответ заставляет скукожиться, вжаться внутрь себя. Она знает, как это отражается на мне, но бессилие перед ситуацией толкает мою дорогую Пим на злобу. Не могу её осуждать, однако самому гнусно всё равно.

«В Городе праздник объявили. Будет днём «Последнего наступления». С одобрения культа проведут ход по главным улицам с плакатами главных членов Совета. Церкви забиты, протолкнуться негде. Нас туда согнали насильно»

Пим словно запнулась на полуслове. Представляю, как у неё спёрло дыхание и слёзы выступили в уголках глаз. Еле концентрируется на экране, не зная, что точно хочет сказать и что желает услышать. Да и сама понятия не имею, как держать связь. Я снова на фронте, снова делаю то, что скажут, и мысли мне больше не принадлежат.

«Люблю тебя»

Отправил, но не смог закрыть чат. Отметка о прочтении есть, ответ печатают на той стороне.

«Удачи тебе»

Я отодвинул от себя НОТ-СОУ-СМАРТ. Больше сказать нечего, и не стоит даже вымучивать.

Рядовые вокруг пришли в себя. Скорость движения уменьшилась, мы практически на месте. Всё чешется в предвкушении. Отлично же знаю, что главное — начать, а остальное пойдёт по накатанной. Одна гусеница, три, восемь. Они будут умирать, счёт им совершенно утратит смысл. Главное, чтоб их было меньше, и со временем количество насекомых должно превратиться в круглый ноль. Тогда Совет даст мне свободу, тогда Троебожие примет в свои высшие миры, тогда я смогу выдохнуть спокойно.

«Высадка по готовности. Направление движения присланы на ваши НОТ-СОУ-СМАРТ. Срочные корректирующие приказы отправлю помощникам, у них будет вся необходимая информация. Строго следуйте указаниям, и уже к вечеру мы очистим поверхность этого сектора от всех гусениц»

Жол отправил копию каждому рядовому, что вышел с территории «Вар». Все на минутку прилипли к своим экранам на запястье, кто-то на всякий случай проверил экипировку и автоматы. Нам всем выдали новые FD27, самые передовые модели на Плутоне. И это несмотря на то, что каждое оружие техники проверили ещё на базе, лишь бы ни одна осечка не погубила чью-нибудь молодую жизнь.

Шины прекратили вращение, с этим и хруст почвы пропал. Транспорт встал, как и моё сердце. Я даже задержал дыхание, когда створки массивного перевозчика рядовых открылись навстречу разгорающемуся бою. Выскочив за ребятами, я буквально врос в землю, до боли сжав рукоять автомата. Бомбардиры и Снайперы загоняли под землю полчища гусениц. Воздушный транспорт поливал огнём небольшие группы самцов Анухе, которых по отдельности не разберёшь в этой мешанине трупов насекомых и людей. Всё слилось в кроваво-слизистое болото, растекающееся по пыльной коже планеты.

Свой отряд я пометил фиолетовым, сорок имён, среди них Габ, Оре и Рэф. Помощники командующего так же разобрали себе по батальону, руководство остальной массивной частью взял на себя сам Жол. Он направил несколько подразделений окружать выход из улья, некоторых послал помогать Снайперам. Кто-то остался в поддержке, кого-то тут же подарили смерти... ребята кричали, погибающие от клешней разъярённых гусениц. Я машинально отворачивался, стараясь не терять из виду свой отряд. Юноши прижались поближе к друг другу, в глазах у каждого отражается битва, а за ней — пустое стекло без проблеска души, о которой так старается позаботиться Троебожие.

— Двигаемся за мной! — я крикнул в канал связи, получив заранее точные указания от Жола. Нам следовало подобраться к входу в жёлоб и закрыть его с одной стороны, чтоб ни

единая гусеница ни забралась под землю, ни выбралась из неё.

Под ногами хлюпала кровь и слизь убитых гусениц. Второй жидкости намного больше, однако внутренностей своих сограждан я совершенно не желал видеть. Что-то пошло явно не по плану, и такое количество смертей — отличное тому подтверждение. Взрывы не стихали, выстрелы забивали уши. Я пригибался, чуть ли не коленями припадая к Плутону. Он дрожал вместе с нами, постоянно вибрировал от огненных всполохов и копошащихся в нём насекомых. Мы с отрядом бежали ровно над грунтовой полостью, которая сплошь забита ещё живыми Анухе, и никому не известно, куда они в данный момент направляются.

— Десять человек — возьмите левее! — я разбивал отряд на маленькие группы, чтоб занять более обширную территорию. Так делали ещё в моё время, лишь бы ни сантиметра больше не досталось блядским гусеницам. — Двадцать — приблизиться ко входу в улей и принять положение сидя, вести огонь по каждой твари, что попадётся на глаза. Ещё десять идут за мной.

Я не спрашивал, все ли поняли приказ. Времени на эти любезности у нас точно нет. Пришлось возглавить клин нападения. Мы оставили позади Снайперов, Бомбардиров, воздушный транспорт сконцентрировался на другой местности, где добивали уже сдавшихся гусениц. Они бегали по кругу и визжали как самки. Снова рядовые выгрызают для человечества победу. Я стреляю на ходу, успевая между очередями давать указания по точным целям. Стараясь предугадать появление и движение насекомых, я превентивно уничтожал каждую отдельную особь. Их вязкая кровь лоскутами летала в воздухе, поднимая знакомый запах и вместе с ним смертельную опасность. Теперь эти рядовые тоже помечены, а там только судьбе решать, кто выживет.

Вход в улей прямо перед глазами, наглухо закрыт копошащимися гусеницами. Они скребут лапками по сводам глубокого жёлоба, верещат, сбиваются в отвратительные склизкие кучки. Уже заметил, как они выросли в размерах по сравнению с минувшими временами. Ошибки быть не может, Анухе точно стали больше, и это вполне может оказаться не единственным отличием от предыдущих поколений насекомых.

— Внимательнее! Проверяйте, точно ли убита Анухе. Производите как минимум один контрольный выстрел в участок между головой и горбом на спине.

А всё резко снизилось в полезности. Выстрелы по точкам, по которым я лично учил бить, практически ни к чему не приводили. Насекомые обзавелись прочными хитиновыми пластинками в том месте, где раньше была оголённая нежная плоть. Я постоянно сверялся со сводками в НОТ-СОУ-СМАРТ, лишь бы ни одно имя не пропало из списка живых. Огон мои ребята вели беспрестанно, сопровождая каждый всполох выкриками в сторону гусениц. Их количество словно и не уменьшалось, но эта информация известна только Жолу, как главному руководителю операции. Я не стал допытывать и Сканировщиков, отдав всё внимание насекомым. Анухе закрыли своими телами вход, больше ничего не оставалось сделать, как взорвать их мясной заслон.

— Запрашиваю поддержку Бомбардиров. Нам нужно освободить проход, иначе в жёлоб не забраться и не провести дальнейшую зачистку.

Я связался с главнокомандующим, генералы вообще меня проигнорировали бы, а слово Жола имеет некоторый вес.

— Понял, отправляю запрос.

— Принято.

Несколько минут в прежней боевой агонии, и свистящий снаряд угодил прямо в

огромную слипшуюся тушу нескольких десятков Анухе. Их части разлетелись во все стороны, липким дождём покрыв каждого, кто оказался в радиусе пятидесяти метров вокруг входа в улей. Я отвернулся, закрыл рот и лицо, словно это могло помочь защититься от болезни, которая уже вгрызлась в мои лёгкие и драла их изо всех сил. Я дождался, пока шум в ушах чуть поутихнет, когда картинка перед глазами сойдется в одну, когда большой палец перестанет так стараться переломить рукоять автомата.

Рядовые встали со своих мест. Сегодня они увидели, как всего один взрыв может резко сместить расклад сил на весах. Они боялись торжествовать, их горделивые позы всё-таки выдавали неопытность, повышенное чувство значимости. Они словно не знают, что эти полчаса битвы — всего лишь песчинка в целой пустыне войны. Дальше станет тяжелее, там будет только больше смерти. Поэтому пришлось собрать отряд вокруг себя. Повезло, и пока что все живы. Их лица заляпаны слизью, они улыбаются сквозь едкую плёнку. Забыли, что эти жидкости превратят их лёгкие в решето?

— Далее будет проходить стандартная зачистка. — Последнее слово разбудило в них настоящих рядовых. Они вспомнили, зачем вообще существует это подразделение войск. — Следуем указаниям Совета, двигаемся медленнее. Под землёй непроглядная тьма, а ходы гусениц могут быть не только горизонтальными. Всем всё ясно?

— Так точно!

Крик рядовых раздался так громко, что эхо вернулось ко мне с обратной стороны дырявой сопки. Вокруг жёлоба концентрировались войска, подкатил наземный транспорт, пока воздух на время опустел и перестал так настырно жужжать над головой. Подоспели другие отряды во главе с помощниками Жола. Сам главнокомандующий отправился на следующую точку, где срочно потребовалась сухопутная поддержка. Несколько махин, гружёных рядовыми, устремились в сторону Солнца, сегодня намеренно палящего с удвоенной силой.

— Приказ Жола един для всех! — я взял слово, ощутив вполне реальный душевный подъём. Успешные минуты битвы не действуют иначе. Внутри у тебя так и так рванёт бомба. — Я веду отряд внутрь, со мной ещё два батальона следуют для прикрытия. Остальные сторожат вход. Сегодня мы откусим себе этот участок и больше не вернём!

Их возгласы согласия приободряют, от чего я первым побежал ко входу. Устал быстрее остальных, и юноши обогнали меня, встав у густой тьмы, спрятавшейся под сводом пещеры. Мы включили фонарики. Я с тяжёлым дыханием ступил в темноту, сапоги увязли во внутренностях гусениц. Отвратительное чавканье здесь чувствовалось громче выстрелов снаружи. Мы замедлялись с каждым шагом, нервно освещая своды каменной кишки. Звуки могли раздаваться далеко от нас, но здесь они трещали словно у самого уха. От этого челюсти сводит, перед глазами темнеет так, что фонари уже не помогут. Не справившись со страхом, я чуть сбавил темп, слился со своим отрядом. Связь с поверхностью ухудшалась, тут началась та самая зачистка, о которой мы мечтали. Кажется, именно это слово я вспоминал, когда спокойно жил себе в Городе.

Скрежет лапок насекомых я узнаю среди тысяч иных звуков, только этот гам окружил нас со всех сторон. Мы погрузились метров на тридцать от поверхности, судя по барахлящим датчикам, а пройденное расстояние составило практически километр. Свод сужался, превратившись в узкий проход, где нам пришлось чуть ли не строго друг за другом следовать в нутро улья. Свет наших фонариков превратился в жалкие точки на влажном камне, стрёкот гусениц усиливался. Он проникал под кожу, шевелил изнутри волосы, скручивал в узел

пищевод. Шаг, ещё шаг, и вот застучали мандибулы.

Несколько человек передо мной за мгновение превратились в мясную кашу. Нас встретил огромный самец Анухе, и я не узнал в нём тех гусениц, с которыми когда-то воевал. Его челюсти похожи на жернова, длинные клыки торчат в стороны, покрытые сухожилиями моих подопечных. Кровь хлещет по стенкам, а рядовые даже крикнуть не успевают, колоссальное насекомое раздирает их на части. Мелькая в кружках трясущегося света, Анухе убивал юношу за юношей, тем самым подбираясь ко мне. Он стонал, явно наслаждаясь нашим вкусом. Тут-то я и понял, что фатально проебался...

Часть вторая. Насильственная иннервация. Глава 1

Первая вылазка. Со слюной на губах я предвкушал её всю прошлую ночь. Полгода учений на базе «Тре», и вот получено звание рядового. Почётная нашивка на плече, новейшее вооружение, вокруг боевые братья. Нас катят воевать с гусеницами, и мы готовы. По пути поём старые песни, парочку даже запрещённых вспомнили, где ни разу не упоминается ни Троебожие, ни Совет. Позволили себе посмеяться, когда и командующий присоединился к нам. Слова он не стал пропевать, а вот мелодию мычал в точности как надо. Он отличный командующий, его уверенность внушает самые тёплые мысли, что война должна завершиться в следующие несколько месяцев. Год максимум, и на Плутоне начнётся бесконечное мирное время.

Мы столпились у створок транспорта, когда тот встал на месте. По громкой связи объявили о высадке, поддержка с воздуха сбивает гусениц с поверхности планеты, другие батальоны рядовых уже приступили к зачистке ближайших кладок. Мы не могли удержаться на месте, топали сапогами по полу, желая поскорее сделать выстрел в первую гусеницу, что попадётся на глаза. Трап как назло опускался медленно, и тонкая щель не позволяла увидеть всё сразу, лишь постепенно открывая простор для боевого творчества.

Я был в первых рядах, меня буквально вытолкнули наружу, а я и сам рад поскорее окунуться в противостояние. Гусеницы бегали из стороны в сторону, с воплями их преследовали рядовые, добывая без исключения каждое насекомое. Лужицы дымящейся плоти Анухе распластались тут и там, поднимая к небу тонкие струйки дыма. Это флаги нашего превосходства, по-другому их воспринимать не буду. А теперь ещё значит, что обязательно надо поднять свой личный стяг.

Мы с отрядом дождались приказа командующего и рванули на плато, где развернулась основная компания. Жалкую горстку гусениц загоняли под землю, где их уже ждали группы зачистки. Я бежал что есть сил, чтоб хотя бы парочку насекомых подстрелить. Думаю, первое время буду их считать, а потом как пойдёт. Уверен, не один я стану прикидывать, сколько Анухе подошло от моей руки, а в грязь лицом упасть нельзя. На меня глядит Троебожие через Просветителя, которого послали с нами. Вижу его на соседней сопке в окружении других главнокомандующих. Часть Совета так же прибыла, чтоб лично пронаблюдать за течением операции. Это вдохновляет, и я ускорился ещё сильнее, чтоб не задерживать победу ни на секунду.

Спустившись по пологому склону и свалив пару камушков за собой, я начал протискиваться между рядовыми поближе к линии стрельбы. Многие заранее праздновали, вскинув кверху автоматы. Мне же хотелось принять хоть какое-то участие, и я боялся, что могу не подбить ни одной даже самой замызганной гусеницы. Вижу, как толстые неуклюжие тельца мелькают где-то впереди. Закусив язык, я на бегу припал на колени и сделал выстрел. Тот угодил прямо в цель, и несуразное существо разлетелось на вязкие ошмётки. Кто-то одобрительно хлопнул меня по плечу, но я не посмотрел, кто это был. Вместо этого побежал дальше, на всякий случай сверяясь с НОТ-СОУ-СМАРТ, вдруг пришли новые указания о Совете? А пока там прежние приказы, простые до смеха — уничтожить каждую Анухе, чтс встретите. Меня это устраивает.

На поверхности не осталось больше насекомых, командующие принялись формировать отряды зачистки, чтоб помочь тем, кто начал спуск в глубины улья. Я поднял руку, меня

пока не замечали, а открывать рот и выкрикивать своё имя — крайне дурной тон. Позволить себе такое не могу, поэтому пришлось чуть потолкаться, чтоб приблизиться к набирающему к себе в отряд командующему. Он немолод, несколько красивых шрамов растянулись от виска до плеча, спрятанного в плотную защиту костюма. Он наугад тыкал пальцем, эти счастливики вставали за его спиной, постепенно образуя батальон самых ретивых рядовых, что в этот Отсчёт прибыли на место битвы. У меня чуть внутри всё не обрушилось, когда позвали юношу совсем рядом со мной, и командующий вроде бы удовлетворился своим набором. Затем его взгляд скользнул по моему выражению. Я так и оставил свою руку поднятой, от чего надо мной сжалились и позволили присоединиться к зачистке.

Лицо моё трескалось от улыбки, я старался спрятать его рукой, выходило через раз. Мы начали спуск в недра улья, командующий направлял нас, получив заранее точную карту желобов. Наши мощные фонари освещали пещеры как в дневное время, и нет ни единого шанса, что нас застигнут врасплох. С полным спокойствием я следовал в глубины недр Плутона, держа палец рядом со спусковым крючком. Чуть что похожее на тельце гусеницы мелькнёт впереди, так сразу выстрелю. Благо я иду в первых рядах, и не придётся ждать чужой перезарядки, чтоб убить насекомое в *свою* очередь.

— Разведка сообщает о нахождении особо большой кладки, — в голосе командующего совершенно отсутствовало волнение. Это беспрепятственно передавалось и остальным. Щелчки затворов наполнили пещеры, мы двинулись дальше. — Советую поднять прицелы и приготовиться к ведению огня.

А кто из нас не был готов? Натянутые до предела нервы требовали разрядки сию секунду. Мы чуть ли не бегом пустились в глубь улья, носами ощущая страх насекомых. Их основные силы подошли, а тут остались горстки самцов да податливые самки, которые мирно лягут на свои кладки при нашем появлении, словно это их спасёт. Приказ Совета не подлежит корректуре, и каждое яйцо будет раздавлено, размолото, сожжено. Как же греет душу факт, что я буду одним из этих людей.

Поворот вышел резким, за ним ещё один спуск, и вот мы выбрались к огромной пустоте под землёй. Другие отряды зачищали соседние кладки, нам же досталась эта — вся земля усеяна светящимися шариками. Несколько гусениц ползают между ними да выбирают, как эффективнее и поскорее спасти потомство. Тупые насекомые не знают, что мы не оставляем никого в живых, мы не берём пленных. Командующий дал отмашку, звуки выстрелов оглушающе наполнили мои уши. Я стрелял бесперебойно, патронов для этого у меня хватает с лихвой. И кладка такая плотная, что каждое попадание приводит к смерти хотя бы одного зародыша, спрятанного в хлипкую скорлупу.

Самки пищали, несколько самцов Анухе выползли с потолка. Некоторые в спешке срывались и падали вниз, разбиваясь как от попадания снаряда Бомбардиров. Дождь из гусениц придавал общему виду смехотворности. Жалкие попытки нашего противника оказать малейшее сопротивление не вызывало ничего, кроме жалких крупиц жалости, и тем я не поддавался ни в коем разе. Выстрел за выстрелом, ложбина заполнилась месивом из гусениц. Пар от их уничтоженных тел поднялся к нам, приятно укутав в ощущение победы. Я дышал полной грудью, и пусть немножко щиплет нос. Мы заслужили впитать в себя частичку проигравшей стороны. Пусть это будет той данью уважения, которую незасорно выказать Плутоном существам. Планета будет принадлежать нам, и глупые гусеницы тому не помеха...

Самец гнал меня и остатки отряда в обратном направлении. Я смертельно запыхался, изо рта хлестали струйки крови. Этот свищ пытался меня добить при любой подвернувшейся возможности. Ноги словно налились железом, и так трудно делать каждый следующий шаг. Рядовые обгоняли меня с воплями, сквозящими по жёлобу. Некоторые побросали автоматы, чтоб облегчиться на ходу. Я же свой не смог отпустить даже в угоду спасения собственной шкуры. Не сброшу — сожрёт гусеница, скину — Совет признает Еретиком и выгонит шляться по Плутону. Я рискнул и последовал за первым вариантом, отлично ощущая, как затылок подогревается смердящим дыханием исполинской гусеницы.

Мы спасали наши жизни, сберегали каждую секунду, в которую сделали вдох когда-то. Пытались сохранить любой момент, который закрепился в памяти. Ради вкусов и запахов, ради приятных прикосновений. Чтобы хоть одним глазком увидеть будущее, каким бы оно ни было, мы бежали что есть сил от огромного плотоядного насекомого.

Сигналы с поверхности приходили сбивчивыми. Обрывки приказов и отчётов, корректировка направлений. Я не обращал на них внимания, как и ребята, впервые столкнувшиеся с Анухе. Но несмотря на то, что я бежал медленнее остальных, я всё ещё был жив. Справа и слева гусеница хватала моих подопечных и сжирала, некоторых беспощадно рвала на куски, кидала передо мной. Крики, срывающиеся на визг, взрывали мою голову. В последнем взгляде, обращённом ко мне, сквозило предательство. Это совершенно не то, что обещали будущим воинам. А времени объясниться не предоставили, я же правда не знал. Простите меня, пожалуйста.

На голову прилетело что-то склизкое и тёплое. Тонкие струйки стекли по лбу к носу, закапали с кончика и залились в рот. С привкусом железа, солоноватое. Я машинально смахнул, на перчатках остались густые кровавые разводы, с плеча свалилась чужая рука. Я отпрянул в сторону, не заметив, как рядом со мной мчался рядовой. Парнишка не удержал равновесие, ударился бедром об торчащий камень и свалился на землю, кубарем прокатившись ещё несколько метров. Я оглянулся, опять же не специально. Гусеница настигла бедолагу, кусать не стала — попросту раздавила его своим громоздким телом. Хруст костей отскакивал от стен, он говорил всем живым, что смерть не отстаёт, она лишь играет. Я вдохнул поглубже, до самого дна тлеющих лёгких, и сделал последний рывок наверх.

Прыжком выскочил из жёлоба на поверхность, больно приземлившись на руку. Суставы тут же отозвались тупой ноющей болью, челюсти сошлись слишком резко, в мозгу словно взорвалась граната. Надо мной проскакивали живые рядовые, за ними наружу вылетали останки их собратьев по оружию. Кровавое месиво, костная труха, измельчённая порода. Гусеница с грохотом заслонила проход, не имея возможности ползти дальше. Я лежал от неё метрах в пяти. Она не пыталась до меня достать, но пугала изрядно. Самец Анухе рычал, силился выбраться, однако намертво застрял. Залп ошеломлённых воинов тут же превратил гиганта в огромную лужу слизи. Контрольный подрыв Бомбардиров залил волной мои щиколотки, доставшей каплями до пояса. Я всё не мог привести дыхание в состояние покоя, хрипя и теряя связь с реальным миром. Чёрные точки перед глазами множились, слабость в конечностях распространялась по всему телу. Обморок это или гибель — узнаю с минуты на минуту...

Меня грубо привели в чувство. Жёстко отшлёпали по щекам, брызнули чем-то в лицо. Едкий запах пробрался по ноздрям прямо к мозгу, и я аж подскочил на месте. Вокруг люди, но лица не узнаю. Форма разная, тут рядовые, Снайперы, кто-то из командования тоже есть.

Вижу нашивки, а кто это — понятия не имею. Да и черты стираются, словно голову каждого превратили в чью-то коленку. Нет носов, рта, глаз. Только разъярённые крики и отдалённый шум взрывов. Я упал обратно на спину, решив на секунду, что сплю, а раз будильник до сих пор не прозвенел, то можно вернуться в сон.

— Ещё раз!

Ужасный запах вновь ударил в переносицу, в этот раз я точно очнулся, поднялся с носилок, уставившись в упор на того, кто отдал приказ. Точно главнокомандующий, вот только раньше я его не видел. Ордена на груди, несколько нашивок на плечах, глаза злые, отражающие битву. Она ещё гремит за моей спиной, лишь не так рьяно, как было несколько... минут назад? Часов?

— Ваше имя! — он крикнул, и без того находясь близко. Я невольно вздрогнул. Возможно это и не было заметно, ведь меня трясло от одного такого резкого насильственного пробуждения.

— Нис...

— Должность?

— Помощник командующего Жола. Батальоны рядовых базы «Вар».

Нечто щёлкнуло внутри этого командующего, он сделал шаг назад, а выражение лица сменилось на снисходительное. Он оглядел меня с ног до головы, пожал плечами, что-то нажал на своём НОТ-СОУ-СМАРТ.

— Что с вами произошло? — спрашивал он, не отрываясь от экрана. Голос спокойный, однако всё ещё громкий, чтоб точно ничто не смогло его перебить. Я пытался разглядеть командующего, узнать, постоянно моргая от всполохов и взрывов. С разных сторон вспышки заставляли смыкать глаза.

— Нас отправили на зачистку улья. Координаты мой отряд получил от Совета. Мы приступили к выполнению и столкнулись с непреодолимым препятствием.

Теперь же командующий одарил меня взглядом, пусть и коротким. Так он дал понять, чтоб я расшифровал сказанное.

— Огромная гусеница. Мы терпели потери, я приказал отступить, чтоб сохранить хотя бы часть боевого состава.

— Вы вели огонь по гусенице?

— Не помню... — это был честный ответ, я даже сам себе не соврал. В гудящей голове комкались мысли, по итогу всё равно не обретая конкретную форму. Произшедшее напоминало болезненный бред, и мне всё равно пришлось за него отчитываться перед старшим по званию.

Командующий закончил печатать на НОТ-СОУ-СМАРТ, опустил руку и выдохнул. За его плечами батальон Снайперов, они тоже немного расслабились. До этого словно каменные стояли, сжимали винтовки и пялились на меня. Командующий приблизился и взглянул в мои глаза. Что бы он там ни увидел и к каким бы выводам ни пришёл, я ощутил себя крайне уязвимо. Всё прошло ужасно, это я знаю. Просто не представляю — насколько.

— Треть вашего отряда погибла. Двадцать пять процентов суммарно так же отдали свои жизни, чтоб пробиться хотя бы к первым ярусам улья. Соболезную вам, но если бы не рядовые с «Вар», то погибло бы больше. Так что всё не напрасно.

Появившаяся в его голосе радость смущала. Словно жизни, покинувшие тела моих ребят, стоят меньше его личного состава Снайперов. Вот они, целые и невредимые. Ни пылинки на наплечниках. Мой же отряд весь в крови и грязи. Обессиленные, они валяются рядом,

вообще забыв про субординацию и устав.

— Каковы дальнейшие указания?

Я выпрямился по струнке, расправил руки вдоль швов. Как специально на фоне что-то громко рвануло, и груды Плутонского грунта взмыли к раскрасневшемуся небу. Ему будто стыдно, что оно стало свидетелем столь позорного наступления людей. И даже фиолетовая земля порозовела, став чуждой каждому, кто на этой планете родился и вырос.

— Рядовых собирают в новой точке. Три километра отсюда, там вход в улей. Первичная зачистка прошла успешно, именно поэтому течение вашей операции было нарушено. Они не загнали гусениц глубже, они их откровенно выдавили с другой стороны, и ни один скан не поймал сигнатуру столь огромных Анухе. Теперь же мы знаем, с чем столкнулись, и в следующий раз будем готовы.

— Когда сбор?

Командующий усмехнулся над формулировкой моего вопроса.

— Не «когда», а «во сколько». У вас час на сборы и переформирование состава. Батальоны так же должны быть переоборудованы. Приказ Совета и вашего командующего, Жола. Сам он тоже уехал на сбор и присоединится к вам. Так что будете воевать плечом к плечу.

Он, наверное, думал, что меня эти слова приободрят, но всё вышло ровно наоборот. Свалившиеся без ног рядовые, только выползшие из моего обучения, точно не были готовы к повтору недавних событий. Они стонали, некоторые вскрикивали, уснувшие в предоставленные минуты покоя. Думать даже страшно, что придётся всех поднимать против их воли и тащить за собой. Снова на войну, снова рисковать своими хрупкими жизнями в битве против могущественного врага. За время перемирия он набрал силу, пока мы растеряли всё, чему учили предки. Знания поистерлись, опыт стал условной наградой, которую можно было и не заслуживать собственной кровью.

Командующий ушёл, за ним тонкой линией последовал отряд Снайперов. Мы остались одни на этой сопке, если не считать нескольких наземных машин. Задремавшие водители привалились к рулям, команды сопровождения безвольно опирались на шины, тоже падающие в беспокойные сны. Это не лень, это утрата всех сил, что были в запасе. Первый Отсчёт, а мы уже вымотаны. И какой срок прогнозирует там Совет? Когда он говорит, что война будет закончена?

Я принялся один за другим поднимать рядовых на ноги. Они сопротивлялись, некоторые даже отталкивали. Те, что всё-таки встали, принялись помогать. Цепочная реакция привела мой отряд в более-менее боевое состояние. Среди бледных рядовых вижу Габа. Где-то в стороне мелькнул Рэф. Пока не попался на глаза Оре, но я уверен, что и ему удалось выжить. Слишком уж стойкое наитие, чтоб верить в его мучительную гибель. Ещё один взрыв, более одинокий, чем предыдущие, вырвал меня из потной кататонии. Я собрал вокруг себя рядовых и поднялся на камень, чтоб точно все услышали.

— Нас собирают в одну большую армию и отправляют под землю. — Я решил обойтись без лживых пожеланий удачи и воодушевления на пустом месте. Лишь сухие факты, свалившиеся с сухих губ. — Зачистки будут происходить, пока не доберёмся до самых нижних ярусов улья. Жол к нам присоединится, оставшиеся ребята с «Вар» тоже будут там.

— Много померло?

Дерзкий вопрос выскочил из толпы. Как и раньше, я не увидел, кто его задал.

— Много. И ещё больше подохнет, если будем стоять и мусолить ответы.

Я злился, больше не на ребят, а на саму ситуацию, но иного выхода для гнева не нашлось. Я спрыгнул с камня и первым проследовал к транспорту. Гулкие двигатели запустились, сопровождающие забрались в кабины и принялись выстраивать маршрут. Я не стал звать остальных, предоставив им мнимый выбор — присоединиться ко мне добровольно или покинуть поле боя. Конечно, второй вариант не рассматривался, однако юноши должны сами для себя решить, могут ли они двигаться дальше ради общей победы. Даже если Просветителя рядом нет, то его уши есть везде. Это знает каждый рядовой, поэтому никто и слова не проронил, все как один заполнили машины, уселись на места.

Внутри у меня клокотала обида вперемешку с той же бескрайней злостью. Да, руки снова налиты силой. Я вспомнил, как страх порой влияет на мускулы, вот только общий запас быстро иссякал. Если и покажу пример стойкости, то кратковременный, а потом либо буду в последних рядах плестись, или вовсе упаду по пути, так и не увидев Матку Анухе.

Колёса загудели, любимый скрип вновь прозвучал в ушах каждого рядового, что справился сам с собой и добровольно отправился на войну. Некоторое успокоение всё-таки посетило моё сердце, и думать не хочу, что через каких-то полчаса всё встанет на свои прежние места. Атмосфера жужжащей над головой гибелью медленно сводит с ума, в какой-то момент, самый неожиданный, полностью выбивая из колеи адекватности.

В окнах мелькает горизонт, слившийся с небом практически без видимого между ними шва. Солнце продолжает жарить, превращая дохлых Анухе в смердящие костры плоти. Тут и там струи пара вырываются из гусениц, заполняя воздух крайне опасными веществами. Даже после своей смерти насекомые пытаются перетянуть на себя расклад сил, и через многие годы кто-то из них заберёт своё.

Мы приближались к точке сбора. Вижу отдельные батальоны, только что развёрнутые палатки командования. Склады, севший воздушный транспорт. Постоянно кто-то бегает, суетится. Шума не особо много, но ощущения неприятные. Словно мы опоздали, словно наш вклад будет совершенно незначительным, либо абсолютно бесполезным. Я нервно сглотнул вязкую вонючую слюну, опустевший желудок наполнился неприятным вибрирующим урчанием. Остановка слишком резкая, я дёрнулся в сторону, чуть не свалившись с места. Рядовые же с безумными взглядами вжались в свои сидения. Будто боятся быть замеченными.

Створки открылись, мы принялись выбираться наружу, вот только чувства совершенно иные. Рвение пострелять улетучилось без остатка, лишь боль в ногах да стук в висках. Это всё, чем полнятся наши тела. Бездумно мы одной толпой двинулись к палатке с огромной нашивкой базы «Вар». Тут-то я и заметил Оре, он плёлся рядом. Неужели попытается вместе со мной заскочить к командованию и отчитаться?

Не успели мы приблизиться, как к нам вышел Жол. Потный, такой же грязный и вымотанный в первый Отсчёт. Он не сразу узнал нас, хотел уж было пробежать мимо, да вовремя остановился, уставившись как безумный в нашу сторону. Подбежал, отдал честь и встал рядом со мной, собравшим за собой еле живых рядовых. Некоторым не более года назад только исполнилось по восемнадцать лет. Мы ждали, пока он что-нибудь скажет, а он, казалось, ждал чего-то подобного от нас. Вот и стояли молча несколько минут, как батальон дураков, пока вокруг нас во всю силу развёртывалась новая полевая база.

— Мы прибыли с докладом, — я начал первым, — зачистка указанного жёлоба не удалась. Мы покинули участок, чтоб спасти часть состава, и...

Жол махнул на меня рукой, будто бы даже злобно хмыкнув.

— Это неважно.

Что именно неважно? Наш побег или многочисленные смерти среди юношеского состава Пурпурной армии? Либо от недостатка сил, или же в нехватке смелости я так и не задал этот вопрос, в очередной раз проглотив свою гордость. Чин не тот.

— Совет отправил сюда новые модели вооружения. Нам не помешают даже эти огромные Анухе, которые встретились при зачистках. Так что всё хорошо. — Жол будто сам себе не верил, но силился убедить в этом меня и мой еле выживший отряд. — Пока отдохните. Завтра в начале Отсчёта я созову вас на первый этап Зачистки. С него начнётся быстрое движение к победе!

В отличие от меня, Жол всё-таки пустился в наивные попытки приободрить свой состав. Я не обернулся, будучи уверенным, что ни один из рядовых не поверил в его настрой, не наполнился той надеждой, что когда-то щебетала в груди ещё на «Вар». Я отдал честь, всё сделал как надо, не поленился пятки свести и выпрямиться в едином телесном порыве, пусть из каждой поры моей кожи сквозила усталость. Из-за неё я и выглядел как неблагодарный идиот, которого не обрадует никакая новость об увеличении сил армии.

На этом и разошлись, Жол убежал по своим делам, мы же остались как вкопанные. Ни единой мысли, что делать дальше. Я грузно сел на землю, подогнув под себя ноги. Нам не выдали палаток, не выделили место для ночлега. Я б лёг и так, да после подобного сна очнусь в более ужасном состоянии, чем после обморока от беготни по желобам гусениц. Отряд повторил за мной, все как один сгрудились вокруг. Я ощутил себя Просветителем, а сказать нечего, по существу. До кого добрался мой взгляд, тому я кивнул в знак благодарности. Немногие останутся при своём наставнике, если тот не имеет совершенно никакого плана действий. Как самый главный глупец на всём Плутоне, он единственный, кто всё ещё верит в свою важность.

Мимо нас шагали другие батальоны, иные рода войск. Командующие собрались всем составом в палатке поодаль. Там решаются самые важные вопросы на сегодняшний Отсчёт. Или же они там пьют, решив последние часы посвятить разгульному отдыху. Тут я и подумал, что самому тоже не стоит откладывать очевидное. Лучший, в моём понимании, способ отдохнуть — напиться до полной отключки, да поскорее, чтоб к началу призыва быть бодрым и выспавшимся. И никакой жалости, что провёл прошлый вечер впустую, бездумно глядя на дальние горы, покрытые фиолетовой пылью.

— Мы найдём бар.

Удивлённые лица поднялись, кто-то даже привстал, будто прямо сейчас готовый искать выпивку.

— Идёмте со мной.

Все встали как один, чуть ли не синхронно повторив за мной. Я не знаю наверняка, есть ли тут специальное место, будет ли вообще или хотя бы имеется в планах. Я двинулся наугад между строений, доверяя одному лишь чутью. Мы собирали чужие взгляды, порой двигаясь против общего хода других воинов. Я же явственно ощущал, как приближаюсь к своей цели. Совершенно откинув мысли о возможном наказании, или что спаивать личный состав — самая глупая в мире затея, я всё-таки наткнулся на небольшое возведение. Оно спряталось у гаража, где расположились огромные транспортные средства. Завтра они погрузят нас в недра Плутона, а сегодня стоят себе мирно. Отдыхают, как и мы перед заключительным рывком. По мнению Совета, конечно.

Внутри пусто, удивлённый бармен чуть не выронил бутылку. Без этикетки, стекло

покрылось мелкой испариной. Холодный напиток искал хозяина, и я, нервно облизнув губы, рванул к стойке. Автомат повесил подальше за спину, подтянул штаны и водрузил тяжёлые сапоги на специальные платформы. Так затёкшие мышцы отдыхают, позволяя отвлечься на что-то ещё. Мужчина протянул мне бутылку, хотя его смена, скорее всего, ещё не началась. Праздник устроят всё равно, вот только сигнал должен прозвучать от командования. По сути, разрешение Жола я получил, с остальным буду разбираться на ходу. Готов даже взять ответственность за каждого из моего отряда, кто выпьет лишнего.

Глоток так резко провалился к желудку, что неконтролируемая отрыжка тут же выскочила между моих щёк. Я посмеялся сам над собой и выпил ещё. Зашло легче, и сладкое послевкусие осталось на кончике языка. Вокруг меня толпились рядовые. Оголодавшие до алкоголя юноши рвались получить свои порции. На каждого совсем немного, но это точно лучше, чем ничего. Когда большая часть получила по бутылке, я развернулся к остальным и поднял свою. Слова опять же не нужны, да и никто требовать не стал. Рядовые вздёрнули страут кверху. Кто-то слишком резко, и пушистая пена пролилась из нескольких горлышек. Сдавленный мат и ругательства так же были умилительны. Это значит, что их главная проблема на данный момент — залитая страутом обмундировка.

Минуты превращались в часы. Мы общались в едином кругу, хотя лично я больше слушал. Ребята рассказывали друг другу истории со времён обучения, словно познакомились только сейчас. Все смеялись, веселились, чуть охмелевшие от крепкого напитка. Я же чуть пошатывался, сидя на стуле. Заметил, как бар постепенно заполняли другие батальоны. Они удивлённо занимали места у краёв, будто и не рассчитывая, что бармен их заметит. Пока всё хорошо, лишь бы командование резко не прибыло. С ним не расслабишься толком, даже если именно это оно и предложило сделать в приказном тоне. Допив горьковатую пену со дна, я поставил бутылку, поднялся и направился к выходу. Хмельные рядовые пропустили меня без проблем, словно и не заметили.

Я беспрепятственно оказался снаружи, а тут запах иной. Не лучше и не хуже, просто другой. Плотность воздуха, его вкус, наэлектризованность — всё имеет отличия. Я сделал глубокий вдох, услышал бульканья внутри и грузно откашлялся. На фиолетовую почву покапали бордовые точки. Копаясь в лужицу, они расползались тонкими струями, некоторые достигли моих сапог. В приступе омерзения и продолжающегося кашля я отпрянул от быстро сохнущей красной корки. Никто не должен узнать, что она принадлежит мне, поэтому стоит убраться отсюда поскорее.

Чуть придя в себя и наспех вытерев рот с подбородком, я ринулся к палатке Жола. Совершенно не уверен, что там мне найдётся место, но иного варианта не вижу. Возможно, у меня всё лицо в крови, и от этого только сильнее прижимаюсь к земле. Выгляжу так, будто вот-вот сблую, и это тоже лучше. Кажется, что нет ничего постыднее, чем Плутонский свиш в твоих лёгких.

Вот и палатка. Я запрыгнул внутрь, тут никого не оказалось. С резко нахлынувшей любовью к судьбе я завалился на дальнюю лежанку, скорее всего принадлежащую самому Жолу. Если надо будет, так разбудит, а пока буду отдыхать. Впереди много дел, и не стоит грузить себя стыдом за всякие мелочи. Я так считаю...

Несколько минут с открытыми глазами. Судя по НОТ-СОУ-СМАРТ, новый Отсчёт уж начался, а я всё пялился в одну точку. Лежу на прежнем месте, подогнув колени к груди. Вчерашняя лежанка словно стала меньше, и в ней откровенно тесно. Не могу размяться, вытянуться в полный рост, а каждое движение приводит к мерзкому скрипу. Чуть верчу головой, вспоминая, правда ли я на войне, или просто не могу узнать свою коморку на базе.

Жол дремлет на стуле. Видимо, решил не тревожить своего спящего помощника, пусть и улёгшегося не на своё место. Юноша дёргается в беспокойном сне, постоянно стонет и скрипит челюстями. Слышу это даже поверх шума снаружи. Звуки суеты, военных сборов. Скрежет колёс и вращающиеся лопасти FB91. За нами ещё не пришли, чтоб за руку поднять и вывести из палатки, и это значит, что можно ещё подремать. Казалось, я сомкнул веки всего на момент, но вот передо мной кто-то из ребят рядовых. Сразу не узнал, поэтому дал себе несколько секунд на размышления. Затем встал, ощущая, как бедный позвоночник совсем окаменел, аж копчик болит да в задницу отдаёт.

— Доброе утро, Нис.

Голос Жола прозвучал из толпы, откуда-то у выхода. Палатку распахнули, и запах высушенной пыли Плутона постепенно заполнил всё вокруг. Я молча надел автомат, проверил костюм, ПП и клинок. Связал НОТ-СОУ-СМАРТ с показателями каждого из них направился наружу. Прошёл мимо Жола, отдал ему честь и погрузился в еле терпимый гам. Очень похоже на похмелье от страута, а ещё вокруг меня и правда громыхало всё, что могло греметь.

Батальоны формировались неподалёку, оружейники еле успевали опустошать очереди за автоматами. Командующие, в том числе и тот, что встретил нас на выходе из жёлоба, раздавали инструкции собравшимся отрядам всех видов войск. Машины постепенно разъезжались в разные стороны, один из конвоев направился в ближайшую пещеру и там пропал в густейшей тьме, забрав с собой и рёв двигателей. Мой отряд выглядел выспавшимся, но точно уменьшенным в количестве. Я обернулся к Жолу, тот поглядывал то на меня, то на экран своего НОТ-СОУ-СМАРТ, будто бы боясь, что я начну его о чём-то расспрашивать.

— Нас уже оформили. Я поведу нас в соседний жёлоб. Координаты на всякий случай продублировал тебе и двум инструкторам, они останутся снаружи. С собой нам дали тридцать рядовых, советую тебе выбрать для каждой десятки по ефрейтору, чтоб разделить обязанности.

Я со вспотевшим лицом обернулся к поредевшему отряду, выискивая всё те же лица. Не веря удаче, словил на себе взгляды Габа, Оре и Рэфа. Они, словно понимая всё без слов, молча выступили вперёд, хотя до этого момента ни одному из них ни намёком не давал знать, что выделяю их среди остального состава. Никто не прокомментировал в том или ином виде, когда троицу отличившихся ещё на «Вар» я назначил ефрейторами и выделил каждому по личному отряду. Мы делились как могли, чтоб каждое звено отвечало за меньшее количество задач. Так всё выглядит более устойчивым, и вера в удачный исход приятно заполнила грудную клетку.

Знакомый силуэт заставил съёжиться, тёплые ощущения в теле быстро растворились. Его бледное лицо не изменилось даже в солнечном свете, покинувшее холодные лучи

больничного крыла военной базы. Тощее тело быстро вышагивало в нашу сторону. Полы халата развевались на лёгком ветру, сливаясь с фиолетовыми частичками грунта Плутона. За его плечами массивный рюкзак, наполненный самой разной наркотой, лишь бы погибающий либо забыл о боли, либо безболезненно умер. Лекарь выглядел так, словно направлялся лично ко мне. Поближе, чтоб я точно услышал, как он всем даст знать — у меня в груди смертельная болезнь, и мне нельзя нести почётную службу в рядах Пурпурной армии. Сердце замерло, когда он встал между мной и Жолом, уставился в глаза и мрачно улыбнулся, чуть обнажив длинные зубы, чуть вырвавшиеся корнями за пределы подсохших дёсен.

Он словно наслаждался тем вниманием, которое вокруг себя собрал. Рядовые удивлённо изучали его аппаратуру, мерно гудящую и сверкающую зелёным. Живительные жидкости постоянно в процессе синтеза, лишь бы не загустели и не растеряли свойств. От их вида фантомно тошнит, ведь я отлично помню, как корчились мои сослуживцы. Сначала боль уходит, её быстро заменяет ломка по наркотику. Его разработали ещё на Венере, чтоб поднимать на ноги самых, казалось бы, безнадёжных бойцов. С тех пор формула изменилась, как и воздействие. Борьба со своим телом прекращается, начинается жесточайшая битва с разумом, желающим во что бы то ни стало заслужить хотя бы каплю раствора. С ним уходят плохие мысли, с ним боль превращается в лёгкую щекотку, от которой и кончить незазорно. Лучше уж сдохнуть, чем стать заложником Лекарей.

— Меня зовут Сэл. Я буду сопровождать ваш отряд при спуске к Матке Анухе. — Лекарь словами обращался к Жолу, но всё так же стоял к нему спиной. — Я буду следить за показателями здоровья отряда и поднимать в строй тех, кто ещё способен нести службу. Остальные же по желанию могут получить летальную дозу Экса.

На моей памяти никто не соглашался на Экс даже в самый жуткий момент. Когда смерть теребит за пальцы ног, всё равно хочется пожить чуть-чуть дольше, или же попытаться дотянуть до спасения. Что раньше было синтетической дурью, теперь стало избавлением от ответственности, и я до сих пор искренне удивляюсь, что на это культ Троебожия дал благословение. Якобы смерть через Экс и длань Лекарей позволяет попасть в высший мир. Я вижу в этом лицемерие и лень.

— Тридцатиминутная готовность. — Жол еле протиснулся перед Лекарем, тот намеренно не сдвинулся с места, даже когда официально старший по званию пожелал выступить перед своим отрядом. — Проверьте боезапас, обновите ПО своих НОТ-СОУ СМАРТ. Ефрейторы обязаны создать отдельную линию связи со Сканировщиками. Ключи шифрования и алгоритмы я вам так же вышлю. Займитесь этим в первую очередь. Сбор у жёлоба, там будет транспорт с номером «515». Без опозданий, ждать никого не будут. Всем удачи.

На этом Жол покинул нас, пропав в толпах вокруг. Мы остались сами по себе, Лекарь так же словно растворился в воздухе, оставив после себя нотки медицинского отсека. Вездесущий запах спирта, он проследует за своим главным носителем длинным хвостом, в котором лучше не находиться слишком долго, а то глаза буквально окосеют.

Ребята приблизились ко мне, троица повышенных в звании прилипла к своим экранам. Они переговаривались друг с другом, постоянно что-то сверяли и высчитывали. Подошли к приказу слишком ответственно. Лишь бы не забыли, что им тоже придётся периодически стрелять по гусеницам.

— Двигаемся к транспорту. Не будем оттягивать момент.

Рядовые последовали за мной. Пришлось хлопнуть по плечу Габа, чтоб хоть один из них

заметил, что мы уходим. Я провёл отряд к пещере, Солнце лучами пыталось вклиниться в её тьму, но получалось плохо. Подземные ходы быстро сужались, это поначалу сильно замедляло ход зачистки. Думаю, утренний шум ещё состоял из звуков буровых установок. Вижу на сводах жёлоба зазубрины, каменная крошка ещё не унесена ветром. Всё это — только начало, и представить страшно, сколько ждёт впереди.

Лекарь присоединился к нам, благо, лишённый той жуткой ухмылки, которую до этого таскал на своём лице. Волнения в нём ноль, тощий мужчина спокойно проверяет свою экипировку и делает вид, что находится здесь один. Что-то бурчит себе под нос и длинными костлявыми пальцами постоянно заносит данные на НОТ-СОУ-СМАРТ.

Вижу Жола, рядом с ним, размываясь в мареве нагретой земли, шагает Просветитель. Будто мне не хватило Лекаря, так ещё и представитель культа будет дышать в затылок. Я не мог ни на что другое смотреть, хотя кто-то произнёс моё имя среди отряда. Просветитель тот же, что был на базе. Узнаю её кольцо в бороде и слишком осмысленный взгляд, прожигающий твою кожу насквозь. Механический глаз всё ближе, с явной чёрной точкой в середине. Он видит мои мысли и идёт ко мне, чтобы...

— Отряд! Прошу внимания!

Жол ещё на подходе взял слово. К нему обернулись все без исключения, и даже своевольный Лекарь, с недовольным выдохом отвлекшийся от своей аппаратуры.

— Поприветствуйте Просветителя! Он спустится с нами на несколько ярусов, он одарит благословением и проследит, чтоб всё выполнялось в соответствии со Сводом и учением Троебожия. Вы должны...

Жола прервали. Просветитель поднял ладонь, на которой с внутренней стороны вытатуировано само Троебожие. Культ утверждает, что оно выглядит именно так — три огромные головы, непохожие на человеческие. Механика смешалась с божественной силой, паря над металлической платформой. Три стороны, слившиеся в одну энергию, эта энергия живёт в каждом из людей на Плутоне. И всевидящий глаз на самой верхушке божества. При виде этого символа у меня в горле пересохло, ведь обычно его видят те, кого признали Еретиком и вскоре отправят в изгнание.

— Благословляю вас, дети культа. — Голос Просветителя пробил серную пробку в моих ушах. — Несите силу человечества сквозь камень и тела павших гусениц!

Он опустил свою ладонь, и дышать стало легче, словно до этого мои лёгкие сжимали раскалёнными щипцами. Даже его механический глаз сбавил обороты, до этого сканирующий наши самые потаённые мысли. На секунду я поверил, что присутствие Просветителя только поможет нам, однако затем быстро вспомнил, зачем он с нами на самом деле. В таком узком пространстве, как пещера насекомых, от исполнителя воли культа не сбежишь, а если хватит глупости и всё-таки попытаешься, то мигом признают Еретиком. В условиях войны и во время проведения боевых операций таких убивают на месте, не позволяя попробовать выжить за пределами Городов.

Жол скомандовал распределяться по машинам. Водители заняли свои места и приступили к прогреву двигателей. Машины чуть затряслись, поднимая под своими металлическими животами клубы мелкой пыли. Ефрейторы оказались отделены друг от друга, я же попал в один отсек с Рэфом. Тот сильно волновался, я видел на его экране тайный чат с Габом и Оре. Ребята создали свою маленькую коалицию, чем меня только порадовали. Наличие военного братства сильно помогает, и следует использовать любую возможность оставаться в благоразумии перед жерновами войны.

К сожалению Лекарь и Просветитель тоже оказались рядом. При этом второй сел ровно напротив меня. Пусть и не скользит своим глазом по телу, но всё равно будто водит пальцами по моей душе. И без того я слабо ощущаю её присутствие, так ещё будто бы её остатки у меня забирают насильно. Я опустил глаза в пол, а там мои ботинки. Измазаны слизью Анухе. Она перемешалась с грунтом Плутона. Я постепенно тонул в боевых действиях, и скоро колени окажутся погружены. Уверен, всё закончится, когда эта богомерзкая грязь доберётся до моей шеи. К тому моменту точно перестану дышать. Что от усталости, что от Плутонского свища.

Мы двинулись во тьму. Так же, как и отряды до нас. В те разы я провожал их взглядом, сейчас сам погружался во мрак насекомых, где Солнечный свет никогда не проливался на каменные своды. Где гусеницы росли и превращались в чудовищ. Где буквально вчера погибли сотни и тысячи моих Сограждан. Внутри транспорта включили освещение, тонкие линии загорелись под ногами, над головой всего одна лампочка, и та дребезжит от тряски. Буры проделали достаточно широкие проходы в земле, но вот двигались они хаотично, лишь бы побыстрее попасть в гроты кладок. Я что есть сил до боли в костяшках схватился за поручни, нас неимоверно трясло. Один Просветитель сидел спокойно, словно Троебожие одарило его устойчивостью к законам физики. Недвижимый, изваянный из того же камня, что сделаны своды этих желобов. Глаза он закрыл, ладонь прижал к ладони, тихо молясь за себя. И за нас, наверное.

Спуск не был долгим. По радиосвязи из кабины сообщили, что дальше хода нет. Буры не пробивались сквозь особо плотные камни, и придётся идти пешком. Нас выгрузили ещё быстрее, чем запустили. Оставив облако подземной пыли, транспорт укатил обратно на поверхность. Свет фар, до этого дававший ещё и тепло, покинул грунтовую кишку. Личные фонарики рядовых зажглись практически одновременно. Это выглядело жалко, словно мы пытаемся копировать Солнце, при этом всё время находясь в тени.

Просветитель встал позади, на скате. Жол первым шагнул под камни, сваленные в кучу. Пришлось пригнуться, чтоб проследовать за ним. Метров десять в согнутом состоянии, и мы выбрались к огромной пустоте. На потолке мелькали кружки света, такие маленькие, что не заметишь, если специально не приглядишься. Перед нами спуск, рядовые рассредоточились по периметру и вбили тросы. Постепенно начали снижение, разделившись на три равные группы. Пока Габ, Рэф и Оре отлично справлялись, но я всё волновался. В том числе из-за Просветителя, который словно специально всегда держится за спиной, вне твоего взгляда. Наблюдает, судит, записывает и отправляет в Совет.

Спустившись к самому дну, мы захлюпали по тонкому слою воды. Тут стало куда холоднее, даже пар изо рта пошёл, от чего фонарики запотевали, рассеивая и без того слабый свет. Жол направлял нас, Лекарь следовал рядом с ним. Группы рядовых снова слились в один батальон. По приказу своих ефрейторов они перевели автоматы в боевой режим, предварительно поставили последние ступени предохранителей. Как по методичке, и ступают аккуратно, в такт друг другу, чтоб производить меньше шума. Даже при условии, что от Сканировщиков не было информации о полчищах Анухе, расположившихся на этих местностях, необходимо соблюдать тишину. Мы должны первыми заметить насекомых, иначе и самая трусливая самка сможет подать сигнал тревоги, а на него сбегутся уже одичавшие самцы. Представить сложно, насколько будет разъярена гусеница, узнавшая, что мы вторглись на территорию её кладки. Они даже пещеры защищали с особой жестокостью, а тут речь пойдёт про потомство.

Я постепенно замерзал, мы двигались крайне медленно. Таков приказ Жола, и он знает, куда нас вести, тем не менее всё равно не спешит. У меня заledenели пальцы ног, мускулы словно заржавели. Неприятное томление соединило желудок и голову, посылая взаимные отвратные сигналы от одного органа к другому. Так хочется стрельбы, даже если та может стать последним, что услышу в жизни. Не голос супруги, не гимн пурпурной армии. Нет, только всполохи огня и крики сослуживцев. Что восторженные, что молящие о помощи.

Свод над нашими головами превратился в низкий потолок. Пришлось сгрудиться и растянуться в длинную линию. Три штуки, в самом начале по-прежнему Жол, его следы повторяет Лекарь. Затем Оре с отрядом, Рэф в середине. Габ абсолютно спокойно шагает в этом склизком проходе, с которого тянутся длинные полосы смазки насекомых. Въедчивая, ядовитая, но она всё равно не пугает этого юношу. Я иду рядом с ним и не понимаю, как он сохраняет подобный настрой. И вряд ли его беспокоит присутствие Просветителя, который замыкает наш строй и буравит мне спину. Ощущается именно так, чуть ли не на каждом шагу передёргивает, словно кто-то постоянно тычет пальцами мне между лопаток да подгоняет.

Все замерли, Жол дал приказ остановиться. Я поднял к уставшим глазам НОТ-СОУ-СМАРТ. Его резкий свет чуть не выжег мне сетчатку, пришлось убавить яркость. Прибыли данные о местоположении гусениц и их численности. В километре от нас расположилась ещё одна почвенная пустота, там обнаружили относительно свежую кладку. Это значит, что самцы там будут точно, защищающие остатки яиц от нашего наступления. Приказы ефрейторам продублировали и мне. От юношей потребовалось закрыть проход за нами и обеспечить защиту флангов, чтоб не допустить прорыва Анухе в тылы.

Мы двинулись прямо к кладке, наконец-то ускорившись. Я периодически поскальзывался на склизком полу, порой для равновесия хватаясь за плечо какого-нибудь рядового. Ребята так же еле держались стоя, при этом всё равно бежали как могли, сохраняя строй и скорость шага. Мерный топот приближал нас к кладке, а звучали мы как совсем маленькая группа заплутавших солдат. Минуты пролетели слишком быстро, не успел я перекинуть мысли от Просветителя к гусеницам. Более разреженный воздух встретил вместе с пустым пространством. Светящиеся яйца пускали зайчиков к потолку, с которого свисали дремлющие самки. Они тихо похрапывали, характерно вибрируя и пуская особые волны своему потомству, чтоб то спокойно спало и набиралось сил.

Отряд Габа занял середину, подразделения Рэфа и Оре расположились по разные стороны от Жола, вышедшего вперёд. Он приступил к более тщательному сканированию местности, получая данные о точном количестве гусениц всех возрастов. Собрав всю необходимую информацию, командующий связался с нами по НОТ-СОУ-СМАРТ.

— Огонь по моему приказу. Габ — берёшь середину. Рэф и Оре — прикрываете фланги и следите за насекомыми, что могут напасть сверху. Нис?

— Здесь.

Я не сразу смочил губы слюной, чтоб те хотя бы отлипли друг от друга. Слишком долго молчал, предоставленный себе одному.

— Стой рядом и отслеживай самцов. Даже при намёке на их появление сразу сигнализируй Габу. Если не хватит стрелковой мощи его отряда, то прибавим Рэфа. За ним — Оре.

— Так точно.

Даже после такого Габ не зарделся, на его лице не просквозила самодовольная ухмылка. Юноша лишь еле заметно встрепенулся и вскинул автомат к плечу, заняв прочную боевую

стойку. В его прицел попало несколько самок на дальней стороне пещеры. Их спинки переливаются бирюзовым, от чего жирных насекомых отлично видно даже с большого расстояния.

Приказы отданы, время застыло в ожидании отмашки командующего. Жол поднял руку, перед этим встретившись взглядом с Просветителем. Получив одобрение представителя культа и, соответственно, Троебожия, Жол приказал открыть стрельбу. Первые выстрелы опять ослепили, и мне стало стыдно за себя самого. Что ни стычка, то проблемы. Слух подведёт, глаза машинально закроются. Ноги подвернутся, руки опустятся от веса автомата. Типичный неликвид, я б такому и ПШ не доверил.

Отряд Габа отлично справлялся с задачей. Словно для юноши выбрали самых метких рядовых. Те практически без промаха сбивали самок со всех сторон. Не успевая поднять тревогу, гусеницы заливали землю своими внутренностями, кладка шипела, разъедаемая слизью своих родителей. Где-то скорлупа трескалась, и мерзкое, не до конца сформированное существо, выглядывало наружу. Тонкое, словно позвоночник человека обтянули дряблой кожей. Огромная голова болтается, издавая противнейший писк. И так сотни яиц открылись, превратив пол под нами в живое колосющееся поле из булькающей плоти.

Не прекращая стрельбу, Габ попутно корректировал направление огневого давления. Зачистив местность от взрослых гусениц, юноша полностью сконцентрировался на кладке, поливая выстрелами оставшиеся яйца. В этот момент к нему подскочил Жол и чуть за руку не схватил, но вовремя одумался.

— Что ты делаешь? Приказ заключался только в уничтожении взрослых особей!

— Так кладка ими и станет, если её не уничтожить прямо сейчас!

Габ впервые показал свои эмоции. Ему пришлось опустить автомат и прекратить стрельбу, за ним повторил отряд, точно копирующий его действия.

— Не выдумывай на ходу! Действуем ровно по предписаниям Совета!

— Если так поступим, то через двадцать лет я окажусь на месте Ниса.

Упоминание моего имени подействовало как самая сильная на планете оплеуха. Я уж хотел было шагнуть к разозлившемуся командующему и взбунтовавшемуся рядовому, как на моё плечо легла костлявая ладонь. Лекарь остановил меня, помотал головой. Его морщины выдавали не только бесконечную усталость, ещё военный опыт. Я решил остаться на месте, хотя сам когда-то повёл себя в точности, как Габ. Лишь бы тому хватило ума не стрелять в своего командующего.

— Послушай меня! Больше повторять не буду, — слова Жола сочлились гневом. Самым жёстким, что только можно придумать. Он шипел сквозь зубы, мельком оглядываясь на Просветителя. А тот как стоял, так и стоит на своём месте, защищённый несколькими рядами солдат, — приказ не обсуждается. Экономим боезапас, кладку оставляем как есть и двигаемся дальше. У нас не так много...

Времени? Патронов? Заряда автоматов? Мы не узнали, чем особенно сильно дорожит Жол. Его перебил треск камня. Слева, со стороны отряда Оре, сквозь почву прогрызся один из самцов. Точно такой же, который выгнал нас вчера из жёлоба. Гигантское скрежещущее насекомое рвануло к нам, грузно свалившись с высоты нескольких метров. Десятки ножек несли тело, мандибулы щёлкали на уровне с нашим залпом. Весь отряд направил свой огонь в одну сторону.

Как выяснилось, автоматы и правда были улучшены. Не успел огромный Анухе

добраться хотя бы до одного из нас, как его слюнявая зубастая пасть превратилась в огромную склизкую дыру. Тормозной путь пробуравил в земле борозду, гусеница застыла у наших ног, прекратив любое движение. Усики не дрожали, складки не сокращались. Любые признаки жизни покинули железное тело, и только в этот момент я смог выдохнуть, готовый провалиться в безвоздушный обморок.

— Всё внимание на стены и потолок! Забыли о кладке! Полный боевой режим!

Все тридцать рядовых заняли уверенные стойки. К моему огромному удивлению даже Просветитель достал оружие, вот только его предназначалось сугубо для ближнего боя. Массивная секира, до этого прятавшаяся за плащом в сложенном виде, раскалилась добела. Такая разрубит любую гусеницу, вообще не ощутив препятствий. Перед мощью представителя культа и правда стоит преклонить колена, ведь немалая сила нужна только для удержания подобной махины в руках, не говоря уже о том, чтоб иметь смелость ею размахивать.

Просветитель занял тыл, осветив узкий проход за нашими спинами своей секирой. Лекарь вынул ПП. Короткоствольный и скорострельный. Огромный разброс, но высочайшая скорость стрельбы. На средней дистанции превратит в фарш скопище гусениц, если те вообще сподобятся доползти через плотный огонь рядовых. Лишь бы их количества хватило, а дальше уже соединимся с другими отрядами, попутно пересекаясь с траекториями Бомбардиров, заваливающих проверенные отходные пути гусениц.

Вдалеке, где недавно светились самки Анухе, с оглушительным грохотом возникли две новые дырки. Самцы насекомых, обозлённые на нашу наглость, готовы положить свои жизни, но отомстить за гибель насекомого молодняка. Они ринулись по разные стороны пещеры, быстро минуя обваленные камни и неровности сводов. Стрельба единым порывом наполнила воздух, тот сразу начал пахнуть электричеством. Даже отрастающая щетина вздыбилась, я машинально поднял автомат, прижал палец к спусковому крючку. Правда ли готов убивать даже спустя столько времени? Спустя годы мирной жизни с Анухе? Я же когда-то спал с такой же...

Выстрел, второй. Потом уже не считаешь, лишь стараешься не перегревать автомат и следить за уровнем заряда, чтоб не остаться в дураках. И вновь самцы пали, вообще без шансов оставшись далеко на подступе к нашим позициям. Тишина подарила время на вдох и выдох. Пусть в груди булькает, но мне нужен воздух. Дрожь в пальцах нервирует, плечи устали слишком быстро, я не рассчитывал пока выходить из строя и восстанавливать силы где-то в стороне.

Жол поднял руку, когда предварительное сканирование было проведено лично им и Лекарем, вставшим на позицию поддержки. Стрельба прекращена, а кладка ещё цела. Будь моя воля, я или сам кинул бы гранату, или вложил бы её в руки Габа. Он заслужил добить каждую гусеницу, что мы встретили и встретим на пути.

— Сигнатура крайне плотная, но удалённость просчитать не могу. Мешают слишком толстые слои породы. Оре!

— Да?

Юноша тут же подпрыгнул к командующему, за какими-то непонятными целями это же сделал и Рэф, словно внимание, обращённое от командующего *не* к нему, кольнуло ревностью под самые рёбра. Жол взглянул на того с недоумением, однако всё равно поделился самой свежей информацией. Копия отправилась и мне.

«От двадцати до сорока взрослых самцов направляются в нашу сторону. Предварительно

с той же стороны, откуда прорвались предыдущие две гусеницы. Совет приказал удерживать территорию и не заходить дальше до прибытия поддержки, если таковая вообще успеет явиться. Запрос отправлен в Совет, ближайшая группа приняла сигнал, однако не дала ответ. Ждём и отстреливаемся»

И опять тишина, даже тьма словно стала гуще. Фонарики потускнели, желтоватые кружочки сгрудились у наших ног. Рядовые производили перезарядку, воспользовавшись заминкой насекомых. Жол, Рэф и Оре беспрестанно отслеживали сигнатуру Анухе. Один Габ стоял на краю склона и вглядывался на кладку. Слизь дохлых самок прожгла почву и впиталась, снаружи остались целые яйца. Они не давали юноше покоя, взывая к самым потаённым страхам в его душе.

— Тревога! Гусеницы в сотне метров!

Я вздрогнул, даже Жол не ожидал, что крикнет настолько громко. Эхо его голоса отразилось от влажных стен и загнало двух ефрейторов на свои прежние позиции. Третий остался на месте, на той же линии, что главнокомандующий. Лишь бы не брал на себя лишнего, а так Габ — прекрасный рядовой. Один из лучших среди всех, кого я когда-либо встречал.

Гул донёсся до меня одновременно с приказом главнокомандующего. Я не сразу поверил глазам, ведь прямо перед нами обвалилась целая стена. Слившись в единый поток пульсирующего мяса, стадо грозных Анухе вывалилось из жёлоба. Гурьба не сразу поднялась на лапки, чем подарила нам несколько секунд преимущества, а мы этим и воспользовались.

Несколько гранат улетели под лапки ближайшим Анухе. Те взорвались на такое количество ошмётков, что полупрозрачная завеса скакнула выше наших голов, закрыв подступающих насекомых. Те не сразу сориентировались, поэтому попали под моментальный обстрел. Три отряда в едином порыве, идеально вспомнив учения, сменяли друг друга во избежание перегрева и заминок с перезарядкой. Бесконечный поток уничтожал гусениц, не успевали те хотя бы по кладке пробежать. Они визжали и рычали, вместе с ними заголосил и Габ, утонувший в боевом кураже. Его стрельба снизилась по эффективности, он стал больше промахиваться, портя тем самым свою статистику. Продолжит в том же духе, так вполне рискнёт лишиться статуса, предварительно вступив в спор с командованием.

Помочь бы ему остудить пыл, да ведь сам был таким же. Если это цена выживания, пусть и с попутными потерями здоровья, то пускай по нему и следует. Вполне возможно, что это единственный способ не подохнуть в самом начале войны.

— Внимание налево! Ещё одно стадо!

Голос Жола полнился срывом, вот-вот и охрипнет, от чего так же понесёт потери в авторитете. Неуслышанный главнокомандующий — бесполезный главнокомандующий. Такого незачем проигнорировать, а сообщениями на НОТ-СОУ-СМАРТ может удавиться. Настоящему рядовому нет смысла постоянно пялиться в экран, ведь у него есть дела куда важнее этого.

Тут и вторая стена обвалилась, рассеяв наше внимание. Я приказал Оре сконцентрироваться на новой порции гусениц, Рэф пусть добивает оставшихся. Нервно дёрнувшись и резко отвернувшись от меня, Рэф сменил позиции, утянув за собой и свой отряд. Они образовали зазор между двумя группами рядовых, который пришлось заполнить мне с Лекарем. наших сил не хватит, если прискачет третье скопище насекомых, и заслон рядовых треснет. Тогда всей веры Просветителя окажется недостаточно, чтоб спасти наши тела, а за души будем бояться после.

Габ чуть поубавил в прыти, стал больше целиться, чем успокоил меня и Жола, который и без того утрачивал всякую власть в батальоне. Первое стадо Анухе перебили. Собравшись в дугу, изничтожили и второе. Когда последняя в эту минуту гусеница подохла, залил кладку так, что не разглядишь ни единого яйца, тогда несколько рядовых в бессилии свалились на колени. Никто не стал их тут же поднимать, и сам Просветитель не проронил ни слова, обязанный своей сохранностью именно этим молодым солдатам. Жол опустил дуло, склонил голову. Габ наоборот запрокинул лицо к потолку и изогнулся назад.

— Наденьте респираторы!

Я видел, как пары расчленённых насекомых заполняли пещеру, превращая лёгкие всех, кто здесь собрался, в тонкую ткань с кучей дыр. Поэтому и отдал самолично подобный приказ. Когда вернёмся на поверхность, все они будут кашлять с кровью, пренебрегшие защитой дыхательных путей в какой-то момент, так пусть хотя бы сейчас позаботятся о будущем. Вдруг, это подарит им несколько дополнительных лет жизни? Если мы победим, то в этом и правда будет огромный смысл. Я успокоился, когда все последовали моему совету, который приказом можно назвать с натяжкой.

На HOT-SOУ-SМАРТ пришло два сообщения. Никто из рядовых его не получил. Вздёрнули руки к глазам лишь ефрейторы и командующие. Я боялся читать, по итогу всё равно глазами уставившись в буквы. Ещё краешком заметил их содержание, страх нитью пробил мошонку, холодом распространившись на весь пах.

«Соседней группой зачистки принят запрос о помощи»

«Многочисленное стадо мчится к нашим позициям»

При условии, что Разведка снаружи не ошиблась, это скопище из шестидесяти особей. По коэффициентам успешности операции мы резко остались на проигравшей стороне, и если подмога не успеет, то подобное количество гусениц с лёгкостью превратит нас в пищу для своих будущих поколений. Или же мы станем самой почётной кучей насекомого дерьма. Отсчёт пошёл на минуты, кто быстрее достигнет наши позиции — помощь или Анухе. Уверен, их послала сама Матка, лишь бы мы не продвинулись дальше этого клочка земли.

— Ещё один рывок! Занять позиции! Стоим плотнее! — Жол всё ещё держался, однако голос практически сдал.

И никто его не послушался, все без исключения сделали ровно то, что было приказано. Даже Габ, близкий к бунту, прижался поближе к своему отряду в середине дуги батальона. Просветитель облил наши спины специальной жидкостью. Лекарь распылил в воздухе Экс. Низкая концентрация не вызовет зависимости, впитываемая через слизистую в носу наркота отрезвляет слишком резко. Потом не помнишь минут двадцать из своей жизни, если вообще будет чем вспоминать. Рядовой без головы — рядовой без памяти.

Две сигнатуры настигали наши позиции справа и слева. Одна — помощь от рядовых. Другая — огромное стадо обзлётных Анухе. Ни одна из них не была дальше или ближе. Гонка силилась превратиться в ничью, а что случится в грядущий момент, известно только Троебожию. Мы приготовились, расставили приоритеты. Дула подняты, предохранители сняты. Земля под ногами дрожит, камушки подскакивают от тряски. С секунды на секунду ещё одна стена раскрошится, а за ней — животная ярость. Самая чистая и бесконечная, в полном объёме она обрушится на наши головы. За всё, что мы сделали и сделаем. За то, что совершили наши предки.

Мгновение безмолвия, оно всегда повторяется в одном и том же виде. Затишье перед

оглушающим грохотом. Ещё больший кусок пещеры содрогнулся, и я поначалу решил, что это сама тьма обрушилась на моё лицо. Затем наши фонарики заскользили по светящимся спинкам Анухе. В этот раз они предстали в более организованном виде. Три самца обвалили камни и тут же убрались с пути. За ними несколько рядов насекомых с сохранением прежней скорости чуть ли не на лету помчались к нам.

— Огонь!

Тут голос Жола и сорвался, а это последнее, что от него сейчас потребовалось. Синхронный залп окрасил своды пещеры в бирюзовый, жёлтые спинки гусениц тут же заблестели, что упростило их отстрел. Блядские насекомые словно учили прошлые ошибки и не стали слепляться в одну кучу. Вместо этого подохшие особи выстраивали собой мостик к нашим позициям, а другие части стада рвались со всей силы. Я увидел, как некоторые рядовые дрогнули, хотя по итогу остались на месте. Не прекратили огонь, вот только ребячьи мысли точно посетила идея сбежать прямо сейчас. Думаю, присутствие Просветителя их остановило. Всё остальное вряд ли помогло бы справиться с тем ужасом, что вытек под эти каменные своды.

А гусеницы всё ближе. Их слюнявые пасти светятся в лучах наших фонариков. Туда направлена часть выстрелов, склизкие нити разлетаются кто куда. Рык Анухе раздаётся словно у самых моих ушей, перекрывая звон битвы. Я паляю практически без перерыва, боясь быть сожранным таким ужасным способом. Не могу не представлять, как в тело впиваются клыки огромной гусеницы и перемалывают мои кости, пока я в агонии не могу даже в обморок упасть. Экс действует, впитывается через кожу и нос, но этого мало. Страх вязкой жидкостью наполняет мои мышцы, они мякнут, с каждой секундой всё серьёзнее грозясь отключиться.

Габ взял на себя командование вместо охрипшего Жола. Он растянул наши ряды, от чего боевой периметр увеличился. С ним выросли риски проиграть, однако также подскочили шансы выжить. И опять всё пятьдесят на пятьдесят. Рэф прекратил стрельбу, вместо этого сконцентрировавшись на управлении своим отрядом. Он руководил каждым по отдельности, следил, чтоб смена происходила незамедлительно, и стрельба шла без перерывов. Оре в свою очередь не стал менять строй, оставив всё как есть. Не желая выслуживаться и думая только о своём личном деле, он самыми меткими выстрелами убивал одну Анухе за другой. Те падали от его настойчивости, мы сохраняли расстояние между нами и полчищем гусениц. И где там подмога?

Я опустил автомат, больше не в силах его удерживать. Вместо этого прижал к слезящимся глазам экран НОТ-СОУ-СМАРТ. Точка подмоги застыла метрах в тридцати от нас. Видимо, другая группа зачистки встретила тупик по пути. Будет прорываться бомбами или искать обход — уже не так важно. Всё равно они опаздывают, и не стоит на них особо рассчитывать. Я чуть ли не со стоном вскинул оружие и вернулся к стрельбе. Не могу прогнать дурные мысли, ощущение близкой смерти портит кровь. Она от этого кипит, заполняет страхом мозг. Сердце колотится как взбесившееся, стуки в грудь только сильнее распалывают свищ. Я гибну прямо на своих глазах, это физически больно осознавать.

Резкий шум вытолкнул мысли из моей головы. Более плотный заслон гусениц выскочил из образовавшегося жёлоба. Они прытко обошли трупы своих собратьев и устремились по сводам пещеры. Тут наша стрельба пошла прахом. Отсутствие точных указаний разбило линии огня на несколько неорганизованных групп, от чего одна гусеница превратилась в решето, а другая практически без урона прыгнула прямо на нас. Бедолага рядовой даже не

сумел понять, что произошло. На него свалилась огромная мясистая туша. Раздавленный в лепёшку юноша забрызгал кровью всех ближайших ребят, и те аж закрыли лица руками, забыв, что жизненно необходимо продолжать стрельбу.

Второго рядового гусеница заглотила наполовину. Ноги болтались, быстро заливаемые багровой густотой. Линии кишок свалились к нашим ботинкам, а крик, отталкиваемый от стенок горла гусеницы, добрался до нас уколом леденящего ужаса. Он принялся распространяться дальше, один за другим рядовые прекращали стрельбу, моментально снижая наши шансы выжить. Я бросил гранату в приближающуюся толпу насекомых и сосредоточился на ближайшей гусенице. Она уже проглотила рядового, выплюнула наружу порцию вязкой слюны и автомат. Затем схватила передними короткими лапками ещё одного. Вместо того, чтоб впиться в него зубами и сожрать, насекомое пробило бедолагу насквозь шипами своих ножек. Молодой парень кричал, пока кровь не заполнила его лёгкие до краёв. Под ним образовалась блестящая лужа, быстро сворачивающаяся от жара нашей пальбы.

— Добиваем эту! Смыкаем ряды! Гранаты на стадо!

Я кричал первое, что приходило в голову. Меньше слов — больше смысла. Хотелось ни в коем случае не позволить гусенице проглотить ещё одного рядового, даже если тот уже мёртвый болтается в лапках богомерзкого существа. Я стрелял ровно в голову, постепенно смещаясь к участку между нею и пластиной на тельце. Ошмётки мяса заливали взор, рядовые отскакивали в стороны. Их глаза залепила едкая кровь Анухе. Они тут же побросали автоматы и с безумными воплями принялись оттирать свои лица. Но это уже бесполезно. Они точно ослепли, и лучше бы им прижаться к земле. Так меньше шанс попасть под нашу линию огня.

Кто-то всё-таки не успел присесть, его тут же продырявили свои. Это дополнительно посеяло сомнения в наши ряды. Уже с другого конца батальона снизилась плотность стрельбы. Лекарь точно выбросил в воздух новую дозу Экса. Явно более концентрированную, у меня так сильно защипало в носу, что на несколько секунд пришлось закрыть глаза и проморгаться. Порция сил, вырванных из глубоких запасов моего тела, подарили минуты боевого настроения. Я добил гусеницу, та мёртвой лепёшкой свалилась под наши ноги. Взрывы гранат приостановили наступление Анухе с другой стороны, и мы успели отдышаться. Всего вдох, наполненный Эксом, и остатки батальона снова погружены в отчаянное сопротивление наступающим Анухе.

А перед глазами всё равно мелькает прежняя картина. Сухожилия болтаются в воздухе, совсем молодой парень кричит как может от невероятной боли, не зная, как попросить помощи. Вокруг одна кровь, смешанная с землёй. Вот и всё, что представляет из себя война. Крик, кровь, почва. Никакая награда не выбьёт из твоей головы воспоминания, они зальют ядом каждую радость, которую ты потом посмеешь испытать. Только бордовые лужи и звенящий вопль в ушах. Вот твои медали и почётные грамоты.

— Держим строй!

Я сам не понял, почему и зачем это вырвалось из моего горла. Между рядовыми вообще не было свободного пространства. Плотный комок человеческих тел покрылся жаром от перегретых автоматов. Выстрелы встали в очередь, пришлось каждый раз выбирать более приоритетные цели, чтобы хоть как-то сохранять позиции. А мы и без того упёрлись в жёлоб, который выведет на поверхность и в позор. Либо смерть, либо победа. Иного выбора Совет не предоставил.

Когда гусениц стало непомерно много, рядовые бросились кто куда. Да, они ещё вели стрельбу, но попрятались за камни, за других дохлых Анухе. Паника в венах заставила бедных юношей вести себя по-идиотски. Думая, что так целесообразнее, они наоборот привели в упадок всю нашу победу. У меня полностью высохла надежда на удачный исход, а помощи всё нет. Даже сигнатура их ослабла, они бросили нас, решив почему-то, что мы не заслужили спасения.

Всполох над моей головой я сначала принял за взорвавшуюся гранату. Подумал даже, что хочу в глаза посмотреть тому придурку, который её так кинул неумело. Однако это блеснуло лезвие секиры. Просветитель перепрыгнул всех нас и рванул к гусеницам. На секунду те застыли, не сразу переработав наглость человека, а потом побежали ему навстречу. Не знаю, сколько Анухе за свою жизнь встречали представителей культа, вот только его взмахам они ничего не смогли противопоставить. Просветитель с лёгкостью разрубал тела насекомых, и это при условии, что они были выше его как минимум раза в два. Дымящаяся плоть наполняла воздух запахом подгоревшего мяса.

Громкое шипение крови Анухе перемежалось с визгом осипших рядовых. Они побежали за Просветителем, думая, что помогут ему. Вместо этого наивные юноши попали в ловушку своей напускной смелости. Они гибли один за другим, и вот уже треть нашего батальона слегла. Кто умер, кто валялся без рук или ног. У кого-то лицо залило таким толстым слоем слюны гусениц, что оголённый череп проглядывал сквозь полупрозрачную пелену, и всё равно этот солдат хватался за жизнь, куда-то вверх вытягивая свои обессилевшие конечности.

В тот самый момент, когда я ответил себе утвердительно, готов ли сдаться, в противоположной стороне от наступающей орды насекомых разгорелся прожектор. Это мощные фонари группы зачистки. Они всё-таки успели, пусть и застали окончание нашей стычки. Просветитель тоже выбился из сил, еле как уничтожая оставшихся Анухе. Подоспевшие рядовые окружили его, принявшись убивать последних гусениц в пределах грота. Ногами затаптывая кладку, они отодвигали ряды насекомых подальше в то место, откуда они вырвались. Плотный слой выстрелов отогнал Анухе в жёлоб, а затем и вовсе пробкой забил подход к пещере, которая чуть не стала моей могилой.

Когда писк насекомых пропал за толщами камня, я свалился на спину. И пусть болит позвоночник, пусть от удара копчик ноет, перебивая жуткую ломоту в предплечьях. Смерть отступила. Пусть и не навсегда, но Троебожие подарило мне ещё один Отсчёт. Я жадно дышал, трогал себя за плечи. Слёзы ручьями катились по щекам, я захлёбывался в плаче. И пускай смотрят, плевать, если осуждают. У меня есть право на эти эмоции, потому что я вообще не должен был оказаться здесь повторно. Меня предали, и ничего не осталось, как дать волю усталости. И без того достаточно пользы с моей стороны принесено обществу. Я уже сделал всё, что мог и что должен был. Город просто обязан мною гордиться...

Новой порцией Экса, перемешанного со снадобьями Лекаря, подняли меня на ноги. Насильно. Опять. Я привалился к стене, не желая никуда двигаться. Жол собирал нашивки погибших рядовых и складывал в свои карманы. Далекое не каждый командующий так делает, ведь нашивки передадут в Город, и семьи погибших получают дотации. Обычно мёртвых оставляют разлагаться со статусом «без вести пропавший». Жол бережно срывал знаки отличия с плеч ребят, если плечи ещё были целы. Куски оторванных конечностей усеяли грот, окрасив его в тёмно-красный. Плотная корка смешалась со слизью гусениц, на время

оставивших нас в тишине и покое.

Мы собирались с силами. Выжившие рядовые сгрудились вокруг Просветителя. Он читал проповедь, сейчас действительно нужную для совсем юных бойцов. Смириться с тем, что ты когда-нибудь умрёшь — невозможно, а так хотя бы скрасится чувство ужасной потери. Их друзья пали, боевые братья оказались жестоко растерзаны Анухе. Тут никакая психология не сработает, осталось только уповать на благодать Троебожия. Оре и Рэф тоже находились среди тех, кто окружил просветителя. Один Габ стоял поодаль и взглядом пытался прожечь оставшиеся целыми яйца гусениц. Они не давали ему покоя, внушая самую очевидную мысль — мы оставляем врага за своей спиной. Оставляем намеренно, и одному Совету известно, зачем так вообще поступать. Тупиковые размышления распалют гнев, неспособность что-то решать самому уничтожает желание вообще действовать. Габ разрывался между патриотизмом и тем, что правильно. Жаль, что эти понятия действительно разошлись в его видении мира.

Отряд зачистки, всё-таки спасший наши жизни, пусть и не все, о чём-то переговаривался с Жолом, старающимся в это время не отвлекаться от сбора нашивок. По обрывкам долетевших до меня фраз я понял, что они с минуты на минуту покинут нас. Нам выделили немного боеприпасов, некоторые рядовые добровольно присоединились к нашему батальону с разрешения другого командующего. Тот тоже был вымотан и выполнял приказы Совета беспрекословно, но по итогу встал на путь человечности, позволив нам восполнить потери в составе. Они покинули нас так же скоро, как и настигли. Света стало заметно меньше в пещере с их уходом.

Лекарь занимался ровно тем, за чем присоединился к нам. Помогал раненым выжить, а серьёзно изувеченным, однако каким-то чудом избежавшим гибели — спокойно и побыстрее умереть. Он сновал среди тел, совершенно беззвучно подползая к каждому и проводя над ними свои личные обряды. Пока Просветитель занимался нашими душами, Лекарь заботился о телах. От одного к другому. Некоторые выглядели спящими, лежали на боку, подложив ладони под голову. Рядом автомат, лишь бы не потерять по пробуждению. Если бы не обилие крови на их головах и лицах, порванные щёки и вены, торчащие из шей, так с лёгкостью можно было бы представить, как они моргают, двигают губами во сне, сопят.

Лекарь так бережно к ним относился, что мне впервые захотелось назвать его по имени хотя бы в своих мыслях. Сэл переворачивал их животом кверху, если те оказывались лежащими слишком неудобно для проверки. Ни единого исключения, чтоб не дай Троебожие забыть кого-нибудь, пропустить в спешке. По моему мнению, как и по мнению Сэла, каждый заслужил получить помощь в том или ином виде. Даже если эта забота окажется посмертной.

Практически со всех слетели респираторы, обнажив увечья. Некоторые лежали чуть ли не в обнимку. Соприкасались подошвами сапог, частями уцелевших тел. Они были ещё живы, они двигали губами, но слов не произносили. Как младенцы, не могут произвести ни одного вразумительного звука. Только мычание, словно попытка посмеяться над несмешной шуткой. Сэл вкалывал таким особую дозу, и те присоединялись к мнимым спящим. Не осуждаю его. Все здесь отдают себе отчёт, что никто и никого не будет поднимать наверх. Можешь встать? Повезло, только выбирайся всё равно сам. Не способен подняться? Погибнешь в сладком кайфе от самого сильного синтетического наркотика на планете.

Недалеко от меня лежал рядовой из состава Рэфа, сам ефрейтор краем глаза следил за

Жолом и вполуха слушал Просветителя. Тот юноша без имени, без звания, оставшийся и без нашивки на плече. Рот широко раскрыт, кожа бледная, слегка желтоватая. Колено разодрано, даже кости не разглядишь, всё размазалось и смешалось с костюмом. Умер ли он быстро или страдал? Кричал ли так же, как другие? Или закусил язык до крови, лишь бы не разомкнуть рта? Последняя возможность оставить гордость при себе.

Просветитель закончил свою речь, в очередной раз оросив собравшихся амброзией культа. Облизываясь, рядовые разошлись в разные стороны, попутно не замечая, как прямо под ногами штабелями разложились их погибшие друзья. Сэл не стал обращать внимания, не стал просить помочь ему, он продолжал делать свою работу. Уже чуть поодаль от меня, а всё равно вижу, что там происходит. Юноша стонет, сжав зубы чуть ли не до треска в челюстях. Терпит, пока Лекарь обрабатывает его рёбра. Открытая рана торчит из-под костюма. Кровь остановлена, только вот какой в этом толк, если всем вокруг видно, как лёгкие наполняются воздухом и опустошаются? Два мешочка пульсируют, выгибаются за пределы оголённых рёбер, торчат даже за пределами умирающего тела.

Сэл ему что-то шептал, стараясь успокоить. Рядовой его не слушал. Стоны истончались, пока не прекратились вовсе. Лёгкие больше не надуваются, вокруг глаз с полопанными капиллярами тут же образовались два синеватых круга. Этот юноша погиб, так же, как и остальные. Практически все они мертвы или погибнут в ближайшие часы. Победой это совершенно не пахнет.

Жол и Лекарь чуть ли не по очереди обходили лежащих. Один воздавал почести, другой с благословения культа отправлял их в высшие миры. Нашивки, заслуги перед обществом, надежды на будущее, кишки — всё смешалось в единую картину, которую вряд ли когда-нибудь смогу вымыть из головы. Почему-то всё стало хуже, так не было в первый раз, когда я отправлялся на войну. Извратилась даже она, и боязно представить, что будет, если она не закончится на моём веку. Что через следующие двадцать лет всё повторится лишь с большей жестокостью. Зачем? Ради чего? Неужели невозможно было найти мирное решение? Неужели обе стороны не придумали иного способа? Как так можно было не ужиться на целой планете? Вокруг ведь так много места...

Новый приказ на НОТ-СОУ-СМАРТ. Сбор у одного из желобов. Мы проследуем ране заданным маршрутам, как только сформируем батальон заново. Рядовые, способные ходить, постепенно кучковались у заданной отметки. Жол подсчитывал потери и нынешнее количество солдат. Рэф, Оре и даже Габ остались при своих званиях и обязанностях. Каждому выделили как и прежде по отряду. Рэф словно специально пытался подтянуться к командующему, пока тот что-то разжёвывал Оре. Наверное, разбирают действия в экстренной ситуации и момент импровизации. Когда вполне можно было передислоцироваться, Оре остался на месте. Может, это и пытаются разъяснить?

Я не заметил, как ко мне подошёл Просветитель. Он помог подняться, при этом не произнося ни слова. От него странно пахло. Это не пот, не железо. Не нотки Экса или жидкости, приготовленной в стенах церкви культа. Это нечто неуловимое, точно не принадлежащее миру обычных людей. Просветитель взглянул мне прямо в глаза, и я ощутил порыв присоединиться к остальным. Не наитие, не осознанное желание продолжить войну. Ноги сами унесли меня к батальону, противиться этому я смысла не разглядел.

— Следуем дальше. Точные координаты высланы ефрейторам. Двигаемся ровно по приказам Совета. Если всё пойдёт по плану, как и прежде, то к началу следующего Отсчёта настигнем Матку Анухе. Тогда война и закончится. — Жол как рот закрыл, так сразу и

отвернулся от остальных, чтоб чуть ли не прыжком отправиться в темноту пещер. За ним тут же поспешили рядовые. Среди молодых лиц пробежалось недоумение.

К началу следующего Отсчёта. Через месяц. К началу следующего года. Через двадцать лет. Эти надежды постоянно терпели крах, хотя каждый раз получали статус «всё идёт по плану». Я не сдался, не могу этого позволить, вот только пальцы еле сжимают рукоять автомата. Написал Пим, стараясь не наступать на пятки впереди идущим.

«Всё ещё живой. Углубляемся в пещеры к матке»

«Ок»

Я выключил экран НОТ-СОУ-СМАРТ. Опять заработает, только если сообщение придёт с пометкой «крайне срочно» или «важно». Остальное пусть останется там, наверху, или упокоится здесь, среди погибших молодых ребят. Мы отправляемся туда, где свет фонариков с каждым нашим шагом становится тусклее, где силы иссякают в два раза быстрее. Где желание выжить притупляется, а связь с природой наоборот только крепнет. Или *ты* убьёшь, или тебя сожрут. Так это работает у гусениц, так это будет работать и у нас отныне. Да услышит меня Троебожие, да простит оно нам то, что мы собираемся сделать с другими живыми существами ради процветания нашего человеческого общества.

Узкие коридоры заставляли нас сжимать плечи. От страха застрять кто-то из отряда даже вскрикивал, и само собой его никто не осудил. Я удивился, как массивный Просветитель, выше любого из нас как минимум на голову, с лёгкостью пробирался не медленнее остальных. Да, он пыхтел, но особых трудностей не испытывал. Я же в свою очередь старался вообще ни о чём не думать. Мысли о множественных смертях молодых ребят выбивали почву из-под подошв, и даже дышать не хочется, тем более если каждый вдох даётся труднее предыдущего. Я про себя поблагодарил Троебожие, что приступы кашля не застали меня в узком желобе, и моё тело не стало той пробкой, которая застопорила бы ход всего батальона.

По ощущениям, мы метров двести вот так пробирались, скобля костюмом о каменные стены. Затем очередное поле кладки встретило нас тёплым свечением посреди непроглядной тьмы. Мы уже достаточно глубоко, чтоб и давление испытывать, а от этого ещё и фонарики барахлят. От неровных вспышек мы постоянно напрягали глаза, чтоб не сходить с ума от нескончаемого дребезжания слабых лучей света.

Самок поблизости не обнаружено, сигнатуры молчат. Яйца Анухе чуть вибрируют. Если оставить их в нетронутым виде, то через несколько дней из них вылупятся личинки. Они пожирают друг друга, по итогу остаются самые сильные гусеницы. Природа одарила их особой жестокостью, а с недавнего времени наградила ещё и бесконечной физической силой. Голыми руками такую не побороть, как возможно было раньше. Человек измельчал, что физически, что духовно.

— Два хода уже зачищены, — Жол обращался к нам шёпотом. Утратив голос, он не добавлял громкости больше, чем того требовала ситуация. Да и эхо командующему помогало, возвращая его слова обратно с чуть увеличенной мощью, — нам приказано проследовать по третьему и зачистить пустоты. Сканировщики отследили сигнатуры. Они разрежены, но точек много. Так что готовьтесь.

Я машинально кивнул, уже сделал шаг по заданному маршруту, как знакомый тембр прозвучал более рьяно, чем до этого.

— Я кладку не оставлю.

Габ говорил спокойно, однако жёсткость позади его слов вызывала мурашки. На него обернулся практически весь батальон. Его же личный отряд сгруппировался за его спиной, решивший остаться при своём ефрейторе. Старые структуры дали трещины, акценты авторитетов сместились. Это понимали все, одному Жолу это давалось труднее остальных. Он рвался пополам между приказами Совета и отбившимся от рук рядовым.

— Габ! Мы потратим время зря. Главное сейчас, это уничтожить Матку. Потом все ходы завалят бомбардировкой с воздуха. Мы не оставляем врага, мы рассчитываем приоритеты!

Жол взывал к человечности и простому пониманию. Впервые за всё время, что я с ним знаком. Не зная иного выхода, он общался с подчинённым как с равным. Нашивки разные, остальное же не имеет отличий. Все мы здесь в одинаковом положении.

— Они найдут выход, они смогут выжить. Вырастут, и появится новая Матка.

Несколько одобрительных возгласов донеслись из-за спины Габа. Отряд молодых ребят единодушно встал на сторону своего нового командующего. Уверен, ещё во время обучения

он зарекомендовал себя как лидер и образовал вокруг своей персоны небольшой культ силы и правды. Даже если эта правда могла разниться с общепринятой. Я же духовно был на стороне Габа, а вот тело моё вплоть до кончиков седеющих волос принадлежало Совету и Троебожию. Я сделал шаг подальше во тьму, лишь бы меня никто не видел и не слышал. Не хочу принимать участие в конфликте.

— Габ, прошу тебя, успокойся. Дыши ровно.

— А я и так не волнуюсь, — Габ поднял автомат и показательно навёл дуло в сторону кладки, при этом глядя Жолу ровно в глаза. — Да и с дыханием у меня всё в порядке, только воздух воняет гусеницами.

За ним повторил отряд, настроенный крайне враждебно по отношению к другой части батальона. Картинка складывалась, и как наставник я сильно просчитался. Не заметил, как у меня под боком воспитались юноши, пропитанные насквозь ненавистью к насекомым, готовые убивать каждую Анухе, что встретят. Они не желают войны, они являются неотъемлемой её частью — фанатики убийства, опасные детали механизма. Неуправляемые, неподдающиеся контролю.

Жол с огромным сожалением выдохнул, не добившийся понимания со стороны Габа. Наш общий главнокомандующий с выражением грузной скорби на лице обернулся к нам — тем, кто ещё был верен ему и принципам Троебожия. Он искал в нас поддержку, и он её получал. Жаль, что этого оказалось недостаточно, чтоб сохранить при себе всех без остатка.

— Нис?

— Да?

Я оставался в тени, сам отлично всё видел, и поэтому машинально отозвался на своё имя. Предвкушение беды застряло в горле, горечь ударила в стены уставшего желудка.

— Застрели его.

Я точно всё расслышал, и я поверил в настрой Жола, но рука не поднялась. Не сразу, по крайней мере. Приказ услышал и Габ. Дуло его автомата отвлеклось от кладки, обратилось к нам. За ним повторил его отряд. Если начнётся перестрелка, то две трети батальона точно уничтожат оставшуюся треть, тем не менее даже одна смерть рядового не стоит и десятка кладок, из-за которых вырос этот конфликт. Он зрел во мне, рос, как яйцо гусеницы. Ещё с тех самых пор, как сам предал армию и поступил, как того потребовала моя воля. В этот же раз я не ощутил в себе сил присоединиться к тем, кто был на той же стороне правды, что и я. Моя рука поднялась, в ней ПП, заряд набран, заставляя оружие вибрировать в пальцах. И соблазн выпустить энергию с каждой секундой только возрастает.

— Мы уйдём зачищать другие полости! — Габ искал компромисс, на который совершенно не хотел идти Жол. Его непоколебимость пускала холодок по коже каждого, кто находился рядом с ним. Стекланный взгляд юноши совершенно спрятал душу, снаружи осталась лишь обычная мясная оболочка, которая делает всё, что написано на её НОТ-СОУ-СМАРТ.

— Я не могу вас отпустить.

Теперь Жол был спокоен. Численное превосходство на его стороне. Два ефрейтора сохранили верность, за ними и отряды, пусть и колеблющиеся. Габ же выходил из себя. Ребятня истерика захватывала молодое тело, руки парня тряслись, неготовые стрелять по своим.

— Мы уходим!

Габ не дождался согласия со стороны командующего. Вместо этого он принялся со

своим отрядом отползать к другому концу полосы, целясь в каждого из нас по очереди. Мне тоже достался момент, когда я мелькнул в чужом перекрестье. Отвратительное чувство, и захотелось всё-таки спустить курок, но я сдержался. А Просветитель в этом не участвовал. Он молча наблюдал и слушал, не более. Ни единого слова не прозвучало от представителя культа, и я про себя решил, что на то воля Троебожия. Всё идёт по плану, вот только его трактовка недоступна для обычных людей.

Отряд удалился, свет их фонариков померк. Жол не простил и не простит предательства, буря эмоций уничтожила его изнутри. В его движениях не прослеживалась истерика, поэтому я не сразу среагировал. Он поднял руку и прицелился. Тут я стал тем, кого мне же не хватило много лет назад. Я остановил одного рядового, чтоб тот не убил другого. Жол уставился на меня, принялся в гнев жевать свои губы, не зная, как ко мне обратиться. Субординация стёрлась, лишь уважение болтается где-то в глубине формулировок. И вроде бы все обо всём догадывались, но раскол по итогу произошёл. Это не чья-то личная вина, это промах устаревшей системы. Винить друг друга в такой ситуации не хочу. Поэтому я нежно отпустил руку Жола, до этого сжимая её слишком сильно. Костюм даже заскрипел от хватки, как и зубы моего командующего.

— Пусть уходят. — Я убеждал и себя, и Жола, что ничего ужасного не произошло, хотя итог маячил на горизонте мерзким содержанием.

— Мы оставляем позади врага. Именно это Габ и сказал! Теперь *мы* оставляем врага за своей спиной!

Жол дёрнулся, оттолкнул меня, больно ударив в грудь. Я чуть не потерял равновесие на скользком камне, меня удержал Оре. Рэф подскочил к Жолу, и клянусь — у ефрейтора на лице промелькнула самодовольная улыбка. Как же хочется это списать на воображение или игру слабого света и всепоглощающей тени, а иного варианта нет и быть не может — Рэф испытывает радость, ведь конкурентный ефрейтор был с позором изгнан. Его капитуляция освобождает место правой руки для Рэфа, неспособного тягаться с Габом в авторитете и физической силе.

Началась война внутри коллектива, и вымотанный Жол не видел, к чему всё идёт. Рэфу не нужна была власть. Как и раньше, ему лишь необходим покровитель, у которого нет личных врагов. За нашивки, за медали, за своё имя в книгах Рэф всегда будет держаться поближе к ноге командования в ожидании, когда та топнет и выдаст новый приказ. Я будто пригрел личинку гусеницы у себя на груди, но сделать сейчас с этим ничего не смогу. Жол увидел в Рэфе своего ближайшего соратника. Тот не ослушивался приказов, тот правильно реагировал на опасные ситуации, тот не хватал своего главнокомандующего в момент выстрела. Решения Жола непоколебимы, и один Рэф использовал это для укрепления своих позиций в батальоне, а его отряд последует за ним, так же желающий отличиться перед Советом.

Оре вопросительно глядел на меня, а сказать ему нечего. Он всё понимает, и понимает правильно, ему попросту нужно подтверждение шатких выводов. Я похлопал его по плечу и мотнул головой в сторону Жола. Дорога потребовала, чтоб мы продолжили путь. Потери в боевой мощи заставляли думать о провале. Всё вышло слишком внезапно и со слишком большим уроном для успеха в операции зачистки. Потеря такого стрелка, как Габ, точно скажется на существовании батальона, а каким образом и когда — только предстоит узнать. Я же ощущал ноющую слабость в груди. Кашля подозрительно долго не было, его место словно заняло что-то другое. Я готов молиться Троебожью, лишь бы нам хоть немного

повезло, и череда неудач прекратила своё течение. Думать больно — всего десять минут, и нас покинула физическая сила в лице целого отряда и авторитетного воина. Отличного солдата, настоящего патриота. Жаль, что рассудок его покинул раньше запланированного. Это как удар между ног, от которого потом ещё и в животе больно долгое время, и ты боишься каждого лишнего движения со стороны. Я больше не хочу никого терять. Ни в стычке с гусеницами, ни в противостоянии двух разных правд.

— Сигнатура Анухе! — в голос Жола вернулась громкость. Это удивило даже его самого. Командующий обернулся к нам всем, встретив плотный поток света нескольких десятков фонариков, от чего зажмурился, продолжая формулировать в голове приказы. — Впереди ещё одна полость. Она меньше по размеру. Занимаем её и отбиваемся. За мной!

Жол повёл нас дальше, во тьму, в смерть. Ничего не оставалось делать, как побежать за ним. Уставшие, хрипящие при беге, мы старались успеть сделать всё, что от нас требовалось. Через очередную каменную кишку мы и правда выбрались в пещеру, только она намного меньше, чем представлялось ранее. Головами почти упёрлись в потолок, прижались к друг другу, выстроив несколько рядов. Спины пригнули, подтянулись ближе к глухой стене. Тут и там скрежет, это гусеницы роют новые ходы. Они ищут нас, они жаждут отомстить, а мы ждём, боясь сделать лишний вдох.

Одна из гусениц прорвалась, но молниеносной стрельбы нам провести не позволили. Огромное желтоватое тельце высунуло голову в пещеру и принялось оглядываться по сторонам. Гусеница нюхала, щёлкала мандибулами и тёрла одну лапку о другую. Эти конечности болтались у самой пасти, она исходила слюной. Та капала на землю, пуская к потолку едкий пар. Он копился в облако, постепенно заполняя пространство. А Жол чего-то ждал. Его рука как обычно в воздухе, не двигается. Несколько десятков глаз больше следят за ладонью главнокомандующего, нежели за плотоядным насекомым.

Тут Анухе и нашла нас. Никто не поверил, что встреча всё-таки произошла. Множество маленьких глаз гусеницы несколько секунд с голодом изучали нас, отправляя сигналы в насекомых мозг. И тут жвала Анухе заработала в полную силу.

— Огонь!

Первые ряды пустили залпы. Вокруг сразу стало нечем дышать, слишком уж тут тесно. Тем не менее гусеница подохла, не успевшая и сантиметра преодолеть, чтоб до нас достать. Возгласы расслабления были преждевременными, а я абсолютно понимал их природу. Вот только если мы не сменим дислокацию, другая такая же гусеница откусит нам лица, не растрчивая время на обоюдную стрельбу взглядами.

— Жол! Надо идти дальше!

Командующий точно услышал меня. Он дёрнул головой, однако лицом полностью не повернулся. В нём свербит страх. Он боится новых дезертиров, он боится советов. Ему страшно выполнять чужие приказы, потому что они вышли *не* из его рта.

— Жол!

Я окликнул его ещё раз, рискуя выдать нашу позицию. Гул в камнях вокруг нарастал, и земля опять вибрирует. Самый лучший на планете будильник для сонного рядового. Пора уносить ноги, и чем скорее, тем лучше.

— Сигнатура слишком плотная. Я отправил запрос в Совет.

— Мы его не дождёмся! — я взывал к адекватности, к интеллекту, вот только связь между нами и Жолом заметно поистёрлась. Такая мелочь, как потеря бойцов не в битве, а в словесном споре, совершенно выбила его из колеи. Я не был расстроен, я разочаровался в

командующем, поэтому злился. Мне не хочется вверять свою жизнь в растерянные руки.

— Они пришлют новый план, ждём!

Расстановка, очередная. Сторона Жола проигрывала, и теперь с ним остался один Рэф, мечущийся на месте. Он хочет жить, хочет воевать. У него совершенно нет желания гибнуть в каменной коробке, ведь его авторитет забыл, что-такое своевольное решение. Оре смотрел доверчивыми глазами на меня, я же дал ему понять, что буду действовать как того требует ситуация, а не Совет.

Я повёл отряд за собой, Оре их корректировал, постоянно сверяясь с показаниями НОТ. СОУ-СМАРТ. На предплечье гудит моя аппаратура, значит гусениц целое стадо. Вероятно ещё больше, чем в прошлый раз. Убежать сейчас — лучший план, и именно к нему я приступил, не найдя доводов остаться. Уверенности добавилось, когда за мной последовали Просветитель и Сэл. Часть отряда Рэфа так же подскочила с мест и рванула вслед за Оре.

Рэф стонал от непонимания. Он дёргался рядом с Жолом, застрявшим на месте. Командующий застонал навзрыд, закрыл лицо руками в неконтролируемом приступе плача. Жол отталкивал каждого, кто пытался его поставить на ноги и потянуть за собой, не желая спасаться. Несколько секунд, и логичное завершение настигло его жизнь. Когда мы уже пробирались по узкому и низкому проходу, чуть не на коленях преодолевая маленькие расстояния, в предыдущую полость пещер ворвалась гусеница. Жол угодил прямо в её пасть.

Рыдания превратились в нестерпимые вопли. В таком узком пространстве пришлось остановиться, чтоб закрыть уши ладонями и бросить под ноги автомат. Меня толкали в спину, а я не мог сразу идти дальше. Даже не оборачиваясь, я видел, как моего командующего, лишившегося вмиг рассудка, перемальвает гусеница. Так же, как и остатки отряда Рэфа. Сам он всё-таки пустился в прыть и нагнал нас. Он пихал меня вперёд, с слезливыми воплями умоляя продвинуться хотя бы на метр. Лишь когда голос Жола стих в последний раз, я наполнил лёгкие воздухом и принялся бежать. Куда? Никто не знает. Просто хочется верить, что нам повезёт.

С разных сторон валились камни, за нами закрывался проход. Кого-то хватили гусеницы, и кровь потоками устремлялась быстрее нашего. Некоторых давили упавшие камни, мы закупоривали этот желоб, отрезая любой путь наверх. Прошлая жизнь осталась где-то за спиной, а каждое новое мгновение наполнилось смрадом смерти. Всё глубже в недра Плутона, в его плотоядное нутро, неприветливое для всего, что может быть связано с миром людей. Мы не должны были здесь очутиться. Троебожие тому свидетель.

— Левее!

Оре кричал, чтоб его точно слышали посреди общего грохота. Он без обсуждения взял на себя ответственность за выживших. Просветитель не имеет права руководить, Сэл этому так же не обучен. Рэф, как оказалось, и вовсе некомпетентен, и вот остался сиротка, теперь главенствующий над течением операции зачистки, которая грозитя постоянно прыгнуть в сводку о погибших и без вести пропавших.

— Левее! Там ещё один ход! — Оре ориентировался на бегу, следя глазами то за темнотой, которую еле раздвигал его хилый фонарик, то за экраном своего браслета. Он чуть не за руку тянул каждого, чтоб те не отставали, когда желоб хоть немного расширился, и нам удалось мчаться во весь рост. По пяткам били обваленные своды пещеры, едва запнувшись доставали гусеницы. Они тут же жрали угодивших в зубы, не давая и шанса выпутаться из тонких нитей ядовитой слюны.

Вместо того, чтоб упереться в тупик, мы взяли слегка в сторону, и новый проход вывел

нас в пустоту. Земля под ногами резко ушла вниз. Первые из рядовых с криками покатались в неизвестность. Ошибка Оре, он не учёл глубину будущих пустот, беря во внимание лишь их горизонтальное расположение. Пусть и пока неизвестно, что стало с теми, кто свалился во тьму, но чувство вины тут же согнуло юношу пополам. В этот раз я решил отрезвить Оре, поэтому несколько пощёчин улетели в лицо замешкавшемуся ефрейтору.

Наша гурьба всё копилась, и вот последние выпрыгивали из закрывающегося прохода. Рэф отстал от остальных, поэтому оказался последним. Его улыбка, слишком похожая на ту, когда Габ покинул нас, опять прорезалась на грязном лице, однако радоваться парню долго не довелось. Его за стопу схватила гусеница, всё-таки настигшая нас и наполовину уже задавленная камнями. Рэф не завопил, как большинство других, что меня удивило. Вместо этого юноша вынул клинок и принялся отбивать свою конечность от пасти насекомого. Он махал со всей силы, отрубая по лоскутику от жирного тельца Анухе, а та всё равно постепенно, сантиметр за сантиметром, проглатывала его ногу. Рэф бросил попытки высвободиться, когда длинные кривые зубы насекомого вцепились в его бедро. Теперь крик всё-таки вырвался из груди ефрейтора. Он тянул к нам руки, однако мы боялись присоединиться. Нас тоже могло засосать в глубокую пасть гусеницы, так что мы стояли и с глупым видом наблюдали, как нашего брата по оружию заживо проглатывает без пяти минут сдохшее существо. Заберёт с собой в любом случае. А в высший мир или его противоположность — знает только Троебожие.

Почва неконтролируемо затряслась. Каждый из нас утратил равновесие, больше не способный стоять на месте. Всех практически одновременно свалило на спину и отправило во тьму вслед за теми, кто сразу из желоба выскочил неизвестно куда. Мы скатывались в глубины почв планеты, пока ход, по которому только что бежали, наглухо закрывало камнями. Гусеницы там тоже дохли, и тонкая волна их крови преследовала нас, пока мы кубарем не выкатились к целому озеру внутренностей насекомых. Скорее всего это их молоки, в которых так и не проросла кладка. Воздуха не хватило или тепла, поэтому вместо нового потомства насекомые получили светящуюся жижу своей спермы. Она закрыла огромную площадь, и я никакого понятия не имею, что делать дальше.

Оре отдыхает от своей истерики, пиная камушки в озерцо и ругаясь так, как могут только на самых крайних ярусах Города. Оставшиеся в живых рядовые по привычке сбились в одну кучу, оплакивая погибших. Нас осталось максимум десять. Треть от того, что было в самом начале. Представители разных отрядов теперь оказались под командованием одного из ефрейторов, даже если тот ещё не понимает, какая ответственность легла на его усталые плечи. Просветитель занялся медитацией, отойдя ото всех на несколько метров. Сэл проверял выживших. Те сопротивлялись и кричали, но Лекарь на это плевать хотел. У него есть долг перед Советом, который следует выполнять в любых условиях и стечениях обстоятельств.

Под стихающий гам я сел на землю. Холодная, мокрая. И костюм липнет, от него протянулись тонкие полоски, затрудняющие движение. Я свесил автомат набок, чтоб тот не угодил в жижу, и опустил голову. Давно так не было плохо. Столько времени прошло, а я словно не успел отдохнуть между одной войной и другой. Сколько бы ни пролетело лет, всё равно окажется недостаточно. До Пим не доберусь, связь тут никакая. НОТ-СОУ-СМАР превратился в карту, иной пользы он больше не принесёт. Да и погрешность вычислений может привести нас куда угодно. Хоть к Матке в соответствии с планом, хоть в смертельный тупик, из которого уже точно не выберемся. Боюсь представить, что произойдёт, если

надежда в юношах угаснет, и они будут вольны делать всё, что заблагорассудится, ведь никто не накажет. И даже представитель культа.

Закончив с проверкой обозлённых рядовых, Сэл устроился рядом со мной. Он недовольно хмыкнул, когда узнал, во что угодила его некогда идеально белая форма Лекаря.

— Пододвинься поближе.

— Зачем? — мне стало некомфортно, а Сэл и не ждал, что я выполню его просьбу. Он уже тянулся ко мне с трубкой, на конце которой тонкий конус поблескивал в переливающихся цветах озера вязкой жидкости.

— У тебя кровь скопилась в лёгких. Надо откачать.

Я не стал отказывать словесно, вместо этого попытался вскочить с места, но тут же завалился набок, ведь чуть ли не намертво прилип к земле. Этим и воспользовался Сэл. Он практически свободный в движениях, тут же накинулся сверху и принялся отбивать мои руки, чтоб достать до рта. Я сомкнул губы, понимая, что сопротивляться сил больше нет, а желания глотать трубку не появилось. Да и смысла не вижу. Мы всё равно умрём, ведь это озеро источает ещё более опасные пары, чем кровь Анухе. Свищ гарантирован абсолютно всем здесь собравшимся. А мне хуже уже не будет.

— Отпусти!

Даже со стиснутыми зубами я всё равно проиграл, и резина скользнула в горло. Так быстро, что рвотный рефлекс не успел проснуться. Лёгкие сначала наполнились горечью, жаром. Сменилось всё нестерпимой болью. Я попытался закричать, но связки упёрлись в трубку, и ничего у меня не вышло. Стало легче, когда Сэл начал откачку. Из груди словно гантель вынули, дыхание заметно упростилось, пусть и через нос. Я провалился в дрему от бессилия и расслабления. Очнулся лишь когда Сэл принялся вынимать из меня мерзкий аппарат. Порезал горло изнутри, задел гланды. Меня не вырвало, нечем уже, но я ещё несколько минут рыгал, лёжа на боку. Благо Сэл помог с этим, и не пришлось бороться с липкой землёй, чтоб хоть немного привстать.

— Что с ним?

Спросил кто-то из рядовых. Слышу, как они скапливаются вокруг меня. Робкие шаги булькают, сдавленные ругательства сменились на страх перед неизвестным. Название болезни они знают, а вот как она ощущается — нет. Перед их глазами предстал шевелящийся труп, которому осталось несколько месяцев перед тем, как его лёгкие полностью растворятся, оставив без воздуха своего хозяина. И ещё хуже для них знать, что с ними случится то же самое. Убегая от Анухе, они скинули свои респираторы, теперь дышат концентрированным ядом. Они закончат по моему примеру — кашляя без конца, периодически подвергаясь насилию со стороны Лекарей. Незавидная судьба, и я понимаю, почему ругань их стала только плотнее.

Они злились на этот мир, он не дал им другой жизни. Только война, и ничего отныне не имеет большего смысла, чем она. Всё ради победы, всё ради будущих поколений, которые именно эти юноши и не увидят. Они умрут или в течение ближайших часов, или лет через десять точно, если Троебожие сообразовит им по пути на поверхность. Старые мысли, приевшиеся выводы. Таким образом я всё-таки по итогу жалел себя... это *моя* жизнь пошла прахом. А их ещё впереди. Зависть, вот что колет в боку, вместо свища мешая дышать. Я так и не узнал этот мир, он не позволил себя изучить и понять. И я ненавижу Троеб...

— Поднимайся.

Голос Оре. Спокойный, без единой нотки раздражения. Я не видел парня, хотя он точно

обращался лично ко мне. Я встал, кряхтя слишком громко. Даже Просветитель отвлекся от своей медитации и приблизился, всё равно выдержав расстояние между собой и нами — последними выжившими из батальона Жола с базы «Вар».

— Я сверился с картами. Чтобы добраться до Матки Анухе, нам надо пересечь это озеро. За ним будет проход, он выведет прямо к главной кладке. Там закидаем всё гранатами и покончим с этой войной.

Другие рядовые принялись сверяться со своим боезапасом. На всех набралось четыре гранаты. Растерянные взгляды окружили Оре, но он не сдался, оставшись при своём мнении и плане.

— У нас не хватит мощи. Мы там сдохнем.

Один из юношей сдавленно выказал недоверие. Его руки подрагивают, он сжимает одну из последних гранат, совершенно не веря, что именно она сможет положить конец всему противостоянию людей и гусениц на Плутоне.

— Похуй. Сдохнем так сдохнем. Лишь перед этим дадим Матке знать, что мы можем до неё добраться, и что мы настроены серьёзно. Пусть вместо того, чтоб рожать новых гусениц, она обосрётся так, что затопит свой молодняк.

Зная, что в теле у меня свищ, а рядовые точно его получают, только позже, я не стал перечить Оре. Отныне он полноценно занял вакантное место командующего. Иных кандидатур не оказалось и в помине. Я не в счёт, а ребята испугались Оре, слишком уж рьяно он торопился погибнуть во славу человечества. Это подкупает, хотя до истинной веры в праведность своего мизерного вклада ещё надо дойти. Оставшиеся попросту убедили себя, что надежда настигнет их по пути через озеро спермы. Так же и я поступил.

— Выдвигаемся прямо сейчас. Проверьте оружие, сводку о боезапасе отправьте мне, — Оре уверенно раздавал приказы, отлично ощущая себя при новом звании. Меня брала гордость от его вида. — И держите нос повыше, раз уж респираторы потеряли.

На последних словах новый командующий взглянул на меня. Я же являлся самым лучшим примером, как война может нагнать тебя задолго после окончания службы. Это выступило достаточным аргументом, чтоб рядовые ещё на берегу задрали головы, хотя и подошвой не ступили в озеро. Неизвестно, какое оно по глубине, его пары всё равно окружают каждого плотным слоем. Не знаю, есть ли толк от подобных попыток заполучить себе Плутонский свищ, но лишь для сочувствия я поступил, как и приказал Оре. Я первым ступил в жижу, и она оказалась не такой густой, как выглядела.

Смотря в потолок и держа над собой автомат, я повёл отряд. Оре последовал ровно за мной, он показывал остальным, что двигаться можно без дополнительных усилий. Юноша так вздёрнул челюсть кверху, что мне аж больно стало от одного его вида. Да, у меня болезнь уже внутри, а вот они ещё боятся моей участи, поэтому отныне станут всячески избегать любой возможности заразиться, пусть и будут от этого выглядеть глупо. Двусторонний недуг, он проткнёт твои лёгкие, если опустишь голову. Он съест твою челюсть, если ты решишь, что справишься с ним. Нельзя недооценивать Плутон. Ценой твоей гордыни станет не только твоя, но и чужая жизнь.

Я не видел конца озеру. Оно всё блестело от наших фонариков. Хлюпанье раздражало, а ноги с каждым шагом сильнее вязли на дне, где молоки насекомых сворачивались и густели. Уже по пояс мы погрузили наши тела, всё смотря в недоступное небо. Над нами добрая сотня метров до поверхности, и как бы ни было велико пространство между взглядом и потолком, всё равно это место ощущается как мерзкая, самая постыдная могила. Даже если

бы я тут погиб, убив матку, то всё равно не захотел бы упоминания в истории. Захлебнуться в семенной жидкости гусениц не пожелаешь даже самим гусеницам.

Мерзкая щекотка произрастала в пятках, постепенно она поднималась выше. Даже если я не погрузился выше пояса, то неприятное покалывание к этой минуте растянулось по рёбрам. Я постоянно дёргался, не понимая, как сдержаться и не уронить автомат. Решил бы, что банально схожу с ума, и тело меня предаёт, вот только с остальными происходило то же самое. Кто-то чесался, опустив автомат. Большинство шли как и раньше, словно в танце. Они вертели бёдрами, не зная, что происходит и *что* заставляет их себя так вести. Сэл первым обратил внимание — уровень глубины давно не меняется, а тонкая плёнка с поверхности постепенно поднимается по костюмам.

— Кто-нибудь, проверьте сигнатуру!

— Уже.

— Нет! — Сэл прикрикнул на Оре, и тот не сразу, но захлопнул рот, готовый опять пуститься в возражения. — Снизьте отбраковочный уровень. Настройте передатчик на более мелкие размеры насекомых.

— Тогда погрешность будет...

— Закрой пасть и сделай как велено!

Авторитет Лекаря так же оставался непоколебим, пусть и звание командующего перешло Оре. Юноша в напускной обиде сделал, что требовалось, и на лице его застыла маска ужаса. Он чуть не выронил автомат, держа перед глазами засветившийся красным экран НОТ-СОУ-СМАРТ. Мы ждали, пока он сам очнётся и обо всём доложится, однако Оре совершенно не двигался, если не считать появившейся дрожи в его ногах.

— Оре! Что там?

Сэл окликнул юношу, тот далеко не сразу выпрыгнул из своей кататонии. С пульсирующими губами он медленно развернул экран в мою сторону. Тот сплошь был закрыт сигнатурой Анухе, а это значит, что молоки гусениц не погибли, и мы по пояс расхаживаем в сперматозоидах, которые должны были стать кладкой яиц. У меня сбилось дыхание, хотя я и без того особо не следил за правильностью вдохов и выдохов.

— Скорее, на берег!

Я призвал всех поторопиться, хотя ни о каком берегу и речи идти не могло. Никто не видел края озера, переливающимся разными цветами с перламутровой поверхностью. Матовая плёнка поднималась по моему телу. Воображение рисовало головастиков, слившихся в одну субстанцию. У них есть зубы, и они ползут к лицу, попутно пробиваясь сквозь костюм. Омерзение сдавливало желудок в кулаке, в приступах нереализованной рвоты я невольно пригибался к озеру, каждый раз рискуя запнуться в его густоте и окунуться по макушку.

И вновь они кричат. Опять рядовые вопят во всё горло. Падают, поскальзываются, начинают орать что есть сил. Это тот самый новый призыв, который должен был положить конец войне? Совет увидел победу в юношах, которые растворяются в сперме насекомых? Не могут задрать колени, чтоб идти ровнее, чтоб меньше был шанс захлебнуться. Вместо этого они подошвами елозят по дну и сваливаются лицом прямо к кусачим ядовитым сперматозоидам.

Оре почти обогнал меня. Он сдавленно стонал, ещё удерживая над головой автомат и мчась по направлению к предполагаемому выходу из этой мерзости. Просветитель так же стойчески преодолевал метры жидкости, Лекарь мчался со мной на одном уровне, чуть ли не

на каждом шагу распыляя себе в нос по маленькой порции Экса. Смеётся, практически в полный голос хохочет. Над нами, над ситуацией, над всем человечеством, решившим, что оно найдёт дом на Плутоне. Вид идиотов, не заслуживших права вообще когда-либо покинуть Землю.

Рядовые падали и поднимались, только их внешний вид был от этого безвозвратно обезображен. Сжираемые микроскопическими заготовками Анухе они выныривали из озера без кожи, мышцы лица плавались, оголяя череп. Глаза выпадали, зубы со свистом выскакивали из утончавшихся дёсен. Крича и создавая пузыри на поверхности озера, они тонули в сперме насекомых. Берег виднелся впереди, глухая высокая стена оставляла несколько метров между жидкостью и ровным вертикальным сводом камней. Я ускорился, желая быстрее закончить это посмешище, и чуть не упал, когда до суши оставалось несколько метров.

Если мне удалось остаться на ногах, то вот Оре от своей гордыни свалился прямо на подступе к берегу. Лицом ударился об плотный грунт и попал в пределы спермы. Потеряв на какое-то время сознание, он не сразу поднялся. Часть его лица оползла, превратившись в розоватую корку оплавленного мяса. Мы с Просветителем без урона добрались до нового желоба, о котором и говорил Оре, пока он сам тщетно пытался вытереть лицо, хотя делал только хуже. Его голова лишалась вообще любых человеческих черт, и даже кости размывались, предварительно став мягкими как резина.

Оре принял смерть с героизмом. Сохранив крик в груди, от болевого шока он свалился с высоты своего роста и разбил голову об камень. Мозги расплзлись по уродливому берегу. Тут же внутренности черепа моего бывшего командующего покрылись плёнкой. Сперматозоиды в природных порывах искали пищу, и вот они её нашли в уроженце самого бедного яруса Города. А ведь он практически увидел Матку Анухе, которую так хотел убить собственными руками.

Сэл лежал неподалёку от нас. Он до сих пор истерично хохотал, нервно глядя свои ноги. Сапоги Лекаря прожгло насквозь, не обработанным надлежащим образом, как у рядовых, и нежная человеческая кожа краснела от попавших молок. Скоро она растворится, Сэл погибнет от кровотечения. Очаги дыр на его обмундировании показывались вообще по всей поверхности тела. Слишком уж он быстро бежал и слишком высоко задирал ноги. Разбрызгал сперму и теперь валяется на берегу омерзительного озера, принимая смерть с улыбкой. Я подскочил к нему, через костюм дезинфицировав внешние яды. Что-то ещё скребётся в паху, но терпимо.

— Не подходи, а то забеременеешь.

Сэл так остался доволен своей шуткой, что чуть не задохнулся от смеха. В это время его скулы плавались, губы ссыхались и опали, обнажая зубы. Речь стала практически неразличимой, а последнюю просьбу я всё-таки распознал. Лекарь попросил опустошить всего его запасы Экса рядом с его лицом, чтоб гибель вышла слаще любой победы над Анухе.

Я кончиками пальцев, обтянутых в прохудившиеся перчатки, перевернул Сэла и достал трубки, по которым бегала туда-сюда воздушная наркота. Обрезав кончик шланга, сунул красноватое облачко прямо к носу умирающего мужчины. Заключительным в своей жизни рывком Сэл вдохнул наркоту и тут же отключился. Остатки его лица исказились самой уродливой улыбкой, что я когда-либо видел. Благо, она быстро пропала на черепе, а потом и последний провалился сам в себя, вогнувшись внутрь.

Мы остались с Просветителем вдвоём. В мои ноздри попало немного Экса, и ужас от

полного провала чуть нивелировался. Я приблизился к озеру спермы, взгляделся в его нелепость. Бесконечные просторы жизни, прорывающиеся даже из таких глубин, как пещеры гусениц, пожрали всех моих друзей. Остался я сам у себя, да представитель культа, в божество которого после всего случившегося попросту невозможно верить.

Просветитель называл меня по имени, но странный гул в ушах отказывался растворяться. Это уже не мои мысли, это голоса погибших друзей, которые так и остались разлагаться в пещерах гусениц, не заслужив почести снова оказаться на поверхности Плутона. Долг перед обществом больше не вдохновлял, он непреодолимо гнул к земле, и ноги отказывались поднимать меня. Я спиной привалился к своду пещеры, где тонкие струйки пара тянулись к чёрному потолку. Это рядовые, доверившиеся мне и моему наивному опыту, плавились в озере спермы. И что я скажу их родителям? Конечно если сам когда-нибудь выберусь в том или ином виде. Если повезёт, то хотя бы в ближайшие пару лет занесут в списки погибших, и Пим получит дотации. Нашивку мою она не увидит, грамоты, послужные списки так же утонут в море сводок пропавших в недрах планеты. Всё это останется догнивать здесь до скончания времён.

Представитель культа не давил на меня, он предлагал проследовать по ранее проложенному пути. Из входа в новый жёлоб до нас доносился необъяснимый гул, словно сотни людей слились в единой песне. Это рты призраков, они предупреждают — если хоть шаг сделаю во тьму, то тут же к ним присоединюсь. Просветитель сквозь сон наяву убеждает, что всё будет хорошо, и проделанная работа точно выполнена не зря. Не уверен, верю ли ему. Скорее это просто привычка вслушиваться в слова тех, кто вещает с экрана и носит специальные знаки отличия. Помазанные Троебожием, они занимают в моём мозгу не меньше места, чем я сам.

Он поставил меня, подняв с земли как ребёнка. Отряхнул от пыли и остатков спермы гусениц. Он искал мой взгляд, который упёрся в камень. За ним ничего не разглядишь, ведь перед глазами мелькают лица молодых ребят, они не дожили даже до девятнадцати лет. Что они увидели за свою жизнь, кроме Академии и огрызка войны? Лишь разверзнутые пасти Анухе, а потом? Высший мир? Бесконечная, беспроглядная тьма? Я не могу представить, как выглядит ничто. Отсутствие мысли, отсутствие света. Там нет движения, нет ветра и прикосновений песка Плутона. Там не слышишь отца, мать, там где-то рядом твои друзья, вот только и они с головой погружены в безмолвие. Каково им, нашедшим сомнительный покой?

Просветитель за руку повёл меня в глубь прохода. Я ощущал себя провинившимся сыном, которого крайне требовательный родитель тащит на наказание. Свечение озера молока гусениц пропадало за нашими спинами, и свет одного моего фонарика открывал нам предстоящую картину. Узкий проход вёл ниже, словно по ступеням мы спускались к Матке, которая и не ждёт нас в полной уверенности, что никакой человек её никогда не достигнет. И кто её осудит за это? Я б тоже не переживал. Что-то совершенно чуждое людям витает в этих покатых стенах, покрытых мерзкой жижей. От неё тянет едким запахом, зубы трещат при каждом вдохе. Тут даже Троебожия нет, нас окружила его полная противоположность. И кто я такой, чтоб к этому прикасаться? Я не хочу туда идти.

— Нис! Надо продолжать путь! Я умоляю тебя, шагай!

Просветитель не кричал, хотя от его отвратительных просьб аж во лбу заболело. А зачем ему нужен подобный *мне*? Он всё равно попадёт в свой высший мир, а я окажусь на свалке как исполнивший свою часть воинского долга. Перед неотвратимостью смерти попытки сделать хоть что-то выглядят совсем жалкими. И зачем пытаться? Уже отсюда слышу Матку,

она перебивает Просветителя, вообще не прилагая для этого сил. Интересно, как она выглядит? Учебники полнятся догадками, примерными описаниями и атласами её строения. Всё основывается на показаниях приборов, а их точность ограничена человеческим воображением. Никто не видел главную Матку, и неужели мне будет суждено первым её лицезреть? Или же остальные погибли, как встретились с ней...

— Нис, ты слышишь меня?

Просветителю и не нужно моё внимание. Он всё тащит вглубь, приговаривая моё имя своими повлажневшими от слёз губами. Внушает значимость, важность каждого шага. Они сбивчивые, колени подгибаются, я готов сдаться так сильно, как никогда ранее. Если Совет простит телесное поражение, то Троебожие готово тащить твою душонку до самого конца. Ежели к матке доползёт моё бездыханное мясо, это культ так же устроит. Чего они добиваются? Им доступна какая-то другая правда? Они не видят, к чему всё идёт? Мы проиграем эту войну. Лишь дело времени, когда гусеницы вспомнят, кому испокон времён принадлежала планета, и вернут своё.

— Нис! Мы почти добрались. Матка, она ждёт нас! И мы её убьём!

Я автомат потерял где-то раньше. Или забыл, впрочем, это уже не так важно. Гранат нет, остался один ПП да клинок, заряд которого опустился ниже середины. Общее состояние костюма заметно ухудшилось, и системы поддержания жизнедеятельности работают как попало. НОТ-СОУ-СМАРТ барахлит, экран дребезжит так сильно, что режет глаза. Я скину его, тот звякнул об камни и со своим белым шумом исчез в поворотах почвенного пищевода. Я движусь в самое нежное нутро Плутона, и оно меня переварит, не подавится, не выплюнет.

— Нис, очнись!

А я не знал даже, бодрствую ли. Сомкнуты веки или же нет. Не ощущаю своё тело, пресловутая душа словно осталась где-то наверху, лишь оболочка ползёт дальше, испытывая терпение каждой ипостаси Троебожия. Зачем просветитель тащит меня за собой?

— Нис, мы на месте...

Из его голоса пропал страх, воодушевление заняло освободившееся место. Необъяснимое тепло обняло меня крепче супруги. Это прикосновение оказалось приятнее рукопожатия друга. Я связал свой разум с чем-то величественным, настолько незыблемым, что ощущение собственной ничтожности исчезло без следа, ведь я стал частью нечто бесконечно могущественного. Я открыл глаза...

Края нет той пещере, в которой расположилась Матка. Свет её брюшка так ярок, что лучи покрывают каждый сантиметр каменных сводов. Желтоватый, как Солнце, оказавшееся от чего-то под землёй фиолетовой планеты. Гигантское существо не похоже на Плутонских насекомых, своих детей, оно выглядит как божественная смесь мух, тараканов, тех же гусениц. Притом Матка сложена идеально, каждая часть там, где и должна находиться. Лапки, прозрачные крылья, касающиеся стен. Длинные усики на красивой треугольной голове. Два сеточных глаза отражают своих детей, они ползают вокруг неё, воздавая почести своей главной матери. И тут нет смрада войны, тут пахнет миром. Пахнет травой, грудным ребёнком, так пахнет сладкий сон, наполненный реализовавшимися мечтами. И вот я, весь в грязи и крови, вышел на уступ полюбоваться величием венца развития насекомых. И мне бесконечно стыдно...

— Нис, мы должны убить её.

Просветитель прошептал так тихо, что я еле расслышал его посреди мягкого стрёкота крыльев Матки Анухе. Насекомые словно прочитали его мысли, они тут же принялись

ползти к нам. Медленно, будто хотят поздороваться, но это обман для дураков. Я машинально схватился за рукоять клинка, хотя смысла в этом абсолютно никакого. Даже одну гусеницу не прикончу, а тут их не меньше тысячи. Целое море насекомых, на которых Матка плавает как на волнах, практически парит в воздухе без помощи своих огромных крыльев. От них тянется нежный ветерок, а мне советуют убить это существо.

— Нет, не должны.

Губы сами по себе двигались, однако я всё равно не удивился своим выводам. При виде этого величественного насекомого все старые переживания теряют любой смысл. Единение со столь красивым существом совершенно выбивает порывы испортить картину. Уверен, я такой не первый, и те, кто уже добрались досюда раньше моего, просто ушли с миром. Я же ощутил желание прыгнуть вниз, к гусеницам. Они меня сожрут, да и пускай. Мой путь совершенно незачем закончить именно здесь.

— Нис!

— Сам и убивай её.

Ноги задрожали не только от бессилия. Анухе ускорились, заползая к нам. Они впивались прочными лапками в каменные своды, облизывая своими склизкими брюшками каменную горизонталь. Верещат, на своём языке грозятся убить нас. А я чувствую себя в безопасности, я отпустил клинок, дав ему безвольно висеть на бедре. Это *Просветителю* стоит задуматься. Его культ пытается уничтожить настолько прекрасное творение природы. И неужели он всё ещё считает, что Троебожие в этом может быть право? Что-то тут не сходится. И либо книги лгут, либо их неправильно поняли. Как и раньше случалось, люди неверно истолкованные истории древности превратили в опасные нравоучения. Я не хочу быть частью всего этого, поэтому всего шаг, и присоединюсь к вечности великолепия...

Просветитель схватил меня за руку, не дав свалиться с обрыва. В его глазах вновь выступили слёзы, он сгорбился так сильно, что стал одного роста со мной. Ищет во мне согласие, но видит только решимость слиться с Маткой. Он уже проиграл, пусть ещё этого не понимает.

— Доставай клинок. Мы будем рубить её. Ты и я!

Хватается за крупички устаревших планов. Смешно видеть его таким. И будто секира его уменьшилась в размерах, согнулась, как резиновая, ненастоящая, способная напугать лишь в первые секунды, а потом фальшь разглядит даже слепой.

— Нис! Ты меня слышишь?

— Слышу. Но не слушаю.

Я не стал вырывать свою руку из хватки Просветителя. Он меня остановил сам. Мужчина, оказавшись один в своей вере, отступил от меня и вынул оружие. Прочная стойка всё равно не спрятала страх, и я шагнул назад, чтоб точно увидеть всё от начала до конца. Его разорвут на части, и Троебожие ему не поможет. Я в этом уверен.

Гусеницы рядом, слышу их скрежет. Мандибулы, ножки, тельца. И они бегут не за мной, как бы ни выглядела странно вера в это. Я в полном спокойствии присел, отложил ПП — тот мешался, упираясь в бедро. Клинок так же отбросил в сторону, он затерялся в темноте жёлоба, по которому мы сюда добрались. Не хочу воевать, не хочу убивать, и... кольцо Просветителя загорелось ярким пурпурным светом. Я решил, что брежу, но всполохи повторились, и чем ближе были гусеницы, тем сильнее пылало украшение в бороде представителя культа.

— Нис! Прячься за мной!

Повинуясь старым привычкам и выдрессированным позывам, я соскочил с места и спрятался за спиной Просветителя. Он дрожал от страха и продолжал закрывать меня от быстро мчащейся угрозы. Я сжался в комок, прижав колени к груди. Трепет перед Маткой улетучился безвозвратно, тело обуял неконтролируемый ужас. Меня обманули, как ребёнка заставили поверить, что я в безопасности. Я даже оружие выкинул, оставшись с голыми руками. Кажется, в моей голове поселились насекомые, и они смеются надо мной. Само собой, ведь «этот идиот сам сдался, и теперь он не доставит проблем, можно его сожрать».

Первая гусеница высунула голову, взмах секиры тут же отправился ей навстречу. Башка насекомого отделилась от тела и полетела вниз. Матка задвигалась, грузно поворачивая своё исполинское тело в нашу сторону. Она заскрежетала мандибулами, и каждое их соприкосновение отдавалось во мне как звон колоколов. Церкви культа предстали перед глазами в нахлынувшем потоке воспоминаний. Тут же насекомое слилось своей концепцией с Троебожием, и я посмеялся про себя, ведь начал сходить с ума.

Вторая гусеница успела вылезти наполовину — Просветитель пнул её, и та улетела к собратьям под живот Матки. Третья выползла полностью и кинулась на представителя культа. Тот взмахнул что есть сил секирой и располовинил насекомое. Две части свалились замертво, между собой тут же образовав дымящуюся лужу. С разных сторон уступа высунулись усики, нас окружали быстрее, чем мы могли среагировать. Я так плотно прижался телом к земле, что оказался между ног Просветителя. Его сапоги громко топали по камню, хлопки подошв сопровождалась всполохами кольца. Всё ярче и ярче, и чем больше гусениц оказывалось рядом, тем сильнее свет покрывал последний безопасный участок, остальное же себе забрали насекомые.

Просветитель стонал от бессилия, каждое волокно мускулов окислилось, отказываясь двигаться. Руки его опускались, взмахи секирой больше не доставали до голов гусениц. Раскалённое лезвие лишь слегка касалось лапок насекомых. Когда последние запасы энергии оставили моего защитника, тот откинул секиру и сжал руки в кулаках. Удары его слишком мягко погружались в тельце гусеницы, которая спокойно к нему подползла. Она не угрожала, не кидалась на нас. Она ждала, пока Просветитель сам не свалится перед ней на колени и не склонит голову в знак признания собственного поражения.

Так и случилось, что я остался без защиты. Просветитель завалился на спину рядом со мной. С какой-то особой нежностью Анухе подобрались к нему с разных сторон, каждая схватила в пасть по одной конечности. Обе руки и ноги они оторвали с такой лёгкостью, словно костей в этом человеке вообще не было. Связки и сухожилия поддались, скрип разрываемого мяса накрыл меня мерзким одеялом, пальцы задрожали, я их закусил зубами. Просветитель остался жив, однако его стоны действовали на меня как Экс. Мне отчего-то стало особенно смешно. А гусеницы, казалось, хохотали со мной в такт. Они не приближались, не пытались и меня сожрать. Насекомые изучали кольцо в бороде Просветителя. То свесилось на рёбра своего хозяина, затем фиолетовый цвет начал меркнуть.

— Нис... забери его... — Просветитель кашлял с кровью, в этом я увидел новый уровень родства, какой-то братской любви, хотя сам ощущал себя практически здоровым. — Отнеси Троебожию...

— О чём ты? Я не понимаю!

На глазах у меня выступили слёзы. Я не видел связи вообще ни в чём, и факты стали противоречить сами себе. Всё обернулось огромным душевным конфликтом. Потерявшись в

животе Плутона, я потерял сам себя внутри своего тела. Оно больше не отзывается любовью, верностью, чувством симпатии или дружбы. Страх исчез, неуверенность покинула сердце. Осталась пустота, она сжимает меня, скомкивает так сильно, что ещё момент, и помещусь в кулак. Я в чём-то провинился, и никто не собирается открывать мне правду.

— Возьми кольцо... — Просветитель задрал голову, мотнул ею, и борода чуть развязалась, ослабив хватку. Кольцо заболталось практически у земли, еле касаясь камушков. Все вокруг застыли. Даже матка наблюдает, она ждёт, что же я буду делать. — Отнеси его в город...

— Какой? — я прильнул к уху Просветителя, тот стремительно расставался со своей жизнью. В его глазах ожидание высшего мира, одни уста его выполняют мирскую задачу. Я вперился в них, чтоб хотя бы по губам понять, что от меня потребовали.

— Оно тебе подскажет... возьми, попроси их о...

Просветитель умер. Зрачки закатились глубоко под веки, нижняя челюсть сильно отвисла, обнажив идеально белые зубы и расслабленный длинный язык. Борода развязалась сама по себе, тут кольцо покатило в сторону обрыва. Гусеницы мгновенно расступились перед ним, дав возможность схватить его прежде, чем оно свалится с огромной высоты, прежде чем я хотя бы смогу ощутить, зачем родился и дотянул до такого возраста.

Металл в руке оказался у самого края уступа. Анухе смотрят на меня, Матка так и вовсе нагнулась, чтоб изучить поподробнее. Под её взором сердце застыло, а кольцо принялось жечь фаланги пальцев. Однако боль быстро ушла. В окружении гусениц я поднялся на ноги и осмотрел украшение из бороды представителя культа. Всё ещё отдаёт тем цветом, которого тут вообще не должно быть, ведь вокруг один жёлтый, он проникает сквозь костюм и срачивает моё тело с общей картиной. Дрожит, вибрации уходят по предплечьям в шею, оттуда позывы прыгают до головы. Через несколько секунд я впервые услышал истинный голос, который до этого самого момента отказывался воспринимать. Троебожие призвало к себе...

От тяги поскорее встретиться, лишённый своих собственных мыслей, я чуть не шагнул в пропасть. Но Матка тут же подставила свои крылья. Они сложились в мостик, я по нему отправился на другой край дома богини Анухе. Гусеницы пустились следом, не стараясь обогнать или укусить. Они словно провожали своего давнего друга, тот забыл о старых обещаниях и кровных клятвах. Я нёс перед собой нечто более важное, чем вся моя жизнь, чем жизни Граждан, каждого члена Совета. И вот оно — в моих руках, приказывает найти Троебожие. Ведёт во тьму, обещая показать свет. Мне ничего не осталось, как поверить.

Я сошёл с крыла, боясь обернуться. Насекомые точно вернулись к своим делам. Матка продолжила в бесконечном количестве производить новых гусениц, а меня отпустила с миром. Кажется, она прекрасно знает, какую ценность представляет это кольцо и для чего оно было когда-то создано. Вполне возможно, что отнюдь не силами человеческими оно появилось на этот свет. Боязнь и благоговение перед бесконечным могуществом всего лишь одного символа Троебожия толкнуло вперёд, а пурпурный луч как больничный провод потянул наверх, туда, где всё-ещё может теплиться жизнь, пусть и извращённая временем. Оно зовёт меня, и я последую его зову.

Кольцо вибрировало, щекотало кожу. Тянуло наверх, чтоб и самому поскорее оказаться на поверхности. Я его понимал, задыхающийся без свежего воздуха. Свищ не оставил в лёгких ни одного целого участка, болезнь вернулась с удвоенным напором. Я не кашлял, уже нечем выталкивать выдохи, остался только хрип. Он свистит даже в носу, и под столь жалкие звуки я постепенно выползаю к лучам Солнца.

Мне велели найти Троебожие, но зачем? Культ утверждал, что оно нематериальное, тогда в чём смысл просьбы Просветителя? И зачем он дал кольцо? Я не понимал его роли, отсутствие собственных порывов создаёт в душе огромную пустоту. Не представляю, чем её можно заполнить. Не хочу возвращаться в Город, больше не хочу видеть Пим, как и она меня, судя по всему. Проверил бы догадку, да выбросил НОТ-СОУ-СМАРТ. Жалею ли? Карты отныне не нужны — меня направляет кольцо, как бы оно ни действовало на самом деле.

Выход мелькнул случайным бликом на стене. Кроткий луч, частичка огромного светила, которое ждёт меня, чтобы принять в объятия. Я ускорил шаг, а стопы горят. Натёртые до кровавых мозолей ноги заставляют пустить слезу. Я почти рыдаю, но рвусь к свету. Он всё ближе, руку протяни да ухвати. Ещё несколько метров, и свежий воздух наполнит тело... или то, что от него осталось. Болезнь цепляет за пятки, она желает, чтоб я остался тут навсегда, в сырости и тьме. Я сделал заключительный рывок и кубарем выкатился из пещеры.

Вокруг полная тишина, лишь песок тихонько щекочет плоскую поверхность Плутона. Вокруг ни холмика, ни случайного оазиса. Война осталась где-то далеко отсюда, ни единой ноты битвы не доносится до моих ушей. Я словно один на целой планете, а кольцо тянет вперёд, руки даже вытянулись, цепляя за собой уставшее тело. Я последовал за зовом, ощутив некий азарт. Будто меня никто не накажет, только похвалит, что я справился со всеми задачами, поставленными Советом и Троебожием. Второе важнее первого, ведь так? И я всё ещё на службе у культа. Странно понимать, что это приносит радость. Я стал частью огромного сообщества живых существ. Они из разных миров, хоть и созданы одним могуществом. В любви к себе и насекомым я продолжил путь, всё ещё еле волочась по пустынным просторам фиолетовых равнин.

Небо размазалось на лоскуты, разноцветные разводы поделили его на несколько частей. Солнце садится, линия горизонта постепенно сливается с небом. Ночной период входит в свою фазу, планомерно опуская температуру и погружая эту сторону планеты во тьму. Поля битвы остудятся, всполохи, если они ещё когда-нибудь озарят небо, будут видны практически с любой точки Плутона, а пока — синее полотно тянется от одной стороны к другой, как покрывалом укутывая мой дом. И где Город? Куда смотреть, чтоб хотя бы верхушки Первого яруса разглядеть? Глазу не за что зацепиться, кручу головой, а вокруг пустота. Только кольцо в руках гудит, тянет меня неизвестно куда.

И не знаю, какое расстояние предложил одолеть Просветитель. Несколько километров? Сотни? На другую сторону планеты попросил зайти? Ландшафт совершенно не меняется, не закругляется, одна плоскость слилась в поцелуе с ещё одной, и они перемешиваются, превращаются в единый цвет, пока Солнце постепенно прячется где-то в космосе. Оно оставляет меня, словно знает — я не пропаду, и кольцо заменит звезду, я...

В безволии свалился. Бред вытягивает последние силы. Остатков хватило лишь чтобы

перевернуться на спину да уложить артефакт на груди. Его мерная дрожь приятно отдаётся в сердце. А перед глазами бессчётное количество светил. Они переливаются, иные мигают, обращая на себя отдельное внимание. Глубина космоса затягивает в себя, словно отрывает от земли и уносит во тьму. Там она иная, там она позаботится о моих костях, даже если во время войны я не получил ни одной медали...

Сомкнул веки, очнулся чуть позже. Точно уснул, и одна рука свалилась вдоль тела. Позвоночник ломит, нога затекла. Колючесть скачет по коже и зудит под костюмом. Тот почти перестал функционировать, превратившись в обычную одежду. Системы дыхания отключены, стабилизаторы сердцебиения в режиме ожидания. Витаминные инъекции закончились, и на полном автопилоте я вспомнил, каково иметь постаревшее тело, которому нужна еда, чтоб и дальше тащить себя по просторам Плутона. Окаменевшие сухожилия скрипят при малейшем движении, кровь загустела, еле бегая по венам. Я не хочу вставать, не вижу смысла подниматься. Надо же, кольцо так приятно вибрирует на груди...

Щелчок пальца отрезвляет, я шагаю дальше — по зову кольца. Оно торопится, куда-то опаздывает, а мне так тяжело за ним поспевать. Иной раз запинаюсь и чуть не падаю, тем не менее артефакт удерживает в равновесии. Не знаю, зачем он *мне*, но вот *ему* я точно нужен. И путь всё тянется без конца. Ни начало не отследишь, ни финал. Я опять упал, отпустив кольцо...

Лежу в прежнем положении, на груди металл, он отзывается между рёбер, умоляет продолжить путь. Я чуть не плачу по своей жизни, которая уже должна была завершиться. Смертельная усталость наполнила плоть, не могу и пальцем пошевелить. Прошу Троебожие отпустить меня, пожалеть, а кольцо словно мысли читает. Оно завибрировало только сильнее, когда уловило в моих мыслях упоминание о божестве. Я сделал вдох поглубже и закрыл глаза. Знакомый щелчок...

Глухие звуки моих шагов, я сильно шаркаю по пустыне, аж уши сворачиваются. Стону, пускаю скупую слезу и даю себе шанс пожить ещё немного. А как же хочется сдаться. Человеческая жизнь не стоит ничего, и с моей смертью всё останется как есть. Люди будут воевать с насекомыми до скончания времён. На Марсе, Венере, Плуtone, за пределами солнечной системы... мы будем постоянно сталкиваться с врагом, который не особо изменится внешне. Нам попросту жизненно необходима война, и нет ничего более ценного, чем...

Впереди мелькнул треугольник. Я принял его за скопившуюся грязь в уголках глаз, однако он не исчез, когда я пальцем слишком неаккуратно залез под веко, чуть оцарапавшись. Мигаю, пытаюсь проморгаться, треугольник не исчезает. По мере приближения вижу, как фигура обретает плавность. Чья-то палатка, поддеваемая слабым ветерком. Этот же порыв воздуха тащит меня вперёд вместе с кольцом, и повезло, что оба работают в одном направлении. Иначе, клянусь, я бы треснул пополам. В порыве радости и полного измождения рванул к укрытию, чтоб поскорее там оказаться. Шаг, ещё шаг, и вот валюсь с ног под тент. Тень укрыла с головой, лишь кольцо чуть блестит фиолетовым, как и раньше прорезаясь сквозь веки. Это не мешает уснуть, я слишком устал, чтобы рассматривать тех, кто сидел в палатке и до моего прибытия...

Запах еды вырвал из снов вполне ощутимой пощёчиной. Это не смесь БЖУ, это привычная человеческая еда. Нить дымка из котелка обвила мой нос, и я с закрытыми глазами потянулся к пище, опираясь о землю одними руками. Во лбу тут же разгорелась

точка боли. Кто-то ударил меня, я машинально откатился подальше к выходу. Приятный сквозняк пробудил куда нежнее, чем запах только приготовленной еды. Я осмотрелся.

Палатка освещена изнутри слабой лампочкой, похожей на те, что всегда носили при себе рядовые. Снаружи Ночной период продолжал утягивать Солнце во тьму, и отлично замечаю, как земля остывает. Становится ощутимо холодно, я забрался в палатку, пятясь спиной к её хозяину. Пока не вижу его, хотя позвоночником чувую — он на меня смотрит. Не осуждает, не злится и ничего от меня ждёт. Он пустил в свой дом и готовит еду, а будет ли ею делиться, так уже решит на ходу.

— Дам тебе немного. Потом уходи. Ты не понравился дочке.

Хриплый голос сливался с хлопками брезента. Поднявшийся ветер колыхал палатку, от чего и свет задрезжал сильнее обычного. Я обернулся не сразу, в пояснице узел боли не позволил это сделать с прежней ловкостью. Стиснув зубы, я превозмог себя и оказался лицом к лицу со стариком. Его борода доставала практически до глаз, кончиком свисая ниже груди. Курчавые седые волосы головы опали на плечи длинными прядями. Потрёпанная одежда висела клоками и копилась в ногах пахучей кучкой ткани. На лбу — символ Еретики. Таким награждали тех, кто особенно провинился перед Советом и Троебожием. А было это ещё до моего рождения. Передо мной сидел представитель давних времён, непонятно как доживший до своих лет.

— Будешь?

Он протянул мне мисочку, на дне в полупрозрачном желтоватом бульоне плавали дикие овощи. Такие я видел только в учебниках, потому что росли они обычно за пределами Городов. Сложно получить и ещё сложнее приготовить, но именно из-за своего упорства этот мужчина до сих пор жив и находится с виду в полном здравии. Да, морщины на лбу скатались в несколько грубых валиков, только вот глаза как у новобранца. Горят голубоватым светом, в них отражается котелок, ещё булькающий на слабом огне. Треск древесины зачаровывал, и я не сразу поблагодарил повара, окунувшись в ароматы еды.

Обжёгся от жадности, впредь стал аккуратнее. Порция быстро закончилась, слишком вкусно провалившись в желудок. Тот уже прилип к позвоночнику, вообще не ожидая, что в него ещё хоть что-то упадёт. Отрыжка скопилась, я сдержался. Передал миску мужчине, тот кивнул и убрал тару в сторону, вздрившись на меня. А я словно стал прозрачным, и всё во мне видно — мои поступки, мои мысли, мои желания и мечты. Взгляд по силе такой же, как у Просветителя. Может, поэтому он и смог выживать так долго за пределами Города — Троебожие правда ему помогало, пусть и выгнало из своих владений.

— Отдохни немного и уходи. Не забудь это, — старик махнул рукой в сторону кольца. То перестало так ярко светиться, как было раньше, лишь подрагивало ещё в углу палатки. Напоминает о себе, боится остаться забытым посреди пустыни Плутона. — А то жена не вернётся. Страшится, говорит.

Я чуть было не спросил о причинах её страха, однако быстро вспомнил, что именно этот артефакт некогда болтался в бороде Просветителя. Всех их выгнал если не тот же, так другой представитель культа. Кольцу не обязательно быть кольцом, это может быть и другая форма, а символизм в них остаётся неизменным — высшая власть. Она действует на тебя по-особенному. Ни с чем не спутаешь атрибутику Просветителей.

— Извините.

Не придумал ничего, кроме просьб о прощении. Я остался накормлен, несмотря на то, что при мне имелось это кольцо. Оно принадлежало тем, кто вершил судьбы, и далеко не

всегда в лучшую сторону. Груз вины лёг на мои плечи, хоть и ни одного Гражданина не отправляли в изгнание по моей инициативе. Это общий груз человечества — мы уничтожали сами себя, а ответственность перекладывали на насекомых. Смешно эту идею формулировать именно сейчас, когда столько лет прошло с появления первых мыслей о глупости культа Троебожия.

Ветер поутих, перестав нарушать наш покой. Старик закончил с готовкой и накрыл котелок металлической тарелкой. Запах быстро улетучился, я испытал резко нахлынувшую тоску. Ощущение дома так же пропало, я вновь оказался на войне, где каждый вкус и аромат имеет большую ценность, чем раньше. Еретик принялся нашивать заплатки на своей одежде. Он закрыл дырки на локтях, на груди, покрытой седыми волосами. Штаны выглядели как одна большая заплатка. Десятки разных цветов проглядывали тут и там, а ведь пришлось каждый кусочек находить отдельно или забирать его силой у таких же изгнанников. Представить страшно, сколько преодолел этот мужчина, чтоб остаться в живых, да ещё и сохранить семью.

Наш покой нарушил женский вздох. У входа в палатку возник худощавый силуэт, за его спиной оранжевые лучи размывали очертания хозяина силуэта. Человечек поменьше прятался в ногах матери. Сдавленный стон добрался до меня с просьбой поскорее оставить это место и продолжить путь, даже если цель его до сих пор не была мне точно ясна.

Женщина с девочкой забрались в палатку и уселись подальше от кольца. Детские глазки светились так же, как у старика. Яркие, будто два фонарика, заблудившихся в желобах Анухе. Малышка осмотрела меня с ног до головы и спряталась под лоскуты своего отца. Тот как раз закончил с шитьём и обратил внимание на вернувшихся. Женщину от поцеловал в висок, а девчущку приобнял на плечо, чтоб та хоть немного перестала меня бояться. Или бояться того предмета, который я безвольно сюда притащил. Из-за него жена Еретика так грозно на меня пялилась. Её раздражал символ культа, она ненавидела обоих в разной степени, преданная и Советом, и Троебожием.

Я не стал дожидаться, пока попросят уйти ещё раз. С трудом, но мне удалось подняться. Колени хрустнули так громко, что девочка вздрогнула и ещё глубже закопалась в одеяния своего отца. А тот только смешливо хмыкнул в спокойном ожидании, пока я оставлю их одних. Кольцо легло в руку холодным прикосновением. Морозящий металл будто обжигал кожу, и я невольно прижал стиснутый кулак к груди, чтоб согреться. Фиолетовый цвет тут же разыгрался с прежней силой, заставив женщину, чьи волосы сбились в плотные колтуны на затылке, спрятаться за спину супруга. А тот как сидел, сложа ноги перед собой, так и сидит. Не смотрит на кольцо, он всё ещё глядит мне в глаза. Ищет там ответы на незаданные вопросы.

— Благодарю вас за еду и укрытие.

Прощаться не стал, лишь поклонился и выскочил из палатки, рёбрами ощущая, куда меня потянет кольцо. Оно, почувствовавшее привкус свободы, тут же развернулось в противоположную сторону от семьи Еретика. Я последовал зову артефакта, боясь, что до пристанища Троебожия больше не доведётся ни есть, ни пить, ни спать. А расстояние всё ещё неизвестно. Смогу ли я в смирении принять свою смерть? Не уверен, лишь безмолвное кольцо знает, что происходит сейчас во всём мире, но молчит. Оно сохранит свой секрет, даже если я бездыханно свалюсь по пути. Кто-нибудь другой подберёт, уверен, у символа культа всегда был и будет хозяин. В этом смысл веры, я полагаю.

Голод пропал, усталость сошла на нет, артефакт превратил меня в вечный двигатель из плоти. Несколько Отсчётов я плёлся по пустыне, провожая Солнце за полосу горизонта, словно прощался с лучшим другом. Пустынные ландшафты бездумных скитаний сменились, к моей огромной радости, на извилистые тропы. Заметив их одновременно со мной, кольцо загудело так сильно, что стало сложно его удерживать в руках. Вот-вот выпрыгнет из пальцев и покатится своей дорогой. Не догонишь — так сам виноват, если сгинешь в мёртвых землях планеты.

Сопки возвышались справа и слева, я следовал протоптанными путями, не ставя под сомнения тягу кольца. По бокам образовались настоящие каменные стены, и ничего вокруг не видно, кроме потемневшего неба над головой. Чем дальше, тем плотнее под ногами становилась почва. Иной раз и нечто серое мелькало, кусочки асфальта, пластины металла. Узнаваемые линии неона тянулись вдоль моего следования, только не горели. Пустые трубки вели к чему-то знакомому, но неродному. Это Город, он тут был всегда, или его забросили так давно, что и не вспомнит никто?

Вонь человеческой грязи пробилась в ноздри, я прикрылся одной рукой, практически выронив артефакт. Он дёрнулся ещё раз, и плечо чуть не выпало из сустава. Я пролетел метра два, преодолев поворот дороги, а за ним — огромная площадь, в её середине — высокая башня. Верхушкой сливается с загустевшей темнотой космоса, истончающейся на кончике. У основания развалились остатки домов. Каменные, металлические. Тонкие линии разрушенных каркасов торчат как антенны, тянущиеся к главному строению, неспособные и близко встать с его величием. Они осыпаются прямо на глазах, превращаясь в клубы фиолетовой пыли.

Я не сразу нашёл в себе желания и энергии подняться. Кольцо стонало, тянуло дальше ноющую руку. Волоча коленями по земле, я протащил за собой две борозды из грязи и металлической стружки. Кожа нагрелась, там костюм практически насквозь протёрся, чуть оголив нежное тело. Мы пустились в бег, постепенно приближаясь к Городу. От него веяло затхлостью, он пах запустением, но еле уловимые волны вибраций, прямо как у кольца, исходили и от башни. Она расплывалась в глазах, не желающая принимать постоянную форму. Переливается, будто изгибается и болтается в воздухе. Её основание так же не видно не только из-за обрубков других зданий. Башня парит, не желая иметь никакой связи с планетой и миром людей.

Мимо тлеющих камней я двигался сквозь пыльную дымку. Кольцо чуть поуспокоилось, увидев своего хозяина. Его натяжение ещё ощущаю, хоть и оно перестало так сильно выбивать из равновесия. Аура Города втягивала в себя, и дышать тут легче. Будто свищ покинул лёгкие, а старость отпустила кости. Ноги больше не такие тяжёлые, в плечах не натянуты порванные жилы. В этом беспомоществе я чуть не угодил на мину. Узнаю такую в любом случае. Чуть присыпанная мелким песком, она выдала себя мигающим красным огоньком. Наступишь на такую, так разлетишься на кусочки, пусть и ударная волна слабая. Видел, как гусеницы превращались в вязкие лужи, попав на мины. А тут они зачем? Пещер не различить, ни единого трупа Анухе. И вот мелькают знакомые очертания в камнях. Человеческие черепа, раскиданные тут и там. Все без нижних челюстей.

Аккуратно следя за каждым шагом, я пробирался к башне. Засыпанные песком

разрушенные фундаменты медленно превращались в двухэтажные обрубки, те постепенно преобразовывались в лишённые вершук небоскрёбы. Системы ярусов тут не наблюдалось, и непонимание строения Города сбивало с толку. Так непривычно просто двигаться к центру, всего лишь разметая ногами песок, лишь бы под подошвой не оказался металлический круг с мигающим огоньком. Кольцо больше не тянет, но вибрирует куда сильнее прежнего. Оно находится в таком же сильном предвкушении, как и я, вот только знает, что нас ждёт. Будущая неизвестность для меня сливалась с опасностью местной атмосферы. Без оружия тут ощущаю себя куда беззащитнее, чем в пещерах. Здешняя угроза сулит более жуткую смерть, чем мандибулы Анухе.

Очередной треснувший пополам небоскрёб преградил дорогу. Вижу пути обхода, они скрыты тенью. Лучи солнца сюда почти не доходят, и влажная, холодная темнота погрузила небольшую площадь в свою пучину. Мурашки по телу, воображение шепчет на ухо всякие мерзости. Или же это кольцо предупреждает об опасности. Думаю, ему плевать, если конкретно я погибну, артефакту нужен носитель — тот, кто притащит его в башню. А потом будь что будет.

Песок забился в сапоги. Кожу колет, мелкие кровоподтёки точно начали заполнять обувь. Хлюпает, липнет к голням. Преодолевая боль со стиснутыми зубами, я поднялся на песчаную сопку. Отсюда можно взобраться на обрушенный этаж, а сквозь него уже проползти на ту сторону небоскрёба. Ещё более густая темнота образовалась вокруг. Гул тишины заставляет перепонки создавать ебучий вист, от которого не избавишься, даже если заткнёшь уши руками. Освещая путь кольцом, я двигался за его подёргиваниями. Ничего не вижу дальше двух метров. Постоянно смотрю вниз, чтоб не запнуться ни обо что. Арматуры торчат тут и там, искорёженный металл стремится проткнуть мой костюм и ржавчиной впиться в мясо. Потрескавшийся полимер рассыпался на полу, смешался с давнишней пылью. Чем дальше, тем больше, и хруст появляется посреди гнетущей тишины. Слишком громко, и ощущение, будто вот-вот заметят, как я крадусь, словно вор, своей же добычей открывая путь в тени.

Случайные дыры в потолке пускали последние Солнечные лучи. Я плёлся совершенно наедине со своим усталым мозгом. Он мыслил, постоянно говорил сам с собой, и так не хочется следить за этим монологом. Глазами я прилипал ко всему, до чего дотягивался взглядом. Полная разруха копила детали, повсюду раскидав признаки жизни. Обрывки ткани, обугленные поленья. Дыма нет, но дерево будто только недавно остыло. Тонкие нотки тепла добирались до моего лица, и дрожь в руках только усиливала ощущение — я тут не один, даже если никто меня пока не заметил.

Чувство скрытых взглядов заполнило кровь, вены раздулись. На лбу вспухла кожа, давя на брови. И глаза застилает пот, пусть вокруг промозглый воздух. Стараюсь идти тише, однако с каждым шагом мои скрипы только набирают силу. Все меньше аккуратности, я тороплюсь покинуть это место, а впереди мелькает выход. Покосившийся прямоугольник, лишившийся двери. В черноте он выглядит так контрастно, что я перестал справляться с соблазном пуститься в бег.

Рывок, за ним ещё рывок, и вот уже мчусь вперёд, забыв, что под ногами может быть груда мусора. Торчащий металл, острые камни. Упав на такие — мигом лишишься жизни, тем не менее я мчался, снова утратив ценность своего существования. Тут меня и догнали чужие голоса. Они звучали из-за спины. Сначала сдавленные хрипы и несвязные возгласы, затем угрозы и мат. Под пятками застучали камушки, брошенные мне вслед. А потом —

выстрел. Голубоватые всполох на секунду открыл путь. Он был практически свободен, не считая нескольких куч песка. Держа перед собой кольцо, словно руль, я выглядел как ребёнок, который играет в водителя. Хрипы из глубин лёгких отлично имитировали стрёкот двигателей. Я про себя посмеялся даже, когда повторный выстрел чуть не прошиб мне ключицу. Слегка опалил наплечник и набил мой нос запахом горелого. Прогорклый, аж горло дерёт, а выход совсем рядом. Не зная, куда он приведёт, я нагнулся в наитии, ведь так судьба якобы уберёжёт от возможности, что меня подстрелят, и прыгнул в свет.

Ощущение полёта нежно прокатилось в груди и огромным грузом свалилось в яйца, чуть не разорвав мошонку пополам. Под ногами не оказалось ничего, кроме резкого песчаного спуска. Несколько метров высоты, и вот я свалился, подвернув голень. Покатился кубарем, успел прижать кольцо к груди, чтоб не выронить. Несколько раз оно ударило меня по рёбрам, я в позе ребёнка летел в песчаную ложбину. Случайные камни били как могли, помечая места для будущих синяков. Уже всё тело ноет, и дно до сих пор не встретилось. Между своих стонов и нервных вдохов различаю ругань сверху. Пустились они за мной, кто бы они ни были, или нет — пока не знаю. Лишь бы я успел встать прежде, чем они попытаются взять меня живьём. Уверен, они в курсе, что я сюда притащил и почему храню с такой бережностью.

Уклон сменился плоскостью, встретившей меня ударом под дых. Всё тело свело в одной узловатой судороге. Я сжался вокруг кольца, словно хотел его защитить, хотя на самом деле про себя молил о помощи Троебожие, чтоб позволило ещё хоть раз глотнуть воздуха, даже если тот наполнен поднявшейся вековой пылью. Чужие крики пробудили последнюю ячейку физической силы, костюм ещё раз пустил витамины в тело, словив автоматический сигнал, и отключился, повиснув на мне отяжелевшим тряпьем. С диким сожалением по собственной судьбе я мигом поднялся, напичканный стимуляторами, и побежал дальше — к башне. А она словно смеётся надо мной. Она знает, что я видел — у неё нет основания, как и у меня нет шансов туда забраться. Однако артефакт тащит, всё жужжит в висках. Я следую его воле.

Песок вздымают выстрелы. Голубоватые всполохи с разных сторон, пытаюсь от них увернуться, наивно прикрыв голову рукой. Свист разбитых камней подстёгивает как пинок под зад, я пытаюсь уйти от одной тени к другой. Впереди снова тьма, совершенно закрытая от неба. Там мелькают человеческие тела, и всё ещё не очень понятно, живые они или нет. Выглядят как повешенные, болтаются в воздухе, что-то шепчут поверх разыгравшегося сквозняка. Он скачет между поваленных домов, рыская по округам как заблудившаяся голодная гусеница. Я бегу навстречу полумёртвым силуэтам, и как выяснилось спустя пару секунд, они были заняты тем же.

Не знаю, на каком языке они говорят. Хриплые возгласы настигли меня быстрее выстрелов в лицо. Я начинаю петлять в надежде не попасть под огонь с двух сторон. Они лупят бесперебойно, закрывая меня облаком пыли. Пытаются попасть в ноги, чтоб я выжил, но перестал скрываться. Окружили меня, встали дугой. В рванье, однако всё равно выглядели опасно. Остатки военной формы болтались практически на каждом. У кого штаны снайперов, у кого городская униформа. Некоторые облачены в обычную одежду, только крайне грязную. Еретики, полностью отличающиеся от того, что накормил меня два Отсчёта назад. Эти же одичали, изгнанные из Города и из жизни общества. Они живут у подножия Троебожия, словно пытаются вымолить прощение, принося в дар артефакты. Я читал о таких когда-то и искренне полагал, что это домыслы. Оказалось, безумие человеческое не имеет границ, и... мы будем цепляться за любую возможность попросить у

высших сил милости.

Они сильно мажут, я в целости добрался до одного из них. Не сбавляя темпа и быстро сокращая дистанцию, ударил пожилого мужчину с размаха прямо в челюсть. Глухой хруст костей перебилась грузным шлепком обнажённой спины об асфальтированную дорогу. Старик застонал, остальные бросились его поднимать, забыв, что нужно подстрелить чужака. Я на миг обернулся, погрузившись в ещё более плотную тьму, чем было до этого. Чтоб меня полностью потеряли из виду, сунул кольцо под костюм. Железо обожгло живот, чуть не срослось с моей кожей, но ненавистное свечение прекратило выдавать меня. Дальнейшая дорога превратилась в игру, и если окажусь в проигравших, то упаду куда-нибудь в лифтовую шахту или наткнусь на арматуру, как должен был ещё в поваленном небоскрёбе.

Я снизил темп, крики Еретиков не сбавили тона, однако по итогу постепенно пропали из моего поля восприятия. Они злились на меня и на Троебожие, заставившее их жить у своих ног и пытаться убить каждого, кто хоть немного похож на хранителя артефакта. А в этой новой, самой густой на планете тьме, я задумался — а действительно ли мои мысли принадлежат именно мне? Слишком уж много чужеродных идей, знаний. Всё это выглядело как замещение, кольцо поглощало мою сущность, и я медленно терял управление над телом. Не по своей воле оказался в этом Городе, так ещё и мыслю не как прежде. И точно вслух, в этот раз тихо нашёптываю, спорю сам с собой, сам себя осуждаю. Кольцо убивает в нетерпении снова стать частью Троебожия. Быстрее бы скинуть его, да со спокойной совестью прекратить дышать так тяжело.

Уже не знаю, далеко ли башня. Где иду? Как далеко ближайший свет? Тут даже эха нет, и шаги практически не слышны. Словно утонул в космосе, а тот и рад принять моё тело вместе с высохшей душой. Со слезами на глазах я ускорил шаг, обеими руками прижав посильнее кольцо к животу. Пусть больно, ведь это напоминает, что я ещё жив. Пускай болит сильнее и тянет из меня последние силы. Я жму как могу, пустившись в бег с полным размахом ног. Чуть поскользываюсь, держу равновесие вопреки всей тьме, что окружила и щекочет за подмышки. Это стоит того, ведь свет мелькает перед лицом. Вонь пыли и подгнившего мяса становится отчётливее, впрочем, это не мешает концентрироваться на выходе из этого подземелья. А там опять Еретики. Словно все в городе получили сигнал о моём прибытии, и маленькие группы оборванцев расположились на каждом повороте, лишь бы не дать мне скрыться с абсолютной ценностью этого мира.

Само собой, они меня заметили. Предупредив друг друга, выстроились в ряд и прицелились. Маленькая точка сильнейшего жара разгорелась на бедре. В этот раз попали, один из Еретиков оказался особенно метким. От этого не могу прыгать из стороны в сторону, поэтому, закусив губу до крови, только сильнее рву к их позициям. Они опешили от такой наглости, опустив оружие в страхе. А я закричал со злости, подпрыгнул на камне и сапогом заехал одному в голову. Выбитые зубы полетели вместе со своим хозяином к земле. На ней растянулась растворяющаяся тень башни. Я уже у самого её фундамента, отбиваюсь от сумасшедших.

С размаха пнул самого молодого в висок. Тот с писком свалился на землю и схватился за голову. Ноги его затряслись, у рта образовалась слюнявая пена. Я не стал долго рассматривать выведенного из строя. Вместо этого схватил освободившийся ПП и проделал дыру в его, наверное, отце. Седой мужчина, от которого откровенно несло дерьмом, свалился со своим отпрыском, дырка в его спине от лопаток до копчика дымилась с

приятным запахом мяса.

Ещё один Еретик подбежал вплотную. Я ударил его прикладом ПП прямо в глаз. Тот закрыл его рукой, но мне удалось разглядеть, как яблочко со зрачком, затянутым бельмом, ввалилось в череп и тут же покрылось красной плёнкой. Я пнул его дополнительно в пах, тот открыл морду, залитую струйками крови. Выстрел лишил его трети головы, и язык торчит, больше не закрытый верхним рядом зубов. Булькающее тело с дрыгающейся челюстью свалилось мне под ноги. Я на всякий случай оттолкнул его носком сапога, чтоб то не схватило мою щиколотку.

Остальные испугались, тут же побросали оружия, держащиеся на одном честном слове, и скрылись в той же тени, откуда я к ним прибыл. Их крики быстро растворились во тьме, где я оставил частички своего рассудка. Нечто забрало важную деталь меня и больше не вернёт. С гнетущим чувством утраты я двинулся дальше, в омерзении выбросив ПП. Подальше, чтоб не попадалось на глаза. Бесчестное оружие, принёсшее смерть. Пока не мою, но это лишь пресловутое везение. Его запас скоро закончится, я чувствую это каждой косточкой. С минуты на минуту меня раздерут на части, а потом Еретики примутся убивать друг друга за честь утащит кольцо Троебожию. Вижу это перед глазами, как назойливая картинка образ встрял так, что кроме него ничего не разглядеть. Даже башня на минуту пропала из планов, отошедшая в конец списка дел.

А в шее что-то колет, подбородок исходит жаром. Кольцо впечатывается в тело, принося огромное количество боли. Я прижал зубы к друг другу так сильно, что те треснули. Приглушенные щелчки отразились в ушах как удалённые выстрелы. Дёсны тут же опухли, погрузив язык в тесноту. Между губами скопилась кровь, осколки зубов впились в слизистую. Привкус металла лёг на внутренней стороне щёк, пытаюсь добраться до слюнных желез и дальше к желудку. А тот словно и рад принять немного крови, словно в жертву, лишь бы тело смогло бежать дальше. Обязанность перед самим собой и правда погнала словно плетьюми, башня прямо передо мной. Она врезалась в почву так глубоко, что рябь её силуэта лёгким дребезжанием стелется по земле. Оно щекочет пятки, мне даже смешно. От хохота вылетают маленькие багровые капли, они быстро высыхают на песке и пропадают. Я постепенно сливаюсь с этим городом, пусть и не до конца осознаю, что потерял себя в этих землях ещё на подступе. Башня заберёт последнее. Я в этом уверен.

Поворот, за ним ещё один, верхушку башни уже не видно, зато толстенные своды её начала закрыли весь обзор. Монолитный камень выглядел внушительно, от него веяло холодом и вечностью, словно он всегда здесь находился. Задолго до появления людей на Земле, башня символизировала власть для кого-то ещё. И вот он я — человек, случайно получивший частичку силы, принадлежащей исключительно жителям этого строения. И кто там? Действительно ли Троебожие обитает среди этих стен? Спрятано от посторонних глаз, от цивилизаций, но вечно наблюдающее за всем, что происходит в Солнечной системе, одиноко бороздящей безжизненный космос.

Рябь оказалась не выдумкой. По земле действительно тянулась лёгкая дрожь, она наполняла мои кости и концентрировалась в уставшем мозгу. Я перестал верить вообще во что бы то ни было, в мыслях одно Троебожие, и не узнаю сам себя. Это место лишает индивидуальности, что в точности сходится с устоями культа, только он выразил это несколько иными словами. Ощущаю себя пустой оболочкой, ей лишь стоит наполнить, и вот она тянется к своему истинному хозяину — божеству, которое некогда отрицала. Я отнесу кольцо и приму в дар новый смысл.

Вижу ворота. Ребристые двери как идентичные близнецы, сомкнуты и покрыты пылью. Песок мерно сыпется с них к подножию, там ступени, высеченные словно для великанов. Даже метров за тридцать понятно, что так легко на них не вскарабкаться. Уже представляю, как буду пыхтеть, преодолевая одну за другой в страхе выронить кольцо. Так близко, и вот очередное гнусное испытание. Троебожие проверяет, однозначно это ещё одно состязание с самим собой. Приблизившемуся к этим стенам в обязательном порядке необходимо доказать, что он достоин встречи со своими создателями.

Его я не сразу заметил. Высокий мужчина, одиноко стоящий у лестниц. Чуть поодаль, чтоб вообще не походить на человека. Оранжевый, как камень, из которого сотворена башня. Балахон болтается на лёгком ветру, длинная борода пытается слиться с одеждой. Тихий страж слишком уж похож на Просветителя, что оставил мне кольцо и великую цель. Я сильно запыхался, перешёл на быструю ходьбу, больше не в силах добираться бегом. В боку колет, каждый вдох как раскалённый клинок в горле. Режет гланды, растягивает внутренние стенки, тащится по пищеводу. В глаза свалилась волна скопившегося на лбу пота, солёная плёнка залила взор. Я двигался слишком медленно, рискуя спиной поймать ещё один выстрел. Второй не переживу, от него свалюсь замертво, но фигура высокого мужчины, кажется, бывшего члена культа, внушала доверие.

В надежде найти соратника я приблизился к незнакомцу, тот при виде меня встрепенулся и оголил груды мускулов. Ещё больше, чем я мог представить. Глаза чёрные, зубы стиснуты в плотный охристый ряд. Он кинулся в мою сторону с вытянутыми руками, рыча и скалясь как разъярённый самец Анухе. Слишком резкий вдох чуть не проделал новую дыру в лёгких, однако мне удалось вовремя отскочить в сторону и не попасться в смертельные объятия сошедшего с ума Просветителя. Тот забыл, зачем вообще стал важным членом культа, и теперь пытается вынуть душу из моего уставшего тела. Я же свалился от бессилия на колени, кольцо отлипло от живота и повисло на внутренних слоях костюма. Тянет к земле, к корням башни. Пытается меня срастить с ней в одну недвижимую конструкцию.

Просветитель в гневе словно вообще не видел, что его окружает. С рыками и резкими взмахами рук он кружил на месте, будто пытался *учуять* меня, а не разглядеть. Видимо, его глаза слепы, и только звук помогал бывшему помазаннику Троебожия охранять подступ к башне. Я спокойно поднялся, проверив, не выпало ли кольцо. Задержав дыхание, двинулся на цыпочках к лестницам. Попутно слежу за движениями Просветителя. Тот знает, что я где-то рядом, но невозможность точно понять моё местоположение совершенно выводит его из себя. Он ругается на том же, кажется, языке, что и Еретики, забывшие, как общаются люди в Городах. Бедолага принялся топтать по земле, окружая себя песочным облаком.

Найдя шанс для себя незаметно добраться до ворот, я на миг забыл о страже и забрался на одну ступень. Она была высотой по пояс, и колени взвыли, ведь я слишком много от них ждал. Окисленные мускулы не поддавались, на трясущихся руках я еле вскарабкался на первое каменное возвышение. Дал себе несколько секунд на отдых и поднялся, наполненный радостью за самого себя, и тут чья-то могучая хватка вернула на прежнее место. Просветитель откинул меня на песок, я сильно ударился копчиком, от чего дыхание сбилось, и бесконечный вдох чуть не лишил меня жизни. Что-то хрустнуло в позвоночнике, прозвучало крайне плохо. Холодная боль пробежалась по ногам, целым взрывом разойдясь в стопах. Те чуть не отказали, по итогу быстро вернувшись к движению. Я практически поверил, что окажусь парализован, поэтому пустил жалкую слезу. Та быстро впитала всю

пыль на моих щеках и высохла, не успев убедить в том, что я слишком жалок для появления в башне. У её подступа — пожалуйста, но такому как я место в грязи.

Просветитель нюхал, прислушивался к колебаниям в воздухе. Проверив кольцо, я принялся обходить Еретика. Каждый скрип под ногами выдавал моё местоположение, трясущимися руками я зажал рот, чтоб не выдать себя неконтролируемым стоном страха. Он порвёт меня на части, если поймает. Огромные руки выглядели как мандибулы гусениц, даже покрыты похожими желтоватыми ворсинками. Я боялся глупой смерти, ведь избежал участи быть сожранным, и вот рискую оказаться раздавленным в хватке обезумевшего изгнанника. Слишком смешно, и перед собой будет стыдно. Поэтому я решил для себя — обязательно следует одержать победу над Просветителем, ведь тот уже не относится к Троебожию так, как раньше. Это не грех — убить отступника, я только лучше сделаю. Верно?

Вместо того, чтоб обходить Еретика, я принялся к нему приближаться. Крайне медленно, носки прижимая к пяткам впереди тянущейся стопы. Стараясь попадать в такт его рыкам и ругани, чтоб по-прежнему оставаться незамеченным. Он впал в пугающее оцепенение от ярости и принялся царапать себя чёрными ногтями, оставляя глубокие борозды на груди, спине, плечах. Тонкие струйки крови покрывали его тело, при этом будто давая огромному мужчине ещё больше силы, чем было изначально. Решение одолеть Еретика, а не обходить, выглядела всё глупее, а отступать уже поздно, я подобрался слишком близко. Чую его вонь изо рта и жар кожи. Я занёс кулак, чтоб в прыжке ударить в кадык, тут Просветитель резко опустил голову и разглядел меня своим чутьём. Быстрее моего он оттянул кулак назад и ударил в лоб так сильно, что я на месте свалился, как подкошенный миной.

В ушах свистит в очередной раз. Еле успев очнуться хотя бы на мгновение, я увернулся от его массивного сапога, вполне способного выдавить из моей задницы линию кишок при ударе. И вот опять облако пыли, оно режет глаза и мешает видеть, а Еретик к этому привык, вот и тянется ко мне, будто зацепившийся за душу. Я отступил, принялся пятиться и думать, что же делать. Ближе не подойти — меня схватят. А бегать бесконечно не выйдет. В приступе неконтролируемого наития я вынул кольцо, его фиолетовый свет разлился по округе, протянулся по рёбрам башни и её лестницам.

Просветитель застыл на месте, каким-то образом узнав, что я имею при себе. Нежное благоговение перед знакомой аурой покрыло его лицо, улыбка раздвинула длинные усы. Еретик принялся нагибаться, забыв, что нужно меня убить. Воспользовавшись сложившейся ситуацией, я ударил его кольцом по зубам, оставив артефакт перед сжавшимися челюстями. Великан попятился назад, закусив кольцо и потянув меня за собой. Он запнулся об свои же ноги и грузно свалился на землю. Я оказался на нём сверху, крепко стискивая похолодевший металл.

А он стонет, не пытается скинуть с себя. Вместо этого языком водит между моих пальцев, вцепившихся в кольцо. Мерзкие густые слюни слепили меня с артефактом, я попытался освободиться, но не вышло. Пришлось встать, опереться ногами в грудь Еретика и потянуть что есть сил. Щелчок в спине вновь сбил дыхание. Устаревшее тело не было способно справляться с теми же нагрузками, что в молодости. Я разревелся, понимая, что не справляюсь. Хватка челюстей Просветителя превосходила по мощи тягу всего моего тела. Оно каменело с каждой секундой, застывшее в неудобном положении.

Я свалился на колени, осознав, что не смогу победить таким способом. Пришлось

отпустить кольцо, тонкие нити слюны Просветителя протянулись за пальцами, оседая на моих штанах. Я встряхнул руками, чтоб смахнуть слюни, в это время Еретик чуть не проглотил кольцо. Словно пустышку младенец он обсасывал артефакт. Выглядело так, будто пытается его прожевать. Я не придумал ничего лучше, кроме как наклониться над смердящим ртом и надавить на ненавистные глаза Просветителя. Подушечки пальцев так легко лопнули яблочки, что я даже повалился вперёд, животом закрыв лицо своего противника.

В этот раз он сделал то, что пытался совершить ранее — обхватил мои предплечья своими могучими ладонями. А я продолжал тонуть в его глазах, буквально. Пальцы проваливались в огромную голову, минуя кости. Глубже и глубже. Чёрная жидкость выпрыгивала наружу, обливая мои перчатки плотным слоем. Просветитель закричал, выпустив изо рта кольцо. То тут же свалилось и покатилося к лестницам башни.

Попытки подняться не увенчались успехом. Я застрял в Просветителе, никак не желающему расставаться с жизнью. Больше не кричит, лишь рычит сквозь зубы. Вибрация его дрожащих челюстей передаётся в мой живот, слишком похожая на трепет кольца. Они были одинаковы в чём-то, и я ощутил жалость по отношению к спятившему старику. Пусть и выглядел сильнее нескольких воинов Пурпурной армии разом, но в этот самый момент он погибал от такого ничтожества, как я. Случайно оказавшийся не там, где должен быть, рядовой выдавливал его глаза, хоть и переставшие видеть давным-давно.

Хватка его слабеет, пальцы опадают с моих рук. Когда он разжал кулаки, тогда я и понял, что одно из предплечий всё-таки сломано. Стиснутая в его ладонях кость держалась на месте, и вот она выпирает под костюмом, освобождённая от давления. Нестерпимая боль сконцентрировалась в одной конкретной точке тела, я вынул искалеченную руку из глаз Просветителя и выпрямился, одну кисть оставив на месте. Дожму, пока есть возможность, даже если от вида умирающего Еретика внутри всё переворачивается. Узлы в кишках, кислая горечь в желудке, поднявшаяся по горлу к языку. Это цена бесчестной победы. Такова она есть.

Просветитель умер. Его грудь перестала передо мной вздыматься. Я свалился в полном измождении рядом с ним. Дышать попросту невозможно, я глотаю воздух как могу, при этом стараясь игнорировать жуткую боль в раскрошившемся предплечье. И как встать? Башня совсем рядом, но даже доползти до неё не вижу возможности. Рыдания вырвались с новой силой. Я закричал, ненавидя своё человеческое тело. Оно изжило себя давным-давно, это вызывало злость на Тробожие. Сколько бы ни подарило, моя оболочка всё равно оказалась по итогу слишком слабой. Я убедился в очередной раз, что мне здесь не место. Не только в этом городе, а на Плутоне в целом. Я должен был с честью умереть ещё на Марсе. Там всё было проще, там мои предки воевали с мухами и не думали, что необходимо ещё заслужить милость какого-то божества, которое ты большую часть своего существования принимал за выдумку. Сейчас же я ощущаю каждым атомом своего тела, что всё это время они не являлись частью легенд, и они злы на нас...

Слёзы прекратили скатываться со щёк сами по себе. Я привстал, опёршись о землю здоровой рукой. Смотрю на сдохшего Просветителя. Он будто всего за несколько минут ссохся до обычных человеческих размеров. Выглядит плохо, и некогда огромные мускулы обвисли, кожа побледнела. Я *такому* чуть не проиграл? Тьфу...

Шаг за шагом я приблизился к кольцу. То и не пыталось вибрировать в пальцах, словно знало — меня это разозлит, вот только свет точно стал ярче. Выжигает зрение, мешают

видеть, что происходит вокруг. Я оглядывался по сторонам, и ничего. Абсолютная пустота, Еретики оставили меня в покое. Песочная площадь окружена поваленными зданиями, разбитые окна не прячут в себе враждебные силуэты. Прислушался — никого. Только камушки где-то щебечут, да ветер посвистывает посреди бетона и арматур. Прижав кольцо почти как раньше и согнув в локте сломанную руку, я двинулся к воротам.

Перелазить через ступени стало ещё сложнее. Я кряхтел, иной раз из горла вырывались узлы вздохов. Пару раз падал, ударялся подбородком, рёбрами, бёдрами, ободрал колени в кровь. Носки сапог почти стёрлись, наружу высунулись пальцы, продырявившие носки. Чуть не ногтями я цеплялся за уступы, преодолая самого себя. Лестница по итогу поддавалась, и ворота не выглядели недосыгаемыми. Рывок, и вот свалился на пороге башни. Она будто готова обрушиться на меня всем своим весом с огромной высоты. Верхушка пронзит насквозь, до этого щекочущая своим кончиком потемневшее небо. Солнце практически зашло, тень расстелилась по этой стороне Плутона, неся с собой ужасный холод.

Я еле поднялся, желая, что сделаю это в последний раз. Больше не хочу оказываться лёжа на спине, иначе не встану. Я доковылял до ворот, но не успел приложиться к камню ладонью, как двери начали открываться сами по себе. На голову повалился песок, комками больно разбиваясь о макушку. И тут свет кольца пришёлся как никогда кстати. За воротами меня встретила тьма. Она живая, переливается тёмными участками, двигается в нутре башни. Я шагнул в пучину чуждых человечеству пространств, и стоит забыть всё, что знал до этого момента. Дальше — секреты космоса, мироздания, и они выглядят как забвение. Исключительно тень, больше ничего, а у меня всего один источник света, и даже *он* кажется слабым. Однако я всё равно шагнул вперёд, прошёл несколько метров, глотая странного вкуса воздух. Ворота за мной резко захлопнулись, оглушив. Мурашки покрыли тело, которое перестало мне принадлежать. И я слышал их...

Сдавленный шёпот, набирающий громкость в стенках черепа. Не мой язык, не знаю слов, иду по просьбам кольца. То медленно растворяется в воздухе, превращаясь в летучий сгусток света. Фиолетовый всполох манит за собой, а куда — известно исключительно ему одному. Я оставил страхи позади, ужас покинул мысли. Давно не ловил такой явно ощутимой свободы. Легкой поступью двигаюсь за изменившим форму кольцом. Стопы больше не горят, кости не болят, и дышать могу полной грудью. Только не вижу ничего, один артефакт.

Под сапогами что-то хлюпает, будто иду по луже. Немного боязно разбудить хозяев башни, конечно при условии, что они вообще хоть иногда спят. Эхо шлепков улетает вверх, а там не разглядеть вершины, и ощущение, что тьма имеет массу. Она давит на плечи, садится на совесть и идёт вместе со мной.

До сих пор не упёрся в стенки, должен был давно встретить хоть один изгиб, но нет. Бреду по плоскости, ни ступеней, ни коридоров. Ни подъёмов, ни спусков. Идеально ровная поверхность, влажная, слегка склизкая. Отдаёт машинным маслом, навевая воспоминания. И огонёк всё тянет за собой, чуть дразня. Витает над головой, жужжит в ухе. Порой отмахиваюсь от его назойливости, а тот будто специально. Играется, веселится. Артефакт у себя дома, и тут его сущность может раскрыться в любой форме.

Я же утратил связь с любым своим состоянием. Ни тоски, ни жалости. Влюблённость высохла, братские узы поистёрлись. Многочисленные смерти больше не приносят столько горя, как раньше. Башня забрала эмоции, пока не восполнив образовавшуюся пустоту. Я словно внутри себя брожу, не зная, что *ещё* осталось кроме темноты и сырости.

Облако, бывшее кольцом, резко рвануло от меня. Я поспешил за светочем, побоявшись остаться в одиночестве. Чуть не запинаясь, ведь практически не вижу, куда держу путь. Артефакт взметнул кверху, с новой силой разгоревшись. Коридор сгустился из пустоты в мгновение ока. Лучи пролились на окружившие меня стены. Они сузились, став при этом выше и по итогу превратившись в арку. Потолок приближается к голове, и количество воздуха словно уменьшилось.

Вспотев, я чуть ли не прыжком достиг двери, которая оказалась итогом блужданий по башне. Деревянная, ребристая, как наружность самого строения. Прохладная ручка приятно легла в ладонь. С замершим сердцем я провернул её. Еле слышимый щелчок, за ним — слабый скрип двери. Из образовавшейся щели вырвался такой плотный поток белого света, что я машинально закрыл глаза и стиснул зубы. Белизна начала поглощать меня, затягивая в образовавшийся поток. Сапоги оторвались от земли, и я рывком проник за дверь, где всё ещё ничего не различаю, но явственно ощущаю тепло. Оно проникло сквозь костюм и разлеглось по всему телу. Окутала нега, слишком сильная, чтоб сопротивляться. Через несколько шагов, так и не сподобившись разомкнуть веки, я свалился в сон на что-то мягкое...

Подушки, одеяла. Брошенная одежда, гражданская, военная. Матрасы, тенты, гамаки. Всё свалено в одну кучу, и я поверх неё разложился, расставив в разные стороны руки с ногами. Давно так не высыпался, тянущая боль в спине покинула. Тяжесть в голове пропала, отпустили дурные мысли. Я уставился вверх, надо мной космос, а между нами полимерная крышка. До неё, наверное, метров двести, не меньше. Она такая огромная, что вижу и

отсюда. Винтовая лестница прилипла к внутренним стенам башни и проползла к самой верхушке. Ажурные перила как растения обвили каждую ступеньку, свисая стеблями. И всё белое в низине, ближе к верхушке приобретает металлический отблеск. Там мигают фонарики, горят беспрестанно неоновые линии. Мерный гул стекает прямо ко мне, всё ещё валяющемуся в тряпье.

Хочется опять уснуть, погрузиться в дрему, где тело словно невесомое. Подо мной так мягко, и до слёз обидно, что всё-таки придётся встать. Кряхтя и выливая недовольство в стерильность, я опёрся на здоровую руку и выпрямился. Размялся, потянулся в разные стороны. Эхо моих стонов волной улетело к крышке, там скопилось, усилилось и вернулось ко мне. А голос словно и не мой вовсе. Певучий, спокойный, отдаёт мудростью, на которую я никогда не претендовал. И это всего лишь случайный звук, соскочивший с моих губ.

Голова очистилась, я вспомнил, что Просветитель просил меня сделать. По привычке выискивая глазами кольцо, я не сразу заметил знакомое облачко. Здесь оно кажется розоватым. Блестит, подрагивает, его ареол пускает искры, те слетаются к моим ногам и голубыми всполохами распадаются на десятки маленьких осколков света. Я протянул руку к артефакту, тот ударил током, но несильно, что только улыбку вызвало на моём отощавшем лице. Мысленно я попросил артефакт проводить меня, и облачко тут же устремилось к лестницам. За ним последовал и я сам, пожелав размять затёкшие конечности.

Некоторые участки башни были прозрачными, хотя снаружи выглядели глухим камнем. Я наблюдал на Плутоном, погружённым в ночное время. Вижу транспортные линии, даже если они за сотни километров отсюда. Поблескивают изнутри нескольких Тетров, а под ними — Города. Живут как и прежде, не зная, что совсем недалеко от них расположился древний город, который давно обжило Троебожие... оно же и правда здесь? Предмет мифов и легенд, причина споров, войн. Источник любви и ненависти, он живёт в этой башне? Наблюдает за нами, верша судьбы и переплетая их с насекомыми. Да так плотно, что узел не разорвать уже. Люди и Ингулы, Сарсуры, Анухе. Бесконечный цикл войны, пропахший глупостью.

И немного стыдно оставлять песок на этих стеклянных ступенях. Они мелодично позвякивают от моих шагов. С каждым метром страшнее смотреть вниз. Призрачно это заставляет думать обо всём, что я сделал за жизнь. Нельзя упасть, нельзя сорваться, неприемлемо возвращаться к тому, от чего так сложно было убежать. Пришлось схватиться за перила, чтоб от головокружения не завалиться спиной и не покатиться к началу. Я наклонился вперёд, сломанную руку чуть ли не прижав к горлу. Болит меньше, но всё-таки колет мозг сигналами о раскрошившихся костях.

Сколько там осталось? По примерным подсчётам треть уже прополз. Запыхался, однако ещё преодолеваю ступень за ступенью. Каждая по чуть-чуть забирает силы. Бёдра щекочет судорога, щелчками отдаваясь в боку. Я смогу, я уверен в этом, и Троебожие тому свидетель, как же я устал. Нет желания смотреть, слушать, думать, вникать. Осталась одна механика, на неё одну уповаю, лишь бы добраться до верхушки. Там меня ждут, даже если сам я ещё не до конца готов ко встрече. Облачко помогает, его милые отсветы направляют, создают тень на лестнице, чтоб не поскользнуться ненароком. Я его хранил, дотащил сюда. Теперь же — артефакт меня бережёт. Равный обмен, полагаю. И как же хорошо, что свою часть я уже выполнил, осталось забрать причитающееся.

Полупрозрачный полимер сменялся на голубоватый металл. Движущиеся конструкции приводили в движение ступени, те скрежетали, тем не менее удерживаясь на месте.

Неоновые линии растянулись вдоль перил, лампочки и диоды торчали между железными пластинами. Пар застилал взор, я ускорился, лишь бы не потерять из виду фиолетовое облако. Артефакт словно и сам спешил, подгоняя и задавая темп. Голову не опускаю, плевать, сколько осталось под ногами. Цель близка, и пот по всему телу смешался с влажным воздухом. Сладковатый на вкус, он провожает через извилистые колонны, теперь закрывшие лестницу. Ажурные мотивы исчезли, их заменил концептуальный металл.

Я свалился на платформу, запыхавшийся донельзя. Ступени закончились, верхушка приняла меня, ярко осветив холодным светом. Облачко артефакта пропало, осыпавшись блестящими частичками на пол. Линии и борозды по нему привели к огромной площади. Я поднял голову, передо мной предстало само Троебожие. Огромный круг бирюзового цвета выделяет дорогу к исполинскому строению. Половина сферы парит над платформой. На нём три части, сросшиеся в единой идее. Оранжевые круги как несколько Солнц горят тут и там, похожие на глаза, а надо всеми — общее око. Ясное, незамутнённое. Оно смотрит на меня, на мир, изучает космос. Оно всё знает, и бесконечная мудрость кроется за величественной сетчаткой. Ореол, часть верхушки башни, выглядит как самый настоящий нимб.

Я так и не смог подняться с колен, прижатый могуществом своего создателя. Он гудит на таких тонких волнах, что слёзы катятся сами по себе. Благоговение и бесконечный ужас смешались воедино, создавая абсолютно новые химические реакции в крови. Та кипит, жар опустошает голову. Троебожие хочет поговорить со мной, я знаю, оно желает...

— Твоё имя?

Голос проник в мою голову. Он троился, имел разные тембры одновременно, однако звучал так слаженно, что поверить в нескольких его хозяев попросту невозможно.

— Нис.

Я прошептал в свои колени, зная, что всё равно окажусь услышан. Боюсь поднимать глаза, и думаю, что зря вообще посмел взглянуть на образ божества. Температура с его стороны возрастает, и кожу жжёт. Достаточно больно, я сжался, словно дитя в колыбели в особо холодную ночь.

— Откуда ты прибыл?

Понятия не имею, что ответить. Варианты роились в полупустой голове, а на финишной линии — всё то же безмолвие. Чувствую, как сухой язык скоблит нёбо. Губы вибрируют от страха. Зря я сюда пришёл, на что вообще надеялся?

— ОТКУДА ТЫ ПРИБЫЛ?

В это раз вопрос громогласно разлетелся по всей округе. От него башня словно накренилась, и устойчивость подо мной резко пропала. Я чуть не завалился набок, желая скрыться от Троебожия.

— Я прибыл с войны...

Тряска пропала на какое-то мгновение, затем вернулась знакомая вибрация. Кольцо так же дребезжало, когда сидело у меня руках. Это придаёт спокойствия, тут я понял, что смог сделать хотя бы один вдох.

— Посмотри!

Напор остался прежним, хоть и громкость стала более сдержанной. А я всё равно вздрогнул, когда слова Троебожия вновь стали звучать исключительно в моём черепе. Я чуть приподнял голову, до мурашек страшно открывать глаза. Лишь собравшись с силами и стиснув челюсти, я разомкнул веки.

Три силуэта. Тонкие, высокие. Размываются внизу и сверху, отдалённо напоминая

людей. Сущности олицетворяли стороны Троебожия, это помню ещё с лекций в детском саду, но никогда я не мог предположить, что наступит день, и встречу те самые ипостаси создателей жизни в Солнечной системе.

Я приподнялся, забыв, что рука сломана. Упал, попробовал встать ещё раз. Полуразвалившиеся колени скрипели, однако удержали меня на месте. С замершим сердцем я выпрямился перед Троебожием и сделал неровный шаг навстречу.

— Стой, не подходи!

Средний силуэт вытянул в мою сторону ладонь. Троица медленно сама приблизилась ко мне. Чёрные переливы всё меньше были похожи на людей, скорее имеющие сходство с кровавыми разводами на камнях. Случайные формы, брызги, застывшие в воздухе и во времени. Я не мог осознать мозгом, как относиться к их внешнему виду. Оно чуждое тому, что изучал всю жизнь. Ровно противоположное законам физики и химии. Я встретился с непостижимым, и оно вселило ужас. Слишком много могущества предстало передо мной, а я не ощущаю себя достойным его лицезреть.

— Ты встречал наших помазанников?

— Да.

— Ты верил им?

— Нет.

Всхлип вырвался сам. Стон не перерос в рыдания, а слёзы так и не выступили из глаз, но комок бесконечной обиды застрял на подступе ко рту. Плечи затряслись, я хотел бы закусить кулак, чтоб сдержаться, да не смог поднять руки. Меня убивало осознание, что всё это время я ошибался, что я всегда был слишком глуп, чтоб хотя бы попытаться переосмыслить мир. И он меня за это предал, подставил. Вот стою перед Троебожием, осуждаемый сам собой.

— Что ты сейчас чувствуешь?

Чужеродный голос покинул мои мысли, зазвучав со стороны троицы силуэтов. Рта у них нет, и звук шёл от них разом.

— Стыд...

— ЧТО?!

Я вспомнил всё. Разом, одним грузом, одной ношей. Средний силуэт протянул ко мне ладонь, в ней светится маленький шарик, а там отражение всего человеческого...

...вторжение, убийства, смерть, голод, предательства наступление битва ВОЙНА крове крики кишки сухожилия рвота ВОПЛИ гибель уничтожение кровь кровь море крови грохот выстрелов лица мёртвых убийства детей ВОЙНА стрельба смерть кровь приказы вопли побег предательства издевательства унижение ненависть страх отторжение кишки отчуждение погоня слёзы смерть рыдания ВОЙНА приказ отчаяние ненависть тоска кровь убийств смерть преследование взрывы уничтожение рвота гибель ненависть гибель убийства война кровь крики ненависть стыд стыд стыд

...я в полном бессилии свалился на колени, не зная, как ещё себя ощущать. Хочется провалиться сквозь металл, хочется упасть с огромной высоты и рассыпаться на миллиарды осколков, чтоб больше никто не собрал. Я не заслужил жить, я не заслужил дыхания, я не заслужил Троебожия.

— Зачем ты пришёл?

— Меня попросили... принести кольцо...

— Зачем?

— Я не знаю...

Слёзы полились ручьями. Тело оставило меня, и в дрожи я упал лицом к ногам силуэтов. Вместо жара от них повеяло холодом, могильной чернотой космоса. Она меня не примет, не примет никого из нас. Люди ошибались, думая, что всех ждут высшие миры.

— Ты думаешь о спасении?

Я лишь кивнул, ведь божеству и не требуется слышать меня, чтоб узнать мои ответы. Я попробовал протянуть к ним руку, но силуэты отодвинулись в мгновение, оставив тонкий слой льда на полу.

— Ты убивал моих детей. Весь ваш род уничтожал моих созданий на Земле, Марсе. На Венере, на Плутоне. Сколько бы я ни слал вам препятствий, думая, что отступите — вы только усиливали напор. Убивая и погибая. Вы предали саму природу, потеряли со мной связь давным-давно, прыгая от одной планеты к другой и оставляя за спиной безжизненные земли. Вы загнали МЕНЯ на край КОСМОСА! ЗАЧЕМ ты пришёл?

Я сросся с металлом, стал плоским, совсем маленьким, совершенно незначительным. Вся суть улетучилась, из меня вынули душу, а зачем тогда тело?

— Мне же дали кольцо...

— И что ты хотел с ним сделать?

Новый вопрос выдавил из меня последний выдох.

— Я хотел...

— ОТВЕЧАЙ МНЕ!

— я...

Стены содрогнулись, скрип башни оглушил, но я продолжил слышать сам себя и Троебожие. Оно гневалось, имело на то причины. Я же смог хотя бы в *этом* моменте подумать не только о себе. Впервые за всю жизнь.

— мы просим прощения за то, что всё ещё живы...

Больше книг на сайте - Knigoed.net